

ВЫСШЕЕ
ОБРАЗОВАНИЕ

С. А. РЕЙСЕР

*Русская
палеогеография
нового времени*

С. А. РЕЙСЕР

*Русская
палеогеография
нового времени
неогеография*

*Допущено Министерством высшего
и среднего специального
образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов вузов,
обучающихся по специальности
«История»*

МОСКВА
·ВЫСШАЯ ШКОЛА·
1982

ББК 63.2
Р 35

Рецензенты:

Кафедра вспомогательных исторических дисциплин Московского государственного историко-архивного института (зав. кафедрой проф. *Е. И. Каменцева*) и доцент *А. В. Муравьев*

Рейсер С. А.

Р35 Русская палеография нового времени (Неография): Учеб. пособие для студ. вузов спец. «История». — М.: Высш. школа, 1982. — 136 с., ил.
25 к.

В пособии дается характеристика различных видов писчих материалов, орудий письма и способов записи нового времени. Приводятся иллюстрации орудий письма, разных типов русских почерков. Книга снабжена терминологическим словарем.

Р 0503000000—571 6—82
 001(01)—82

ББК 63.2
902.9

© Издательство «Высшая школа», 1982

Палеографией называется вспомогательная историческая дисциплина, изучающая письменные памятники (материалы и орудия письма, историю способов записи и особенностей графики). Это изучение издавна и традиционно ограничивается памятниками XI—XVIII вв. «Палеография занимается главным образом изучением рукописей до XIX в., однако практически палеографический анализ может проводиться и в отношении документов более близких к нам по времени, т. е. XIX и начала XX в.»¹. Письменные источники XIX и XX вв., если и исследуются, то лишь самым беглым образом и их принято называть источниками нового времени. Так, учебник Л. В. Черепнина «Русская палеография» заканчивается первой половиной XIX в. — этому полустолетию уделена только одна глава, едва ли не самая краткая. «Разработка ряда вопросов, связанных с изучением письменности XIX—XX вв., — замечает Л. В. Черепнин, — дело будущего»². Ненормальность такого положения уже отмечалась исследователями.

Круг проблем, подлежащих ведению неографии, в принципе мало отличается от тех задач, которые стоят перед русской палеографией и не раз были отчетливо сформулированы в широко известных курсах Е. Ф. Карского, А. И. Соболевского, М. Н. Тихомирова и А. В. Муравьева, Л. В. Черепнина, В. Н. Щепкина и др.

Следует, однако, подчеркнуть, что на нынешнем этапе своего развития неография и палеография еще не отделились друг от друга: они близки не только предметом изучения, кругом проблем, но и методами работы, нередко перекрывающими друг друга.

И в том и в другом случае важно помнить, что неография, как и палеография, касается внешнего характера

¹Муравьев А. В. Палеография. Учебно-методическое пособие. М., 1960, с. 3.

²Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956, с. 74.

письма, исключая тем самым эпиграфику, граффити, нарезные, чеканные тексты и пр.

Степень изученности основных проблем палеографии и неографии разная.

В круг проблем неографии входит, прежде всего, материал, на котором выполнено письмо. В палеографии это очень сложная и разнообразная проблема. Для неографии — речь идет исключительно о бумаге. Хотя она и претерпела за последние два-три века определенную эволюцию, но все же ее путь несравненно короче и проще, чем, скажем, папируса, бересты, пергамена и других писчих материалов.

С другой стороны, орудия письма нового времени изучены больше, чем древнего периода. «Обиход книгописца» старых времен нам все-таки меньше знаком, чем, например, история гусиного пера, орудия, давно вышедшего из употребления.

Что же касается третьей проблемы — способа записи, т. е. графики в ее исторической обусловленности, то и здесь степень изученности разная. Для палеографа тот или другой начерк совершенно достаточная «примета» для датировки лежащего перед ним документа. «Приметы» почерка нового времени находятся в этом смысле в меньшей степени изученности и не дают прочных оснований для установления даты. Конечно, мы легко отличим почерк Державина от почерка Шолохова, но уже в более узких границах легко допустим ошибку.

Есть, однако, и объединяющие старую и совсем молодую новую науку проблемы.

В обоих случаях изучение всех внешних особенностей преследует совершенно определенную внутреннюю цель — разнообразные приемы палеографии и неографии стремятся установить аутентичность документа, определить его автора, время написания и тем самым соотношение редакций. Все это имеет сходную конечную задачу — показать место памятника в истории культуры (истории, литературы и т. д.) в целом.

К трудностям становления неографии следует отнести еще одно обстоятельство: близкий, а иногда тот же круг проблем изучается еще и текстологией. Разграничение неографии и текстологии не может считаться достаточно отчетливым. Впрочем, это характерно для молодых наук, только нащупывающих свои границы, свои пути и методы. Термин текстология привычно применяется к мате-

риалу новой русской литературы и в небольшой степени — к памятникам других наук. В древней истории и литературе он чаще соприкасается с археографией¹, источниковедением и некоторыми другими вспомогательными историческими дисциплинами².

Обращая основное внимание на проблемы установления текста, текстология не касается таких специфических для палеографии проблем, как материал и орудия письма, способы записи и т. д.

Довольно трудно определить хронологические границы неографии. Вероятно, переломным моментом в истории русской графики следует считать петровскую реформу в области шрифта, т. е. введение новой, гражданской азбуки в 1708 г. Спустя некоторое время, но не ранее чем через полвека, этот новый шрифт (если не считать церкви) через издававшиеся книги и через школу прочно вошел в обиход. Он определил постепенное изменение прежних (старинных) начертаний скорописи, практически ставшей единственно употребительной в быту, науке, торговле, творчестве и т. д. Судя по ряду изданных во второй половине XVIII в. прописей, именно к этому времени можно говорить об окончательном утверждении нового письма. Впрочем, архаические написания еще какое-то время бытовали (например, у стариков), но молодое поколение стало пользоваться новыми начертками, в сущности, только им и известными. Поэтому будет справедливым утверждение об очень постепенном переходе от палеографии к неографии приблизительно с конца XVIII в.

Было бы ошибочным механически переносить предмет и методы палеографии древней на новое время. Палеография древнерусских памятников стремится учесть и обработать данные по возможности всех старых памятни-

¹ См.: *Шилов А. А.* Руководство по публикации документов XIX и начала XX в. М., 1939; *Правила издания исторических документов в СССР.* М., 1969.

² Позиция сторонников традиционного понимания палеографии, протестовавших против расширения области изучения на новое время (в первую очередь, Л. П. Жуковской), представляется в настоящее время окончательно поколебленной; см. мою статью Палеография текстов нового времени в сб.: *Текстология славянских литератур.* М., 1973, с. 105—106. Ср. также *Черепнин Л. В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. — В сб.: *Источниковедение отечественной истории.* М., 1973, вып. I, с. 48—49; *его же.* Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины. — В сб.: *Проблемы палеографии и кодикологии в СССР.* М., 1974, с. 21.

ков, число которых ограничено, чтобы яснее представить себе пути и способы эволюции письма.

Палеография нового времени испытывает противоположную трудность — обилие материала. Письменные памятники нового времени (приблизительно с начала XVIII в.) дошли до нас в неисчислимом количестве. Именно в этом трудность установления исторических путей эволюции русской графики. Следует помнить, что телефон, широко вошедший в быт с начала XX в., резко сократил количество документов, особенно эпистолярных; то, что раньше посылалось запиской, стало передаваться устно. Другим конкурентом письма стала телеграмма¹.

В современных исследованиях по палеографии необходимо учесть и новые приемы воспроизведения и анализа документов: микро- и макрофотография, фотография в рентгеновских и других лучах, магнитофон и т. п.

Поскольку термин палеография используется в качестве определения вспомогательной по отношению к истории и в какой-то мере литературоведению дисциплины, представляется возможным применение его и по отношению к памятникам письменности нового времени. Получает, однако, распространение и термин «неография»; он выразительно свидетельствует об актуальности самой проблемы². Этим и объясняется подзаголовок этой книги.

К области палеографии относится и проблема установления аутентичности документов. В ряде случаев достаточно одних палеографических приемов — графической экспертизы, анализа бумаги и чернил — для установления подлинности документов. В других случаях палеографический анализ является одним из важных, но все же вспомогательных аргументов: он должен дополнять анализ текстологический.

Теперь можно утверждать, что никакое изучение автографа или копии произведения, слоев вариантов, соотношения редакций, датировок и многое другое не может быть выполнено без привлечения данных неографического анализа.

¹ *Веселов П. В.* Современное деловое письмо в промышленности. 2-е изд. М., 1970, с. 22 и след.

² *Валк С. Н.* Судьбы археографии. — Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962, с. 464; *Берков П. Н.* О переходе скорописи XVIII в. в современное русское письмо. — В кн.: Труды Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. 1964, вып. VII, с. 37.

1. Бумага

В течение последних трех столетий технологический процесс изготовления бумаги существенно изменился¹.

Исторически бумага долго и сложно «боролась» с другими, нередко более долговечными материалами записи, в особенности с пергаменом (так называлась специально обработанная кожа животных, применявшаяся в качестве материала для письма). Однако дешевизна и простота производства бумаги, быстрое улучшение ее качества и постоянно возраставшие потребности определили уже к XV в. полную победу именно этого материала письма.

Современные требования к бумаге — прочность, плотность, непрозрачность, гладкость, белизна, проклеенность, водо- и жиронепроницаемость и пр. — определили наличие в мировой бумажной промышленности тысячи сортов бумаги. В быту, кроме того, различаются основная и оборотная стороны бумаги — качество, связанное с техникой изготовления: на бумаге низших сортов на одной («гладкой») стороне чернила почти не расплываются, на другой («шершавой») — писать гораздо труднее. Резкое ухудшение качества бумаги у нас в стране относится ко времени гражданской войны и интервенции: оберточная бумага, на которой печатались газеты, газетная, заменившая собой писчую, естественно, недолговечны и быстро разрушаются даже в условиях хорошего хранения. В известной мере эти качества компенсиру-

¹ См.: *Малкин И. Т.* История бумаги. М., 1940; *Участкина З. В.* Русская техника в производстве бумаги. М.—Л., 1954; *ее же.* Развитие бумажного производства в России. М., 1972. Многочисленные виды и сорта производимой в СССР бумаги и их техническая характеристика даны в книге: *Бумага и бумажные изделия.* М., 1965.

ются специально разработанными методами консервации и реставрации¹.

В начале XVIII столетия в России столбцы (свитки) навсегда уступили место гораздо более удобной форме тетради (книги)². В нашем языке до сих пор сохранились ставшие идиомами выражения — смотри «выше» и «ниже». Они восходят именно к чтению столбцов и мало оправданы в применении к книжно-тетрадной форме.

Водяные знаки (филиграни). Начиная с XIII в. иностранная и приблизительно с начала XVIII в. русская бумага в подавляющем большинстве случаев имеет водяной знак (иначе — филигрань, от франц. *les filigranes* — изделие из проволоки). Бумажную массу брали специальным черпаком, дно которого было сделано из особой проволочной сетки: здесь и ставили проволочный знак, который отпечатывался на бумаге. Бумага, изготовленная таким способом, имела фабричный знак (эмблему, литеры) владельца и год изготовления. Филиграни ясно просматривались на свет, но письму не мешали. В условиях частновладельческой конкуренции водяной знак был важнейшим фактором борьбы за рынок сбыта.

Палеографу и текстологу филиграни помогают датировать рукописи: бумага часто на год старше написанного на ней текста. Впрочем, писатель мог писать и на залежавшей у него старой бумаге. До некоторой степени водяной знак может ориентировать и относительно места письма — естественно предположить, что бумага распространялась неподалеку от места изготовления (впрочем, эта примета весьма ненадежна). Лишь при постоянном употреблении писателем одной и той же бумаги в течение ряда лет можно более или менее уверенно ориентироваться на этот признак. Советская же бумага для массового употребления выпускается без филигранных, и это лишает исследователя возможности даже предположительно опи-

¹ Литература по этому вопросу очень велика. Каких поразительных результатов достигло в наши дни искусство реставрации пергамента, бумаги и прочих материалов и восстановления «угасших» текстов можно судить по книге: Неизвестный памятник книжного искусства. Опыт восстановления французского легендария VIII века. М. — Л., 1963 (Лаборатория консервации и реставрации документов Академии наук СССР). См. также сб.: Проблемы сохранности документальных материалов. Л., 1977.

² Автократов В. Н. К истории замены столбцовой формы делопроизводства — тетрадной в начале XVIII в. — Сб.: Проблемы источникововедения. М., 1959, вып. VII, с. 274—286.

раться на этот признак. С середины XVIII в. в России практически использовалась бумага иностранного и отечественного происхождения с не менее чем 1500 водяными знаками¹.

Бумага в творческом процессе. Если архивы XVIII — первой половины XIX в. состоят преимущественно из рукописных книг и тетрадей, а также полных листов, то более позднее время характеризуется постепенным переходом к отдельным разноформатным листам и к их фрагментам. В составе почти каждого архива, начиная со второй половины XIX в., находится огромное количество частей листа — половинок, четвертушек, осьмушек и просто бесформенных листков, оторванных от целого.

Если в конце XVIII — первой половине XIX в. текст на листе бумаги занимал не более 60—70% площади (оставались большие поля), то впоследствии лист начинает заполняться плотнее. В наши дни редко можно встретить, например, восходящую к канцелярской традиции XVIII—XIX вв. систему, когда лист перегибался пополам, а текст писался только справа, левая сторона оставалась для поправок. Так была переписана поданная в цензуру А. Н. Радищевым рукопись «Путешествия из Петербурга в Москву», таковы черновики М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Островского, «ландкарты» И. А. Гончарова и др.

В наши дни рукопись творческого характера почти всегда пишется на одной стороне отдельного листа. Необходимость в экономии бумаги отпала. Не то было в первые годы Советской власти. Об этом вспоминает Александра Бруштейн: «Бумага была остродефицитна. Специальными приказами по всем учреждениям запрещалось писать размашисто, оставлять поля и незаполненные изнанки. Предлагалось применять в качестве писчей бумаги все сколько-нибудь на нее похожее. В дело шел каждый листок, использованный всего с одной стороны и, значит,

¹ См.: Клепиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII — начала XX века. М., 1978. Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, с. 269—270; Щепкин В. Н., Щепкина М. В. Палеографическое значение водяных знаков. — Проблемы источниковедения. М., 1958, вып. 6, с. 325—346. См. описание бумаги, водяных знаков и бумажных мельниц автографов Пушкина в изд.: Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме. М.—Л., 1937, с. 295—344, и воспроизведение водяных знаков бумаги, на которой писал Гоголь: Гоголь Н. В. Собр. соч., 10-е изд. М., 1889, т. 1, перед текстом.

чистый с изнанки... Протоколы заседаний профсоюза «Всемирный труд» велись на изнанке страниц рукописной «Книги приказов высочайшего императорского двора». Рукописи научных трудов писались в то время на изнанке обертки «Мраморное мыло Жукова с сыновьями». А уж повестки или письма — на чем пришлось. Писали от руки, писали на мимеографе, писали на сломанных пишущих машинках со спотыкающимся шрифтом»¹.

Рукописи творческого характера пишутся на листах разнообразного формата, в зависимости от индивидуальных вкусов автора. Одни предпочитают формат школьной тетради, другие — тетрадки «для слов» или блокноты и т. д. Пределом множественности не поддающихся группировке «форматов» являются рукописи В. Хлебникова, написанные на разнообразных клочках². Выступая однажды на собрании писатель рассказывал, что не способен ничего написать на листе большого формата — площадь такой страницы застает его растерянным, в состоянии своеобразной агорафобии (боязни пространства)³. Иногда материально стесненный автор экономит каждую строку: так писал семинарист Добрылюбов в Нижнем Новгороде в 1849—1853 гг., так экономит на формате бумаги молодой Ключевский в Москве в 1861 г.⁴

Немалую роль играют не всегда ясно осознанные психологические особенности, вроде тех, о которых писала Марина Цветаева. Поэт не станет писать творчески, т. е. начерно в красивых «подарочных» альбомах: «Писать в сафьяне то же самое, что пахать в атласе — не дело, игра в дело, дилетантизм, безвкусице. Пари держу, что большинство плохих стихов написаны в сафьяновых тетрадях, купленных (имущественное положение не причем), может быть, на последние деньги, равно как и персидский халат, в котором это священнодействие совершается, чтобы хоть чем-нибудь восполнить сплошную прореху дара. А Пушкин писал в бане на некрашенном столе»⁵.

¹ Бруштейн А. Страницы прошлого. М., 1956, с. 358—359.

² Ученые записки Тартуского университета, 1966, вып. 184, с. 267, 269.

³ Ср.: П. А. Ефремов в изд.: Письма... к библиографу С. И. Пономареву. М., 1915, с. 106.

⁴ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974, с. 89.

⁵ Литературная Армения, 1966, № 1, с. 56.

Современная зарубежная практика дифференцирует многочисленные сорта бумаги для различных надобностей — официального доклада, траурного извещения, поздравления и т. п.

Наконец, в настоящее время существует обилие карточного материала. Подготовительные данные для написания исследовательского труда удобно располагать на карточках. Достаточно сравнить сложную и громоздкую систему составления «реестров» в тетрадах, подробно описанную и рекомендованную А. Т. Болотовым в 1789 г.¹, с карточкой, и преимущества ее станут очевидны. В употреблении бывают карточки так называемого международного формата (7,5×12,5 см) или самодельные, чаще всего в одну шестнадцатую долю листа (7,5×5 см). Из последних состоит, между прочим, знаменитая картотека Л. Б. Модзалевского в Пушкинском Доме Академии наук СССР, насчитывающая до 200 000 ед.²

Этикет письма. Для неографа важно исследование некоторых особенностей эпистолярных документов XIX—XX вв. Огромное многообразие форматов может быть объяснено утратой старинного, неукоснительно соблюдавшегося раньше этикета письма. Рапорт к начальству, прошение в какое-либо учреждение, частная переписка друзей и знакомых, даже письма к родителям подчинялись строгим правилам расположения элементов текста. Место даты, обозначение откуда письмо послано, обыкновенная, а не специальная «почтовая» бумага, ее цвет, поля, помарки, неправильно согнутая бумага, письмо, написанное на оторванном листке или карандашом, а не чернилами, неразборчивость почерка, а особенно подписи³, письмо, запечатанное концом ножа, а не облаткой или печатью⁴, — все это сегодня кажется архаикой. До-

¹ «Нечто для любопытных и упражняющихся в науках». «Экономический магазин...», 1789, ч. 37, № 21, с. 321—334. Перепеч: Рейсер С. А. Хрестоматия по русской библиографии с XI века по 1917 г. М., 1956, с. 71—74.

² Советская библиография, 1959, № 6 (58), с. 67.

³ Чрезмерный росчерк в письме к начальнику или к даме считался неуважительным и мог серьезно повлиять на служебные успехи чиновника; см.: Чехов А. П. Пережитое. (Психологический этюд). ПССиП. Соч. М., 1974, т. I, с. 468—469.

⁴ Заклеенная записка считалась ниже рангом чем запечатанная; об этом см., например, в романе Тургенева «Новь» (глава XXIII). В СССР до начала 30-х годов адрес отправителя на письме почты никогда не обозначался; в настоящее время это общепринято.

статочно просмотреть многочисленные «Письмовники» или старинную переписку, чтобы убедиться в строгости прежней системы¹.

Особым правилам подчинялась начальная форма обращения (в одну или две строки) и заключительная часть². Титулатура в адресе была настолько строга, что С. Т. Аксаков счел необходимым специально оговорить ошибку Гоголя, который в 1836 г. назвал адресата «Его высоко-родием», в то время как адресат был лишь титулярным советником, т. е. «благородием». В письме актрисы В. Н. Асенковой к И. И. Сосницкому от 7 августа 1837 г. в постскриптуме сделана специальная оговорка: «Винувата, подписываясь, забыла написать — готовая к услугам»³. В 1878 г. Тургенев спрашивал своего давнего и близкого друга Я. П. Полонского: «...кстати — ты просто статский или действительный статский советник? это я спрашиваю для адреса»⁴.

Последовательность элементов адреса (даже в частной переписке) у нас и за рубежом различна — наша система представляется более логичной. Различно и место указания адреса отправителя — за границей он пишется на обороте конверта.

Особая и почти совершенно неразработанная тема — традиция и этикет писем В. И. Ленина. Об этом есть не-

¹ Здесь уместно вспомнить выпущенное по распоряжению Петра I издание: «Приклады, како пишутся комплементы разные...» (М., 1708), содержавшее образцы разного рода писем. Кроме того, назову: «Наставление», как сочинять и писать всякие письма к разным особам, с приобщением примеров из разных авторов» (М., 1765) и ряд переизданий: *Сазонов* и *Бельский*. Полный русский письмовник. Сборник образцовых писем, деловых бумаг и коммерческой переписки... СПб., 1887, ч. 1—4; Всеобщий письмовник. Письма родственные, дружеские, известительные, поздравительные и пр. М., 1908; *Михайлов Н.* Письмовник для влюбленных. М., 1915 и ряд других изданий подобного рода.

² *Климова Н. В.* Структура и стилистические функции обращения в письмах И. С. Тургенева. Исследования по русскому языку. (Сборник работ кафедры русского языка). Днепропетровский гос. университет, 1970, с. 127—133.

³ *Алянский Ю.* Варвара Асенкова. Л., 1974, с. 90.

⁴ *Аксаков С. Т.* Собр. соч. М., 1956, т. III, с. 159; *Тургенев И. С.* ПССИП. Письма, 1966, т. XII, кн. 1, с. 292; Русские ведомости, 1883, 30 января, № 30, с. 2, Ср. еще в письме Чехова А. Н. Плещееву 14 мая 1889 г. «...на конверте я не буду писать «его высокоблагородию»; разрешите мне это удовольствие» (*Чехов А. П.* ПССИП. Письма. М., 1976, т. 3, с. 213).

которые данные в статье Дейч Г. М. «О некоторых внешних особенностях писем В. И. Ленина родным»¹.

Иным правилам подчинена деловая переписка². Сложным нормам подчиняется переписка дипломатическая³.

В настоящее время мы наблюдаем некоторое возрождение этикета письма и адреса. Научные издания писем издаются с соблюдением очень строгих правил, на основе специальных инструкций⁴.

Конверт. Конверт иногда ошибочно считается английским изобретением; честь его введения в оборот незаконно приписывается владельцу писчебумажного магазина в г. Брайтоне Бреверу и относится к 1820 г. На самом деле конверт значится уже в «Новом словотолкователе...» Н. Яновского (СПб., 1804, ч. 2, с. 450).

Самое слово происходит от французского *souvert*. Впрочем, во французском языке понятие «конверт» закрепилось за словом *enveloppe*, а «куверт» стал обозначать обеденный прибор. В русском языке постепенно укоренилось то же употребление⁵. Приблизительно до 1860 г. «конверт» и «куверт» на правах синонимов употреблялись более или менее равноправно. От конверта отделился и вел параллельное существование «пакет» (нем. — *paket*, франц. — *paquet*, в русском языке употребляется по-видимому, с половины XVIII в.). Функция пакета была та же, но обычно он содержал либо более важные, либо более объемные бумаги. Пакет не обязательно складывался углами — он мог быть квадратом или прямоугольником с ровными клапанами.

¹ Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974, с. 177—183.

² См.: Горбунов П. И. Деловые бумаги. М., 1959; Веселов П. В. Современное деловое письмо в промышленности. 2-е изд. М., 1970; Лопатин Г. С., Воронов К. Г., Бойко В. И. Коммерческая корреспонденция. 3-е изд. М., 1975; Шевченко В. С. и Светлова-Голякова А. Н. Внешнеторговая корреспонденция и документация. 2-е изд. М., 1966; Рахманин Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 1973 и др.

³ См.: Ковалев Ан. Азбука дипломатии. М., 1965.

⁴ Les éditions de correspondances. Colloque 20 avril 1968. Paris, 1969. (Publications de la Société d'histoire littéraire de la France).

⁵ Колесников Н. П. О происхождении слова конверт. Этимологические исследования по русскому языку. МГУ, 1968, вып. 6, с. 58—61. В «Капитанской дочке» Андрей Петрович Гринев запечатывает паспорт Петруши и письмо к генералу Андрею Карловичу Р. в один пакет. Впрочем, в языке Пушкина употребление обоих слов — пакет и конверт — более или менее равноправное: см. Словарь языка Пушкина. М., 1957, т. II, с. 362; М., 1959, т. III, с. 267.

Слово конверт вошло в русский язык при Петре I. В именном указе 1716 г. читаем: «...каждый должен есть за письма под конвертом его идущие отповедствовать»¹. Однако старинная форма, более близкая к изначальному французскому «куверт», еще недолго сохранилась. Она встретится в официальном отношении сибирских чиновников², в письме П. А. Вяземского к Г. А. Римскому-Корсакову³ и в еще более позднее время в письме И. С. Тургенева к М. А. Маркович от 17 февраля (1 марта) 1861 г.⁴

Различные источники удостоверяют очень раннее бытование этого слова. «Конверт» упоминается в письме С.-Петербургского градоначальника А. Э. Девьера к кн. А. Д. Меншикову 28 января 1723 г.⁵, в письме Г. Р. Державина к Б. В. Пестелю 10 марта 1786 г.⁶, в «Записках» А. Т. Болотова⁷.

Неизвестно, к какому времени относится интерполяция в текст записанной в 1871 г. былины «Молодец и худая жена» слов: «Во шелков комверт» <казну> да запечатал»⁸. Однако в сказке С. Т. Аксакова «Аленький цветочек» написанное отцу письмо дочь «припечатывает» печатью без конверта.

Записка, посланная Андреем Гавриловичем Дубровским Кириллу Петровичу Троекурову (Пушкин, «Дубровский», глава I), была сложена треугольником (действие романа отнесено ко времени после 1812 г.). Вскрытое почтмейстером Иваном Кузьмичом Шпекиным письмо Хлестакова, как видно из текста, также не имело конверта (Гоголь, «Ревизор»). Однако Пушкин в переписке конвертами почти никогда не пользовался, предпочитая запечатывать облаткой или сургучом соответствующим образом сложенное письмо. Точно так же лишь редкие пись-

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830, т. V, с. 188.

² См.: *Эйдельман Н. Я.* Обратное провидение. — Новый мир, 1970, № 5, с. 235.

³ См.: *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 175.

⁴ См.: *Тургенев И. С.* ПССиП. Письма. М., 1962, т. IV, с. 199.

⁵ См.: Русский архив, 1865, стлб., 1262.

⁶ См.: *Державин Г. Р.* Собрание сочинений. СПб., 1876, т. V, с. 435.

⁷ См.: *Болотов А. Т.* Записки. 1738—1795. 3-е изд. СПб., 1875, т. I, с. 318.

⁸ *Гильфердинг Л. Ф.* Онежские былины. 2-е изд. СПб., 1896, т. II, с. 160.

ма Гоголя (и писанные в России и присланные из-за границы) имеют конверт — обычно адрес обозначен на самом письме.

Письмо, которое в 1855 г. Жюли ле-Теллье заставила послать Сержа Сторешникова Вере Павловне Розальской, и «предсмертное» письмо, которое в июле 1856 г. послал Вере Павловне Дмитрий Сергеевич Лопухов, — оба раза по городской почте — были в конвертах («Что делать?», 1863). В конвертах были и все письма, которые «Заключенный в покое № 11» Алексеевского равелина Петропавловской крепости Н. Г. Чернышевский посылал на волю.

Два письма Марка Волохова к Вере (Гончаров, «Обрыв», 1868) были запечатаны, но конверта не имели. В «Вечном муже» Достоевского (1869) Трусоцкий посылает Вельчанинову письмо в конверте. В «Бесах» (1871—1872) Кириллов достает для письма конверт (часть I, глава 3, § 8). Письмо Каренина к адвокату было послано в конверте («Анна Каренина», ч. IV, гл. 8, 1877), в «Братьях Карамазовых» (1879) письма, которые Лиза Хохлакова передает Алеше Карамазову, были в конвертах (часть IV, кн. XI, § 3): Иван Карамазов «и не распечатав конверта вдруг разорвал его» (там же, § 5, ср. еще часть I, книга III, § 10).

Таким образом, длительное время продолжалось параллельное существование переписки с конвертом и без него.

В России всеобщее употребление конверта относится, видимо, к первой четверти XIX в. Впрочем, письма без конверта еще долго существовали.

В личной (не канцелярской) переписке конверты довольно быстро получили широкое распространение. Для тех, кто предпочитал обходиться без него, возникала особая трудность — надо было изловчиться расположить текст так, чтобы сохранилось подходящее чистое место для адреса.

Впрочем, в России до первой мировой войны, а за рубежом и теперь в коммерческой переписке практикуются конверты с прозрачным окошком на лицевой стороне: адрес в этом случае печатается на сложенном тексте письма, так чтобы он пришелся к нужному месту конверта. За рубежом существуют конверты с прикрепленной вдоль нитью, которая помогает вскрыть конверт одним движением без помощи ножа.

Почтовые ведомства разных стран не сразу узаконили употребление конверта. «Конвертированные» и «неконвертированные» письма оплачивались по-разному, потому что конверт (чаще всего из плотной бумаги) увеличивал вес письма, за которое платили «весовые» деньги. В 30-х годах XIX в. в России за лот (около 13 г) за 100—300 верст взимали 20 коп., за 300—500 верст — 30 коп. и т. д.

Иногда та или иная традиция вызывала дополнительные осложнения. По свидетельству Герцена («Былое и думы», часть VI, глава 8), в Англии письмо, особенно к даме, полагалось вкладывать в конверт сложенным вдвое, а не вчетверо.

Советская практика использует для писем почти исключительно конверты формата 160×110 мм. За рубежом разнообразие форм и размеров гораздо большее — очень распространены, в частности, удлиненные прямоугольные конверты.

Конверты с клеевым клапаном стали изготавливаться не сразу. Конверт, запечатывавшийся клеем, несколько затруднял перлюстрацию. В «неконвертированном» письме облатку или каплю сургуча легко было незаметно отделить и восстановить на прежнем месте.

Стоит напомнить, что в годы острого бумажного кризиса (в эпоху гражданской войны, а потом в период Великой Отечественной войны) бесконвертные письма широко вошли в употребление. Для фронтовых писем особенно популярна стала форма треугольника. В современной практике бесконвертное письмо — редкость.

Для неографа обозначение адреса и адресата на том же документе, на котором написан и текст письма, представляет определенное удобство, которое отсутствует при раздельном (и часто разъединенном) существовании письма и конверта. Дело в том, что штемпельная, почтовая дата — очень достоверный способ датировки. Не забудем, что в русской традиции точное указание даты и места написания письма было непривычно — на это не раз сетует Тургенев в письмах к своим неаккуратным в этом отношении корреспондентам¹.

В этой связи стоит привести любопытное замечание о конвертах известного французского журналиста Эжена

¹ См. также: Рейхель М. К. Отрывки из воспоминаний. М., 1909, с. 17—18.

де Мирекура, которое в русском переводе гласит: «Нелепое пристрастие к конвертам, от которых никто не избавлен в наши дни, явится причиной того, что через пятьдесят лет будет невозможно датировать и определять любопытные письма». Вовсе забыта в наши дни так называемая «секретка» — письмо, написанное на одной стороне листа, заклеивавшееся по краям перфорированной ленточкой той же бумаги. «Секретка» посылалась без конверта; адрес писался на оборотной стороне письма.

2. Грифельная доска

В наше время грифельные доски, по крайней мере в СССР, почти вышли из употребления; не то было в XVIII, XIX и начале XX в. В России они перестали применяться в школьном обиходе примерно перед первой мировой войной.

Изготовленная из аспиды (черного сланца) и заключенная в деревянную рамку приблизительно тетрадного формата грифельная доска в школьном и дошкольном обиходе представляла большое удобство. В неумелых еще руках ребенка бумага без твердой подложки легко гнулась, мялась и рвалась, держать ее было неудобно, неправильное использование «площади» приводило к тому, что лист оказывался вышедшим из строя едва ли не в начальной стадии заполнения.

Твердая двусторонняя поверхность грифельной доски была удобна для письма и рисования школьника (или даже дошкольника), держать ее было легче и сподручнее, а возможность стирать написанное давала широкий простор упражнениям ребенка. Легкий грифель приучал к правильной постановке руки.

В младших классах гимназии грифельная доска рационально использовалась для обучения письму и рисованию.

Но в XVIII—XIX вв. грифельная доска не была принадлежностью только детского обихода. Ею пользовались и взрослые для черновых записей, не требовавших постоянного сохранения, для подсчетов, для черновых, предварительных набросков и т. д. При дороговизне бумаги это имело большое значение для бюджета семьи.

О давности употребления аспидной доски свидетельствует «Арап Петра Великого» Пушкина (1827). «Возь-

ми-ка аспидную доску да ступай за мною», — говорит Петр Ибрагиму и диктует ему указы (гл. 2). И перед смертью Петр попросил грифельную доску и что-то неразборчиво на ней написал.

Грифельной доской часто пользовался знаменитый математик, академик Л. Эйлер, из писателей — Державин. Последние написанные поэтом 6 июля 1816 г. стихи «Река времен в своем стремлении...» в сильно поблекшем от времени виде сохранились на грифельной доске, хранящейся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Грифельная доска употреблялась в учебных заведениях: см., например, в «Литературных воспоминаниях» А. М. Скабичевского (40-е годы XIX в.)¹, «Очерках бурсы» Помяловского (1863, очерк «Женихи бурсы»). Несчастливцев в «Лесе» Островского (1870) говорит гимназисту Буланову: «Ты надень сумку через плечо, прицепи на пуговицу грифельную доску и поди доучиваться» (действие V, явл. 2). Ср. еще упоминания грифельной доски в рассказе В. А. Соллогуба «История двух калош» (1839, гл. «Детство»), в «Реалистах» Писарева (1864, гл. 30), в «Плодах просвещения» Толстого (1890, действие IV, явл. 12) и т. д. В рассказе Чехова «Репетитор» (1884) употребление грифельной доски для решения арифметических задач совершенно естественно и привычно.

По свидетельству П. А. Кропоткина в Петропавловской крепости в 70-х годах XIX в. грифельные доски давались заключенным².

Флобер предлагал начинающим писателям писать сначала на грифельной доске, чтобы проверить написанное на глаз. Значит, это орудие было в его времена обычным. А в парижских бистро грифельная доска для писания меню и для счета употребляется и сегодня.

Жаль, что теперь грифельная доска не находит практического применения ни в школе, ни дома.

3. Чернила

Методика изготовления стойких, отчетливо видимых и не слишком быстро портящихся чернил была освоена далеко не сразу, и до наших дней сохранилось великое

¹ Земля и фабрика. М.—Л., [1928] с. 41.

² Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966, с. 317.

множество рецептов с самыми разнообразными и иногда неожиданными ингредиентами (сажа, камедь, глицерин, железный купорос, танин, бура, шеллак, просо, сулема, бузина, уксус, желатин, мел, квасцы, кемпешевое дерево, вода, соляная и карболовая кислоты, ржавые гвозди, листья березы, дубовая, ольховая, яблоневая и ясеневая кора, жженое сено, квас, кислые щи, щавель, патока, сахар, кислый и пресный мед, чернильные орешки, вишневый клей, лимонный сок и т. д.).

Известны случаи, когда заключенные, героически боровшиеся с тиранией самодержавия, пленные в гитлеровских лагерях писали предсмертные записки собственной кровью. Арабская пословица гласит, что «чернила мудрецов так же ценны, как и кровь мучеников»¹.

Приведенный выше перечень свидетельствует о долгих и трудных поисках удовлетворительных красителей для письма.

В прежнее время чернила чаще всего изготавливались домашним или кустарным способом по рецептам, переходившим из поколения в поколение. Нередко в коммерческих целях секрет производства каких-либо особо удавшихся чернил держался в строгой тайне, а иногда рецептура входящих в него элементов нарочно путалась. Сборники хозяйственных секретов XVIII—XIX вв. неизменно содержат многочисленные рецепты чернил.

Фабричное изготовление в наши дни значительно сузило рецептурное многообразие чернил, а в СССР подчинено строгим требованиям общесоюзного стандарта. Практически рецепты изготовления чернил сведены к немногим, но все с обязательным введением антисептиков. Современные чернила — водные растворы синтетических красителей с добавкой загущающих веществ.

¹ Литературная традиция знает еще написанные кровью письма влюбленных (мать Татьяны Лариной «бывало писывала кровью ... в альбомы нежных дев» («Евгений Онегин»), гл. II, строфа 33), клятвы, скрепленные кровью, подписанные кровью договоры и пр. Кровью, по легенде, скреплен и контракт Фауста с Мефистофелем. В языке бытует ряд поговорок и идиом, использующих чернила в качестве особой метафоры: «чернильная война», «чернильная душонка», о приказном старых времен говорили, что он «бумагою повит, чернилами вспоен» или «в чернилах крещен, острием пера вскормлен». Ср. еще у Пушкина: «Разводит опиум чернил слюною бешеной собаки», у Лермонтова: «В чернилах ваших, господа, и желчи едкой даже нет. — А просто грязная вода».

Введение спирта обусловило быстрое высыхание написанного, устранило обязательный ранее песок, а потом значительно ограничило и даже свело на нет употребление промокательной бумаги.

Потребитель предъявляет к чернилам ряд суровых требований: они должны быть устойчивы по составу и должны обеспечивать длительность прочтения написанного. Некоторые чернила при написании были бледными, а со временем написанное выступало и становилось отчетливым, но чаще было наоборот: резкое вначале вскоре выцветало и тускнело. Отсутствие равномерной светопрочности считается серьезным недостатком в производстве чернил.

Чернила не должны ни разрушать бумагу, ни вызывать быструю коррозию пера. Во весь период пользования данной порцией чернила не должны ни плесневеть, ни густеть; чернила, которые «дурно идут с пера», безусловно, браковались.

Поиски устойчивых чернил привели еще в 60-х годах XIX в. к изобретению так называемых ализариновых (а потом и антраценовых) чернил. Ализарин — одна из красивейших и устойчивых красок, извлекавшаяся из краппа — продукта обработки корней марены. Вскоре его стали изготавливать синтетически. Ализариновые чернила не давали осадка даже при длительном хранении, и это способствовало их популярности. К отрицательным сторонам надо отнести специфически резкий запах; он упоминается, например, в «Двенадцати стульях» Ильфа и Петрова (гл. I).

Не выдержали испытания временем так называемые химические анилиновые чернила. Кемпешевые чернила одно время (с конца 90-х годов) были популярны, но для деловых надобностей почти не использовались.

Очень удобны для транспортировки, не требуют тяжелой стеклянной тары, легко используются в путешествиях, экспедициях, в школе чернильные порошки или таблетки. В настоящее время они в СССР не производятся.

Хорошие чернила в течение долгого времени ввозились в Россию из-за границы: популярнее других в 70-х годах XIX в. были чернила французских фирм «Aptoine» и «Plessy».

В июне 1871 г. начальник главного управления по делам печати, в прошлом литератор, М. Н. Лонгинов про-

сил жившего в Москве Фета прислать ему этих чернил. Последовал стихотворный ответ:

Я был у Кача и Орбека,
Молил, просил;
Не отыскалось человека
Продать чернил.
Хоть плачь, хоть требуй благородно,
Хоть их беси,
Дают чернил каких угодно,
Да не Plessy.
Коммуна-де да прусский гений
Наслали бед;
Французских к нам произведений
В подвозе нет
и т. д.

В зависимости от назначения чернила различаются: школьные, канцелярские, копировальные, для специальных документов (например, паспортов), для особых технических надобностей (например, самопишущих приборов), штемпельные, для авторучек и пр. Техника революционного подполья, нужды партизан и разведчиков требовали еще и симпатических чернил, проявлявшихся особым составом. Конспиративные письма такого рода известны в наследии В. И. Ленина. Так, Е. Д. Стасова вместе с В. Ф. Кожевниковой переписала для Ленина такими чернилами между строк диссертации К. А. Крестникова «К морфологии крови при свинке» рассказ М. Горького «О писателе, который зазнался»¹.

Чернила различаются и по цвету: мировая промышленность знает их не менее 10. ГОСТ СССР называет черные, зеленые, фиолетовые, синие и красные.

Цвет употребляемых чернил определяется в основном вкусом потребителя. Это не касается красных чернил, приобретших специальную функцию: ими пользуется учитель при просмотре школьных тетрадей, редактор и пр.— одним словом, категория людей, делающих пометы на работах других, так как цвет контрастно выделяет правку. Никому не приходит в голову пользоваться красными

¹ Летопись жизни и творчества А. М. Горького. М., 1958, т. I, с. 309; Стасова Е. Д. Мои встречи с Горьким. — Литературная газета, 1962, 23 апреля, № 38 (4471), с. 2. Название диссертации приведено у Е. Д. Стасовой не вполне верно и нами уточнено. Указываемая ею дата (после марта 1901 г.) также исправлена. Диссертация К. А. Крестникова разрешена к печати 2 ноября 1902 г. и, значит, вышла в свет в конце 1902 г.

чернилами для ежедневных надобностей — это было бы очень утомительно для глаз.

Зачеркнутые, даже нарочно замазанные чернилами строки для современной фотографической техники в большинстве случаев не представляют трудностей для прочтения; при помощи различных светофильтров можно осуществить чтение нижнего слоя или даже послойное чтение нескольких редакций. Это особенно легко, когда поправки сделаны в разное время и разными чернилами¹.

Могущественная сила чернил в истории культуры давно зафиксирована в метафорическом высказывании Байрона: «Одной капли чернил достаточно, чтобы возбудить мысли у миллионов людей».

«Чернила,— писал Флобер 14 августа 1853 г. Л. Колле,— моя родная стихия... Впрочем, как хороша эта темная жидкость! И как опасна! Как утопаешь в ней, как она притягивает!»²

¹ См.: *Леонгардт Д. С.* Чернила, их происхождение и значение. — В сб.: *Реставрация и дезинфекция книг и бумаг.* М., 1939, с. 157—162; *Георгиевский В. Г.* Материалы по истории применения пигментов для книжного письма в России. — В сб.: *Труды совещания по истории естествознания 24—26 декабря 1946 г.* М.—Л., 1948, с. 235—248; *Вопросы долговечности документа.* Л., 1973.

² *Флобер Г.* Собр. соч. в десяти томах, 1937, т. 7, с. 535.

Если материал письма за последние века изменился сравнительно мало (бумага давно и прочно вошла в обиход), то орудия письма проделали за этот же период значительную эволюцию.

1. Гусиное перо

Пользование гусиным (или иным птичьим, в частности лебединым) пером восходит к глубочайшей древности: во всех иллюстрациях к Новому завету евангелисты держат в руке гусиное перо¹. По справке «Encyclopaedia Britannica» упоминание о нем встречается уже в VII в. н. э. (см. иллюстрации на с. 113—122).

Гусиное перо должно было быть особым образом подготовлено для письма², умело обрезано и отточено³, подогнано «по руке».

Особенно важно было сделать правильный очин и «раскеп», или расщеп. Для этого существовали специальные «раскепные» ножи: Иван Федорович Шпонька в одноименной повести Гоголя просил не портить острие его перочинного ножа, а пользоваться тупой стороной. Очин

¹ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928; репринт — Л., 1979, с. 129.

² Существовало даже специальное руководство Kny St. Anleitung zum Federschneiden durch Schrift und Bild. Leipzig, 1844. Выразительный чертеж способа очинки перьев, как держать его и пр., дан в книге: «Wolfgang Fugger's Handwriting Manual». Nuremberg, 1553. Now translated by Frederik Plaaf. London, 1960, p. 1—8. Ср.: Черепнин Л. Русская палеография, с. 146, 353—354; Симоны П. К. К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении. СПб., 1906, вып. 1.

³ Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. Курс I. СПб., 1901, с. 32; Руководство к чистописанию для юношества в народных училищах Российской империи... — Русская старина, 1910, № 10, с. 64.

пера был разный в зависимости от индивидуальной манеры и от того, для крупного или мелкого письма оно предназначалось. Разумеется, что важные лица сами очинкой перьев не занимались — это делали подчиненные. Для директора чинил перья Аксентий Иванович Поприщин (Гоголь. «Записки сумасшедшего»); ср. еще угодливую чинку перьев Чичиковым в «Мертвых душах» (т. I, глава XI). Анна Николаевна Вульф чинила для Пушкина перья (письмо поэта к ней марта — мая (?) 1825 г.). В. И. Танеев красочно рассказывает, как одного пьяницу не выгоняли со службы, так как «никто во всей палате не умел так хорошо чинить перья как он. И в этом занятии и состояла вся его служба. Он чинил перья в палате и ходил к начальникам на дом для того, чтобы чинить перья»¹.

Особой добродетелью писаря Ивана Анисимовича из рассказа Я. П. Буткова «Ленточка» (1845) было то, что он умел отлично очинивать перья. В повести о двух Иванах Гоголь прибегнул к приему своеобразной реализации метафоры — «его перо вяло и мертво — для изображения картины нужно особое перо «с тонким расцепом» — так поэтический образ переключается в вещественное обозначение². Писать такими перьями можно было, лишь приобретая определенные навыки. При письме гусиным пером особое значение приобретает дукт (см. с. 75—78). Важно было писать, по возможности не отрывая пера от бумаги, «одним ходом» в наиболее легком (т. е. удобном) направлении. Некоторые линии — сверху влево вниз или снизу вправо вверх — давались с особенным трудом. Для приобретения необходимых навыков письма и правильного держания пера рекомендовались особые приемы, вплоть до перевязывания отдельных пальцев и подтягивания их к кисти руки. В пособиях по обучению грамоте в XVIII в. всегда есть разделы: «Положение тела при письме», «О расположении руки и держании пера». В перо втыкались булавки, для того чтобы рука не могла опуститься ниже определенной линии. О трудностях, с которыми был связан процесс обучения письму, красно-

¹ Танеев В. И. Детство. Юность. Мысли о будущем. М., 1959, с. 61.

² На это обратил внимание Г. А. Гуковский в книге: Реализм Гоголя. М.—Л., 1959, с. 131. «За перо, очиненное с бородкою, подлекарю полагалось пять розог» (Тынянов Ю. Н. Подпоручик Киже).

речиво рассказано в пятой главе «Пошехонской старины» М. Е. Салтыкова-Щедрина («Первые шаги на пути к просвещению») и в очерке «Отцы и дети» Глеба Успенского¹. Следует иметь в виду, что не все гусиные перья были равноценны. В «Азбуке российского чистописания, расположенной на французский манер» (1789) указывается, что лучшими являются перья из левого крыла, а именно «от краю второе, третье и четвертое перо: из правого же крыла не столь сручны». Новоочиненное перо надо было попробовать, прежде чем начать им писать. Такова обязательная проба у Тургенева. «Эта «проба пера», — пишет А. Мазон, — является для Тургенева как бы ритуалом, следы которого находим в большей части рукописей»².

Возможности индивидуализации почерка при письме гусиным пером были ограничены: все линии, выводившиеся справа налево, снизу вверх, овалы и пр. давались с трудом и даже в умелых руках нередко вызывали брызги. Гусиным пером можно было писать далеко не на всякой бумаге, а лишь на хорошо проклеенной. При сильном нажиме это перо «раскорячивалось»; «скособоченное перо» браковалось. Наконец, гусиное перо довольно быстро списывалось, тогда приходилось чинить его заново либо поворачивать набок или даже переворачивать верхней стороной вниз, продлевая тем самым на некоторое время его существование. Именно так, например, написано письмо Антонины Добролюбовой к брату Николаю из Нижнего Новгорода в Петербург 19 марта 1857 г., об этом она сама сообщает: перо ступилось, а чинить она не умела³. По наблюдению Т. И. Орнатской, в черновой рукописи романа Чернышевского «Что делать?», написанной гусиным пером, место, где начинается перо нового очина, без труда определяется.

Письмо гусиным пером более или менее стандартно. Обучение у одного учителя накладывало отпечаток на почерк учеников. Сходные приемы определяли сходство почерков двух лиц. Вполне законно говорить о некотором семейном сходстве их. Стоит напомнить, например, путаницу, вызванную сходством почерков при анализе руко-

¹ См.: Успенский Г. И. Полн. собр. соч. М., 1952, т. 1, с. 638—639.

² Цит. по статье: Алексеев М. П. По следам рукописей И. С. Тургенева во Франции. — Русская литература, 1963, № 2, с. 65.

³ Материалы для биографии Н. А. Добролюбова... М., 1890, т. 1, с. 361.

писей Пушкина. «Второе послание цензору», переписанное рукою Льва Сергеевича, было принято за руку поэта и вошло в фототипическое издание его рукописей¹. П. Н. Берков очень точно подметил, что «почерк наших родителей по сравнению с нашим собственным уже является старинным», даже при условии черт семейного сходства. Это относится не только к эпохе гусяного пера, но и к новому времени. «Почерк моего деда, отца и мой при всех индивидуальных отличиях — одного фамильного типа», — заметил Д. Н. Овсяннико-Куликовский². То же относится и к родственной связи почерков В. И. Ленина и Д. И. Ульянова³.

Не говоря уже о том, что гусяное перо издавало при письме характерный скрип⁴, оно позволяло писать со сравнительно небольшой скоростью. Так называемая скоропись древнерусской палеографии означает большую продуктивность за счет менее тщательной выписанности отдельных букв; скорописью успевали написать больше, чем при писании того же текста уставным или полууставным письмом. Медленный темп уставного письма тормозил мысль и ощущался как несомненное препятствие: именно об этом писал Николай Бестужев М. Ф. Рейнеке 8 мая 1852 г.: «...не могу писать скоро, беспрестанно прорывая бумагу; тихо-то мысль опережает руку, а потому делаются беспрестанные пропуски»⁵.

По сведениям В. И. Малышева, выведение строки уставного письма занимало не менее пяти минут⁶. Сове-

¹ См.: Рукописи Пушкина. I. Автографы Пушкинского музея императорского Александровского лица. СПб., 1911, вып. I.

² Овсяннико-Куликовский Д. Н. Воспоминания. Пг., 1923, с. 58.

³ См.: Шагинян М. Как я работала над «Семьей Ульяновых». — Вопросы литературы, 1963, № 7, с. 104.

⁴ Вспомним «Мертвые души»: «Шум от перьев был большой и походил на то, как будто бы несколько телег с хворостом проезжали лес, заваленный на четверть аршина иссохшими листьями» (гл. 7). Ср. у Короленко: «Скрип чиновничьих перьев слышался в открытые окна присутственных мест» (В дурном обществе, гл. 2); у М. Л. Михайлова: «Скрип перьев дюжиною военных писарей» (Записки, глава III). В «Посмертных записках Пиквикского клуба» раздается «скрип перьев, путешествовавших с бешеной скоростью по бумаге» (глава XX).

⁵ «Воспоминания Бестужевых»/Под ред. М. К. Азадовского. М.—Л., 1951, с. 520.

⁶ Б. В. Сапунов приводит другую, кажется, менее вероятную цифру — от 10 до 15 букв в минуту: Производство русской рукописной книги, ее цена и стоимость в XI—XIII вв. «Книга», № 30,

менное скорописное письмо дает возможность совершенно четко написать ту же строку за 15—20 секунд: стало быть, за десять веков произошло убыстрение темпа письма не менее чем в пятнадцать раз.

В начале XIX в. обработка гусиного пера была «механизирована», появились машинки для расщепления пера, но в России это изобретение большого распространения не получило. Гусиное перо просуществовало в качестве орудия письма много веков. В наши дни гусиным пером пользуются иногда лишь художники-графики¹. Следует иметь в виду, что гусиное перо легче любой ручки с металлическим пером — при длительной работе это много значит.

2. Металлическое перо

История металлического пера не может считаться окончательно выясненной. Английская и немецкая литература по-разному, каждая в свою пользу, дают версию его возникновения. Можно предполагать, что та и другая имеет свой резон: в истории человечества важнейшие открытия и изобретения нередко возникают в различных странах одновременно или почти одновременно, когда они оказываются исторически подготовленными всем развитием культуры. Техника в этом смысле точно отражает назревшие требования эпохи.

Изобретение металлического пера по праву должно быть причислено к достижениям человеческого гения. Незаметное на первый взгляд усовершенствование — переход от естественного гусиного пера к искусственному металлическому — сыграло огромную роль в истории мировой письменности, определив значительные удобства и ускорение процесса фиксации мысли.

М., 1975, с. 106. В старообрядческом скриптории наших дней пи-сец переписывает полууставом от 8 до 10 страниц в четверку за несколько дневных часов. *Покровский Н. Н.* Пути древних книг. Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. М., 1978, сб. XIV, с. 326.

¹ *Лаптев А.* Рисунок пером. М., 1962, с. 42 О гусином перо см.: *Олеша Ю.* Ни дня без строчки. — Вопросы литературы, 1964, № 2, с. 150—151. Об употреблении гусиных перьев в наши дни на Енисее см.: *Покровский Н. Н.* О древнерусской рукописной традиции у староверов Сибири. Труды отдела древнерусской литературы, 1969, т. XXIV, с. 394—403.

Уже Древний Рим знал перья, изготовленные из бронзы, меди и серебра. Их обрез и расщеп были при этом не слишком далеки от современного. Особенностью этих перьев, в частности, было то, что они не списывались и не подвергались коррозии и были, таким образом, бесконечно прочными («вечными»). Такого типа пером Теодорих Великий (VI в. н. э.) подписывал приказы¹.

Согласно немецкой версии (она изложена в названной книге Ойле), германские мастера XV в. знали серебряные и медные перья, но их надо было систематически оттачивать, и они не были достаточно гибкими и эластичными. Поэтому они на этом этапе не вошли во всеобщее употребление.

В 1798 г. Алоиз Зенефельдер изобрел металлическое перо, которым можно было писать на литографском камне. Это явилось важным шагом в дальнейшем приспособлении пера для бумаги. По мнению Ойле, об изобретении Зенефельдера узнали английские фабриканты Мэзон, Пери и Вайзе, которые в 30-х годах XIX в. использовали это изобретение.

В 1818 г. житель Аахена Янсен изготовил стальное перо. Он передал эту новинку заседавшему в то время в его родном городе конгрессу с пожеланием, чтобы мир был столь же прочным, как и материал его пера.

В 1828 г. механик, изготавливший хирургические инструменты, Мантейфель из Берлина сделал стальное перо. К. Бюргер приспособил его к гусиному перу, которое стало служить уже в качестве ручки. Однако это изобретение не имело успеха у современников.

Дальнейший прогресс стального пера был непосредственно связан с развитием сталелитейного производства — нужно было научиться изготавливать эластичную, но достаточно твердую, медленно поддающуюся коррозии ленту. 1852 или, по другим данным, 1856 год надо считать годом создания массовой промышленной продукции: Германия выпускала до 700 больших grossов² перьев и 300 ручек ежедневно.

Английская литература утверждает, что металлическое перо изобретено в 1780 г. Самюэлем Гаррисоном из

¹ *Eule Wilhellm. Mit Stift und Feder. Kleine Kulturgeschichte der Schreib und Zeichenwerkzeuge. Leipzig, 1955, S. 102.*

² Большой gross — распространенная в торговле мера счета — двенадцать дюжин (12²).

Бирмингема: уже в 1803 г. эти перья продавались в Лондоне по 5 шиллингов за штуку (т. е. приблизительно по 2 руб. 30 коп. по тогдашнему курсу). Однако эти перья еще не были похожи на современные: они имели форму трубки или цилиндрика со сходящимися краями, образующими посредине щель. Боковые стороны были обрезаны так же, как у гусиного пера. Конструктивное несовершенство этого пера (особенно его жесткость и твердость) определило и небольшой спрос на него. Лишь после того как Гаррисон и Мэзон в 1828—1829 гг. добились большей эластичности пера, оно быстро приобрело широкую известность. Перед нами уже расщепленная полоска металла с широкими боковыми выступами и отверстиями в центре¹.

Металлическое перо допускало гораздо большую беглость письма. Это определило появление в России в 30-х годах XIX в. металлических перьев иностранного производства; отечественные возникли позднее. В 1832 г. Вадим Пассек послал Т. П. Кучиной в подарок стальное перо — это было нечто новое и необычное².

Техника писания металлическими (стальными) перьями в широких массах с начала 50-х годов XIX в. была освоена не сразу: вспомним арестанта из «Записок Мертвого дома», который «прежде умел, а вот как перьями стали писать, так я уж и разучился» (ч. II, гл. 3).

Отличить (в 1887 г.) письмо, написанное гусиным пером, от писанного металлическим просто. Для этого совсем не нужен талант Шерлока Холмса, как это описывается в рассказе Конан Дойля «Знатный холостяк». В тексте, выполненном металлическим пером, даже при небольшом увеличении легко просматриваются бороздки (углубления) вокруг большей части букв.

Обреченный на гибель старый инструмент письма упорно боролся за свое существование. Еще в 1856 г. в печати усердно рекламировались пропитанные (для придания твердости и упругости) особым составом «зёлинские перья» (по имени учителя каллиграфии Зеля), которые якобы «превосходят всевозможные железные перья»³.

¹ Encyclopaedia Britannica, vol. 17, 1946, p. 459—460.

² Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания. М., 1963, т. 1, с. 369.

³ С.-Петербургские ведомости, 1856, 2 декабря, № 265, с. 1493.

Металлические ручки вошли в оборот несколько позднее¹. Вначале перо вставляли в самодельную ручку или в гусиное перо, так делал, например, студент Чернышевский в 1850 г.² Изготовленные массовым способом ручки быстро покорили удобством и дешевизной (в среднем 3 коп. штука). Металлические перья, несмотря на то что в течение нескольких десятилетий были по преимуществу импортные (чаще всего немецкой фирмы «Soennecken» и французской «Blauzy Pour et Co»), были недороги: большой гросс стоил от 50 коп. до 1 руб. 50 коп. Вначале перо служило недолго — ржавое было непригодно для письма. Антикоррозийные перья (в том числе золотые с иридием или рутением на конце) вошли в практику лишь в автоматических («вечных») ручках.

Переход от гусиных перьев к металлическим (стальным) был очень длительный и постепенный.

Бабушка Лермонтова, Е. А. Арсеньева, 18 октября 1835 г. просила поэта: «Не забудь, мой друг, купить мне металлических перьев, здесь, в Тарханах, никто не умеет очинить пера»³.

Т. Н. Грановский писал обычно гусиным пером и в качестве большой новости в письме к Белинскому от 20 октября 1838 г. сообщал, что сидит у Станкевича и пишет его «железным» пером.

Металлические и гусиные перья в течение долгого времени сосуществовали. Т. Г. Цявловская установила, что в 30-х годах Пушкин начал писать металлическим пером, но потом снова обратился к гусиному. В апреле 1849 г. у Чернышевского не было металлического пера и он писал «простым», т. е. гусиным⁴. 8 мая 1852 г. Николай Бесту-

¹ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971, с. 372; Водовозова Е. Н. На заре жизни. М., 1964, т. 1, с. 383; Шкловский В. Б. Жили-были. М., 1964, с. 44.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939, т. 1, с. 349.

³ Лермонтов М. Ю. Собр. соч., 1957, т. VI, с. 471. В 1834 г. студенты Московского университета пользовались гусиными перьями: Буславев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897, с. 8.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 268. В Петропавловской крепости в 1862—1864 гг. заключенным стальных перьев не давали и Чернышевскому приносили очиненные гусиные («Былое», 1906, № 4, с. 167; Русская литература, 1960, № 2, с. 132). В Вилуйске в 1883 г. Чернышевский пользовался стальным пером. См.: Меликов Д. И. Три дня с Н. Г. Чернышевским. — В кн.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1959, т. 2, с. 248.

жев в письме из Селенгинска сообщал, что железным пером он никогда не писал и писать им не умеет¹.

Как нечто совершенно особое и исключительное А. Чужбинский отметил писаря почтовой станции в Мелитополе, который в 1860 г. писал стальным пером². В учебном обиходе и в военных учреждениях дешевые гусиные перья сохранились еще дольше.

В повести Чернышевского «Алферьев» (1863) герой ее, уезжая «на очень, очень дальнюю дорогу» (т. е. на каторгу), берет с собой стальные перья и специальную для них ручку из красного коралла (глава 1, § 3).

В книге педагога М. Баранцевича «Метода скорописания» читаем: «Многие находят трудным очинить хорошее перо и, не зная, как этого достигнуть, употребляют стальные перья или (гусиные), чиненные машинкою; во избежание этих неудобств я счел за нужное дать маленькое наставление касательно сего предмета»³. Вообще в прописях и руководствах по чистописанию гусиное перо очень долго рекомендуется в качестве единственного орудия письма. «Учебник русского чистописания» А. А. (СПб., 1844), «Курс скорописания...» В. Ходоровского (СПб., 1846) и гораздо более поздние: «Уроки каллиграфии» А. Дьякова (М., 1863), «Руководство к полному курсу чистописания...» И. Лагузена (2-е изд. СПб., 1866), «Руководство каллиграфии» А. Верре (М., 1865), «Прописи, составленные для сельских школ...» (2-е изд. СПб., 1846), «Прописи, составленные для полковых школ...» (СПб., 1879) — все они ориентированы только на пользование гусиным пером, а металлическое перо порицается (особенно у И. Лагузена).

И. Лагузен посвятил целый раздел вопросу об употреблении стальных перьев. Ими, по его словам, пользуются уже в течение 30 лет. В настоящее время они «могут заменить собой не совсем хорошо очиненные гусиные перья». Такое ограниченное удобство, конечно, не могло

¹ Воспоминания Бестужевых, с. 520. Ср. письмо М. А. Бестужева 1869 г. из Москвы. Там же, с. 470. Ср. еще письмо Салтыкова к брату Д. Е. Салтыкову из Вятки от 4—5 ноября 1855 г. Из него видно, что писатель пользовался стальными перьями. *Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.*, М., 1975, т. XVIII, кн. 1, с. 164.

² Русское слово, 1860, № 4, с. 9; *Горбинов И. Ф.* Юмористические рассказы и очерки. М., 1962, с. 163. Ср. еще стихотворение Апухтина «Перо». Стихотворения. Л., 1961, с. 248—249.

³ *Баранцевич М. Метода скорописания.* М., 1845, с. 5.

вывести из употребления гусиные перья. По мнению Лагузена, самые лучшие искусственные перья уступают гусиным, так как не обладают необходимой упругостью, они пагубно влияют на детский почерк, и пользование ими допустимо лишь для тех, у кого почерк уже окончательно установился, «ибо десять страниц, написанных на гладкой бумаге и дурно очиненным гусиным пером, не столько вредят почерку, сколько десять строк, наскоро написанных стальным пером на шербоной бумаге» (с. 19—21) ¹.

Только в середине 80-х годов металлическое перо укореняется в учебной практике. В быту, особенно городском, оно приобрело уже к этому времени право гражданства. Так, в книжке С. Миропольского «Обучение письму в начальной народной школе» (СПб., 1871, с. 13—14) встречаем полемическую и решительную защиту стального пера. В книге Ф. В. Грекова «Руководство к полному систематическому курсу чистописания, скорописи и письму тупым пером...» (М., 1882), а также в «Методическом руководстве обучения письму» А. К. Гортова (Елабуга, 1884) речь идет уже только о стальном пере. А в книге известного педагога своего времени В. С. Гербача «Методическое руководство к обучению письму» (26-е изд. СПб., 1907, с. 13—14) эта, казалась бы давно законченная полемика снова возродилась: «Еще очень часто и теперь, несмотря на повсеместное распространение стальных перьев, возникает вопрос: каким перьям отдать предпочтение: стальным или гусиным? И есть сторонники употребления гусиных перьев, которые по мягкости своей, говорят, удобнее для письма, чем стальные» и т. д. Все же стальные перья одержали в конце концов полную победу. Для некоторых технических надобностей гусиное перо сохранилось и в XX в. Провинциальные нотариальные конторы, канцелярии приставов, ряд иных канцелярий, военное ведомство пользовались гусиными перьями приблизительно до русско-японской войны ², а в глубокой провинции у старообрядцев, даже в некоторых кругах интеллигенции (свое-

¹ О том же: *Танеев В. И.* Детство. Юность. Мысли о будущем, с. 122—123.

² *Лермантов В.* Чернила. Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона. СПб., 1903, кн. 76, с. 603—604.

образная стилизация под старину!) гусиное перо сохранилось и впоследствии¹.

В 1912 г. в Британском музее у каждого читателя лежало два пера — стальное и гусиное, второе — «в знак уважения к духу прошлого». Но некоторые читатели им пользовались². В «Саге о Форсайтах» Д. Голсуорси на заседании правления возле каждого члена лежало гусиное перо. «Гусиные перья! — подумал Майкл. — Наверно, это просто символ: ведь у каждого есть вечная ручка» («Белая обезьяна», ч. 3, гл. 12).

Хотя стальное перо давно и повсеместно вошло в обиход, в языке сохраняется и поныне идиома «журналисты отточили перья».

Переход от гусиных перьев к стальным не только облегчил процесс письма, но и способствовал изменению почерка, более его индивидуализируя. Различные стальные перья (а современная техника знает их более 400 видов) в известной мере определяют характер почерка у одного и того же лица. Как правило, вырабатывается привычка к определенному виду пера. Вспомним в этой связи письмо В. И. Ленина М. А. Ульяновой от 7 (20) февраля 1901 г. из Мюнхена: «...попросил бы Маняшу прислать мне с ней <Н. К. Крупской. — С. Р.>: коробочку «моих» перьев. Представь себе: здесь не нашел нигде»³. В предреволюционные годы в России особенно популярно было перо «86».

И у нас и за рубежом производство металлических перьев в настоящее время резко ограничено. В быт вошла «вечная» ручка.

¹ Черепнин Л. В. Русская палеография, с. 541—542; Малышев В. И. Как писали рукописи в Поморье в конце XIX — начале XX в. Известия Карело-финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР. Петрозаводск, 1949, № 1, с. 79—80.

² Майский И. М. Путешествие в прошлое. М., 1960, с. 30. Впрочем и в наши дни существуют написанные старинными почерками книги — например, копии «Конька-Горбунка» П. П. Ершова, написанная от руки палехскими художниками В. и Б. Кузнецовыми, «Садко» (книга вышла в издательстве «Советская Россия»), даже написанные полуставом выписки из учебника политграмоты о колхозном строительстве, о борьбе советского народа за мир и пр. См. сообщения И. В. Поздеевой и М. В. Кукушкиной. — В кн.: Тихомировские чтения 1970 года. М., 1970, с. 45—46 и 78 (ротапринт).

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 204.

3. «Вечная» ручка

На долю очень немногих писателей выпало пройти все этапы: Л. Н. Толстой в юности писал гусиным пером, потом перешел на металлические, а под конец жизни пользовался и «резервуарным» (другие названия — «самоструйное», «самописки») ¹.

Металлическое перо в любой своей модификации для того, чтобы оно могло быть употреблено, неизменно сопровождается чернильницей. Это «спаренное» существование имело определенные неудобства.

В начале XIX в. (а по некоторым сведениям, едва ли не в 60-х годах XIX в.) появились «вечные» ручки — самое название подчеркивало автономию металлического пера: оно органически совмещено с чернильницей, во всяком случае, запас его был достаточен для длительного, безостановочного пользования в течение многих часов (не менее 48).

Первые модели имели некоторые неудобства: перо ввинчивалось внутрь и лишь после этого оно накрывалось крышечкой, для заполнения корпуса чернилами нужно было пользоваться пипеткой и пр. Но эти недочеты вскоре были устранены.

Разнообразие, которого достигли в наше время типы вечных ручек, измеряется сотнями, если не тысячами вариантов. Однако самый принцип остался неизменным. Достигнуты большие успехи в борьбе с коррозией пера — на его устье напаяется какой-либо особо твердый сплав. Проектируются перья с регуляторами жесткости и пр.

Для удобства заправки стали выпускаться ручки с заполненными чернилами полиэтиленовыми ампулами. Стоит вынуть опустевшую использованную и заменить ее полной, свежей, и перо снова готово к работе.

Переход от стальных перьев к авторучкам изменил характер почерка — он стал более ровным. При необходимости периодически обмакивать перо в чернильницу более рельефное вначале письмо по мере того как чернила иссякают и высыхают становится менее отчетливым, а линии бледнее и тоньше. При некотором навыке можно научиться почти без ошибок определять, написан ли текст «вечным» или стальным пером.

¹ Шкловский В. Лев Толстой. 2-е изд. М., 1967, с. 601.

4. Карандаш

Употребление карандаша (от тюркского «кара» — черный и «таш» — камень)¹ или его далеких предшественников, выступавших в той же функции, восходит ко временам гораздо более древним, чем металлическое перо. Далеким прообразом пера было использование пишущих свойств древесного угля. Если не считать свинцовых палочек и других аналогичных по целевому назначению более поздних орудий (например, сланца), карандаш в виде вставленного в дерево графита стал употребляться во второй половине XVI в., вскоре после открытия этого минерала (1565), во времена, когда еще безраздельно господствовало гусиное перо. Усовершенствование Н. Конте — смешивание размолотого графита с очищенной глиной и клеящими веществами — относится к 1795 г. В основном этот принцип сохранился до наших дней.

Пройдя длительный и сложный путь, карандаш стал технически совершенным инструментом.

Современная классификация различает три основные группы: черные графитовые, копировальные (иначе — химические) и цветные. Первые дифференцируются по твердости, они обозначаются соответственно буквами Т, МТ, М (за рубежом — Н, НВ, В) с цифровым показателем перед буквой — всего различается 15 групп. По целевому назначению ГОСТ знает карандаши школьные, канцелярские, чертежные и рисовальные. Вообще же «в мире производится почти 370 различных типов и видов карандашей, более 70 различных цветов... Есть карандаши-лилипуты длиной 1,25 см и гиганты высотой 3 м 60 см»².

Приблизительно с начала XX в. в употребление стали входить так называемые механические, или автоматические, карандаши особого типа, представляющие собой грифель в особом зажиме (цангах) с винтовым или другим способом подачи. Этой модели, дающей значительную

¹ Другие этимологии: «калам» — тростник, «таш» — камень. Колесников Н. П. К этимологии слова «карандаш». Лексикографический сборник. М., 1962, вып. 5, с. 169—172; «калам» — перо, «даш» — письменный камень. Немет Ю. Происхождение русского слова «карандаш». Тюркологический сборник. К 60-летию Андрея Николаевича Кононова. М., 1966, с. 105—114.

² Литература и жизнь, 1960, 27 марта.

экономии ценных пород древесины, очевидно, принадлежит будущее¹.

В наше время карандаш представляет собой наиболее распространенное, чрезвычайно дешевое и портативное орудие письма, доступное каждому. Карандаш в любой момент, в любых условиях, в любом положении может быть употреблен в дело; письмо чернилами таким удобством не обладает. Трудно, если не невозможно, перечислить все случаи ежедневного, разнообразнейшего использования карандаша в любой отрасли трудовой деятельности человека.

Несмотря на все это, с точки зрения палеографии, запись карандашом справедливо считается стоящей ниже чернильной записи. Она по большей части носит вспомогательный или предварительный характер. Если черновик написан карандашом, он обретает окончательную форму при записи чернилами. Карандашная запись, несмотря на повсеместное распространение карандаша, встречается реже чернильной. В творческом процессе карандашный черновик рассматривается как нечто предварительное. Первая запись — карандашом — нередко уничтожается при перебеливании. Преимущество карандаша в этом случае заключается в том, что письмо им может быть осуществлено в более быстром темпе, чем чернилами, хотя бы потому, что не надо отрывать орудие письма от бумаги, не надо промокать написанное, не бывает портящих текст клякс при быстром и небрежном отрывистом письме, когда рука спешит зафиксировать убегающую мысль. Но все эти преимущества при нынешнем массовом и повсеместном распространении так называемых «вечных» ручек существенно ослаблены.

При некоторых преимуществах употребление карандаша имеет ряд неудобств. Так, рукопись, написанная карандашом, читается с большим трудом, чем написанная чернилами. Твердый карандаш, дающий возможность более четкого, но и более бледного письма, «режет» и «давит» бумагу, нередко оставляя на подложенной бумаге довольно отчетливый след написанного, а мягкий, дающий зрительно более отчетливую запись, быстро стирается. Другое неудобство — карандашная запись (даже

¹ *Терновская Н.* По поводу карандашей. Письмо в редакцию. Известия, 1959, 18 декабря, с. 2; *Толкачев А.* О вещах простых; но важных. — Правда, 1967, 7 декабря, с. 3.

сделанная химическим карандашом) легко удаляется не только резинкой или мякишем хлеба, но даже пальцем. Частое перелистывание страниц, написанных карандашом, также вызывает сглаживание записи (от трения страниц между собой), а иногда возникновение отпечатка на обороте страницы. Недаром царские резолюции, сделанные карандашом, для сохранности покрывались лаком.

Наконец, карандаш не дает возможностей выразительно дифференцировать письмо: им почти невозможно писать тоньше или толще, а быстрая изнашиваемость графита и необходимость частой очинки создают неудобства для длительного употребления.

В историческом соревновании с пером карандаш едва ли оказался побежденным, но сфера его рационального применения для документов длительного хранения представляется ограниченной.

5. Шариковая ручка. Фломастер

Шариковая ручка была изобретена незадолго до первой мировой войны. По некоторым сведениям, эта честь принадлежит Л. Биро из Венгрии (1938 г.). Позднее она была усовершенствована. Первые выпуски требовали ненатуральной почти вертикальной постановки руки. Кроме того, необходимость частого посещения заправочной мастерской и низкое качество пасты уже вскоре вызвали их упадок.

Позднее стали выпускаться ручки с несколькими выдвижными каналами разного цвета пасты — есть ручки с двенадцатью каналами из-за своей толщины практически крайне неудобные. Гораздо удобнее ручки с тремя-четырьмя стволами: они могут оказаться полезными в повседневной работе.

Срок пользования одним зарядом относительно велик (при интенсивной работе — до месяца; считается, что заряда пасты хватает на прямую линию длиной три или даже четыре километра!). Советские и иностранные фирмы выпускают в продажу комплекты запасных ампул разного цвета: это устраняет необходимость перезаряжать старый ствол. При перезарядке канал расшатывается и расширяется и линия неизбежно становится толще.

Вообще заметна тенденция к уменьшению диаметра шарика.

Наклон руки в шариковых ручках приближается к нормальному. Ими удобно писать в любом положении. Особенно хороши они для письма на плохо проклеенной бумаге, на которой чернила расплываются.

Обладая всеми достоинствами карандаша, шариковая ручка не имеет его недостатков. Несомненно, что у этого орудия письма впереди большое будущее. В настоящее время сберкассы, почта, нотариальные конторы и другие учреждения принимают документы, написанные шариковыми ручками.

С начала 50-х годов привычными в нашем обиходе стали фломастеры разных цветов. Слово это значит — цветной художник, на художников они и были первоначально рассчитаны. Но вскоре сфера их применения значительно расширилась — они используются для надписей, для выделения каких-либо частей, в учебном процессе и т. д.

Эпоха НТР родила и новые орудия письма и новые способы записи. Проведенная в 1975 г. в Москве выставка «Интероргтехника—75» продемонстрировала принципиально новые приборы — пластиковые ленты, «электронные карандаши» и многое другое. Все эти новые орудия призваны помочь справиться со всевозрастающим потоком информации. Впрочем, для палеографического (тем более неографического) изучения всех этих приборов время еще не наступило.

1. Писарь¹

Законченная рукопись научного или литературного произведения, черновик служебного отношения (так называемый «отпуск») поступали к писарю. Писарь с хорошим почерком, писавший быстро, аккуратно и не делавший орфографических ошибок, всегда ценился. Чем более каллиграфичным был почерк, тем более он терял индивидуальные черты и приближался к шрифту. Дело в том, что в писарском почерке традиция и школа письма выражены резче и отчетливее, чем в почерке «массовом». Таким образом, почерк писаря был лишь относительно индивидуален. «Строгий размер в движении, — писал К. Д. Ушинский, — вот вся тайна красивого и быстрого письма»². Этот ритм определял и производительность труда писаря. В словаре Даля зафиксированы даже слова — варакса, варака, варакша, варакоса — презрительные обозначения плохого писца.

Особым качеством писаря было его умение разбирать почерки. Иногда почерки были столь неразборчивы, что приходилось иметь своего писаря. История сохранила некоторые имена писарей: таков П. Е. Свечин — переписчик рукописей литераторов 60-х годов XIX в. в Петербурге³. Необычайно красивый и отчетливый почерк Н. В. Клеточникова помог ему поступить на службу в

¹ Старое словоупотребление различало писаря и писца. По Даля, «писарь» — низшее должностное лицо для переписки бумаг, а «писец» — переписчик, не состоявший в штатной должности, но занимавшийся, в сущности, тем же.

² Цит. по статье *Евсеева И. Е.* Краткий очерк обучения чистописанию в наших училищах. Русская школа, 1894, № 3, с. 25.

³ *Зарина-Новикова Е. И.* Воспоминания. Не издано. — Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР, Р. I, оп. 10, № 20/2, л. 600.

III Отделение и систематически оказывать важные услуги революционерам своей информацией¹.

Своеобразный писарский шик четкого и по-особому красивого почерка («как жемчуг нижет») нередко способствовал продвижению по службе даже видного чиновника.

В царском министерстве иностранных дел в переписке бумаг многие из чинов достигали большого искусства и делали даже своего рода карьеру, как, например, тайный советник Бауэр, который специализировался на переписке верительных грамот; требовавших, как и «всепоподданнейшие доклады», совершенно особого искусства. И даже про графа В. Н. Ламздорфа говорили, что «своей карьерой он во многом обязан красивому почерку и умению чинить карандаши и гусиные перья для канцлера князя Горчакова, при котором он начинал свою службу»².

Переписка рукописей составляла утомительную, вследствие своей механичности, трудоемкую работу; она рождала Акакиев Акакиевичей, для которых в переписке был «какой-то свой разнообразный и приятный мир». У него были буквы-фавориты, «до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его». Наконец, особенно полюбившиеся ему бумаги Акакий Акакиевич дома копировал «нарочно, для собственного удовольствия»³.

В рассказе Даля «Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту» Осип Иванович работал механически, «переписывал все, что ему наваливали на стол, от слова до слова, от буквы до буквы, и никогда не ошибался; но если бы ему дать перебелить приговор на ссылку его самого в каторжную работу, он бы набрал и отпечатал его четким пером своим с тем же всегдашним хладнокровием, ушел бы домой и спокойно лег бы почи-

¹ Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1947, т. II, с. 467. Профессия писаря традиционна была только мужской.

² Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата. 1893—1922. М., 1959, с. 30.

³ Ср. в рассказе Н. А. Добролюбова «Донос»: «Председатель обращал особенное внимание на то, чтобы у прописных букв головки делались самые маленькие, и Ошарский скрепя сердце стал писать так, что его глаголи и рцы походили на огромный шест, с едва заметной наверху скворечницей».

вать, не подозревая даже, что ему угрожает. Это был секретарь в полном смысле слова, потому что все, что он писал, оставалось даже для него самого ненарушимым секретом». Он «был уже титулярный, но занятия его оставались одни и те же, и за сочинительским столом ему сидеть не удавалось. Опытная, привычная рука чертила условные знаки, как деревянный телеграф шевелит бессознательно руками и ногами; он передает тем, у кого есть ключ этой грамоты, все, что угодно, а сам ничего не знает, не ведает».

Опытный писарь должен был уметь слизать языком кляксу, соскоблить и затереть воском (или особой смолой — сандараком) неправильно написанную букву, но ошибок в письме у него почти не бывало.

Писарские почерки, несмотря на стремление их унифицировать, отличались индивидуальными качествами. Л. Б. Модзалевский безошибочно определял, кем из писарей XVIII в. была изготовлена та или иная рукопись в пределах архивных фондов Академии наук¹.

Кадры писарей готовились в военном ведомстве, в гражданской службе использовался «самотек». Для подготовки писарей существовали особые писарские классы, учреждавшиеся при управлениях уездных воинских начальников. Кандидаты подбирались из новобранцев. Класс состоял из 4—10 учеников. Курс обучения составляли строевая подготовка, грамматика и чистописание, арифметика, формы писания деловых бумаг и пр.; после десятимесячного обучения штаб распределял окончивших на работу. Другими источниками комплектования писарей были школы солдатских детей и нестроевые части². Многие родители из-за нужды определяли своих детей «по чернильной части».

Забитые и бесправные, низко оплачиваемые, писцы составляли нечто вроде париев в сложной иерархии государственного бюрократического аппарата. У них не было почти никаких шансов выдвинуться, и в итоге многолетней тяжелой работы они выходили на грошовую пенсию, едва обеспечивающую прожиточный минимум.

В военных учреждениях Российской империи услугами писарей пользовались дольше, чем в гражданской

¹ Берков П. Н. История советского библиофильства. М., 1971, с. 172.

² Свод военных постановлений 1869 года. СПб., 1907, кн. XV, с. 334—335.

службе: уже повсеместно существовали пишущие машинки, а военное ведомство даже в начале XX в. предпочитало дешевый рукописный труд. Переписка от руки сохранилась до первой мировой войны. В некоторых учреждениях Советской армии она применяется и теперь¹.

Особую разновидность представляли переписчики ролей для театра. По свидетельствам Н. Д. Телешева и В. А. Гиляровского, в Москве на Хитровке существовали даже особые артели. Видеть членов артели было невозможно: им не в чем было выйти на улицу, писали они лежа на полу, а все сношения с внешним миром осуществлял их уполномоченный, бравый за эту «организационную работу» немалый процент².

Писарь XVIII—XX вв. отличался от переписчика старых времен одной существенно важной чертой. Он был только копиист, т. е. точно переписывал лежащий перед ним текст. Если что-либо оставалось переписчиком непонятым или неразобранным, он оставлял пустое место, а начальник или автор сам вписывал не прочитанные писарем слова. В древние времена переписчик не имел дела с автором и «исправлял» так или иначе осмысляя непонятные места: тем самым он становился редактором, текстологом, даже, по существу, соавтором. Писарская копия не аутентична авторской рукописи и требует в той или иной форме авторизации. Небрежность или невольный промах могут быть источником порчи текста.

2. Пишущая машинка

Подъячий старых времен или писарь нового времени превратились в наше время в машинистку.

Пишущие машинки самых разнообразных систем и моделей получили теперь массовое распространение и стали достоянием огромного большинства работников умственного труда³.

¹ Василевский А. М. Дело всей жизни. — Новый мир, 1973, № 5, с. 238; стихотворение Б. Слуцкого «Писаря». — Октябрь, 1955, № 2 и др.

² Телешов Н. Д. Записки писателя. М., 1950, с. 257—258; Гиляровский Вл. Москва и москвичи. Очерки старомосковского быта. Ростов-на-Дону, 1958, с. 37, 39.

³ Первые проекты относятся к середине XVIII в. (Ф. Кнауз), потом к 1833 г. (К. Прожен), 1851 г. (Уитстон), 1860 г. (Меллинг-Гансен) и др.

Первые выпуски (фирмы Ремингтон 1873 г.) были с так называемым закрытым шрифтом, но эта затруднявшая работу система давно отошла в прошлое. Сейчас научиться печатать хорошо и быстро — несложный процесс.

Долгое время в стране были распространены только машинки иностранного производства (наиболее популярны «Ундервуд», «Континенталь», «Олимпия», «Оптим», «Эрика», из старых — «Ремингтон»). В языке существовали даже выражения: «ремингтонная» (комната в доме Л. Толстого в Ясной Поляне), «ремингтонистка» или «ремингтоновая барышня»¹. Ремингтон вошел и в официальное словоупотребление; при обыске взяты «ремингтон и мимеограф»².

В послевоенные годы стало налаживаться отечественное производство машинок — «Москва», «Башкирия» и др. В это время получают распространение (особенно для профессиональной работы) удобные электрические пишущие машинки, в которых ряд процессов значительно облегчен — вместо удара по клавише — легкое касание, механизировано отведение и передвижение каретки.

Предел достигнутой сейчас быстроты печатания на обыкновенной (не электрической) машинке — 680 ударов в минуту, что составляет приблизительно 125 слов³.

Следует, однако, учитывать, что далеко не все пользующиеся машинкой пишут на ней непосредственно в процессе творчества; многие так и не могут приспособиться к этому и обращаются к машинке для перепечатки первого рукописного текста. Автоперепечатка (все равно рукописи или машинописи) редко бывает только механическим копированием, чаще автор вносит при этом в текст те или иные поправки. При этом случается, что предшествующая редакция отбрасывается или даже уничтожается, и данная машинопись выступает в функции первичного автографа. Машинописный текст большей

¹ Чехов А. П. ПССиП. Письма. М., 1978, т. VI, с. 100, 151; 1979, т. VII, с. 193; ср. т. XVII. М., 1949, с. 251. См. письмо Андрея Белого Блоку от 23 февраля 1913 г. — «ремингтонированная» рукопись. Александр Блок. Андрей Белый. Переписка. М., 1940, с. 320. То же употребление встречается у Б. Пастернака в 1926 и 1929 гг. (см.: Эфрон А. Страницы былого. — Звезда, 1975, № 6, с. 167).

² Менищikov Л. Охрана и революция. М., 1925, т. 1, с. 369.

³ Дуэль пишущих машинок. — Неделя, 1963, 14—20 июля, № 29, с. 21; Зыков Н. Пишущая машинка набирает скорость. — Наука и жизнь, 1974, № 10, с. 140.

частью несёт на себе следы правки или имеет хотя бы подпись или другие приметы авторизации. Без этого машинопись не может приравниваться к автографу; это обстоятельство, во всяком случае, требует всякий раз специального обоснования¹.

Пишущая машинка позволяет одновременно создавать несколько точных экземпляров, более точных, чем любой другой способ копирования. Для канцелярских документов это означает ликвидацию так называемых «отпусков» — черновиков, остающихся в деле в качестве копий отосланного отношения (хотя это, понятно, не значит, что не существовало предварительного черновика данного документа). В практике встречаются иногда затруднения, вызванные тем, что автор по-разному правит первый, второй и следующие экземпляры, создавая сложный вопрос о соотношении редакций.

Мы рассматривали до сих пор случаи, когда текст печатался самим автором. Однако на практике автор сплошь и рядом не тратит времени на перепечатку текста, особенно, большого, а поручает эту работу профессиональной машинистке. Принципиально это мало что изменяет, а иногда (в меру аккуратности и тщательности машинистки) делает текст более точным, чем при автокопировании. Степень искажения текста в этом случае значительно меньше, чем в рукописном оригинале.

Техника печатания на машинке не только не дает гарантий против случайных опечаток, но имеет свои особенности, которые необходимо иметь в виду при вычитке оригинала. Особая «опасность» в «перебитых» буквах (таких, как «п» и «н», «З» и «8», «б» и «в» и др.)².

Ошибки в напечатанном тексте в общем невелики и незначительны, чаще всего буквенные, обычно в соседних буквах клавиатуры. Так, нередко «к» печатают вместо «у», «ч» вместо «я», «н» вместо «г» или наоборот, но буква, расположенная справа (в левой части клавиатуры и, соответственно, слева в правой части), чаще заменяет соседнюю, вероятно, потому, что путь руки к ней короче.

Бывают ошибки в цифрах: не все шрифты, например, дифференцируют арабские и римские единицы (при наборе эти цифры смешиваются). В превосходно оформленной и тщательно изданной книге В. Г. Лидина «Друзья

¹ Малютин И. Воспоминания. М., 1958, с. 30.

² Рисс О. Дозорные печатного слова. М., 1963, с. 115—118.

мой — книги. Заметки книголюба» (М., 1962, с. 156) типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии превратилась в 11-ю!

Более серьезен при перепечатке пропуск слов, особенно если слово дважды повторено на соседних строках (диттография и гаплогграфия).

Ошибки при печатании (или, точнее, при перепечатке) текста легко поддаются группировке. Анализ типичных ошибок дан в литературе неоднократно. Он связан с механизмом чтения, который успешно изучается в психологии¹. Оказывается, передвижение нашего глаза по строке происходит не равномерно, а скачками и занимает от 0,01 до 0,03 секунды. Знакомое глаз, «ощупав», прочитывает скорее, а на незнакомом задерживается дольше. Поэтому иностранный текст при неполном знании языка и без большого навыка читается медленнее: число заготовленных в мозгу стереотипов гораздо меньше. В процессе чтения участвует и так называемое периферическое зрение: им охватываются несколько рядом расположенных (по ходу чтения) слов. В прозе в среднем на строку приходится 7 фиксаций взгляда и еще 1,5 — на обратное движение, чтобы освоить прочитанное. В стихотворном тексте обе цифры почти удваиваются.

Если разделить строку текста по горизонтали, окажется, что для чтения гораздо значимее верхняя половина: начальная часть слова (корень) важнее конечной (флексии) — ее мы, в сущности, не читаем, а домысливаем по контексту.

В «Текстологии на материале русской литературы X—XVII вв.» (М.—Л., 1962) Д. С. Лихачева все ошибки наиболее общо, но точно классифицированы, как: ошибки прочтения, ошибки запоминания, ошибки внутреннего диктанта, ошибки письма. Эта классификация может быть применена и к памятникам нового времени. Особо должны быть названы ошибки из-за переосмысления текста.

Для современной машинописи характерны те же ошибки, что и для литья: этот набор наиболее распространен — перед литьем клавиатура типа пишущей машинки и набор осуществляется ударами по клавишам. Ошибки ручного набора и монотипа несколько

¹ Платонов К. К. Занимательная психология. 2-е изд. М., 1964, с. 190—192.

инного характера и тоже изучены в соответствующих руководствах¹.

Текст, напечатанный на пишущей машинке, в гораздо большей степени обезличен, чем рукописный.

Тридцать—сорок лет назад писатели довольно единодушно высказывались против участия пишущих машинок в творческом процессе. (См. высказывания М. Горького, А. П. Чапыгина, В. Я. Шишкова, М. Л. Слонимского в сборнике «Как мы пишем» (1930). Б. Пильняк в рассказе «Орудия производства» (1927) даже утверждал, что это «орудие письма неминуемо влияет на стиль». Теперь взгляды писателей существенно изменились².

Однако вполне законно и здесь поставить вопрос об индивидуальных различиях, во-первых, пишущих машинок, а во-вторых, индивидуальной манеры письма на данной машинке.

Дело в том, что двух идеально совпадающих пишущих машинок не существует. Даже после недолгой работы каждая приобретает свои особенности в четкости оттиска тех или иных знаков, в одинаковости междустрочного интервала, шага главного механизма и т. д. Опытный эксперт (в судебной практике это довольно частый случай) безошибочно отличит текст, написанный на данной машинке, от того же текста, написанного на другой машинке той же самой модели и времени выпуска. С другой стороны, у каждого пользующегося машинкой постепенно вырабатывается и становится очень устойчивой своя манера письма, она выражается в силе удара, в расположении полей, отступов, размеров абзацев³.

¹ *Лихачев Д. С.* Текстология на материале русской литературы X—XVII вв., с. 60—81; *Томашевский Б. В.* Писатель и книга. Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959, с. 32—66; *Перетц В. Н.* Из лекций по методологии истории русской литературы. Киев, 1914, с. 250—271; *Рисс О.* Беседы о мастерстве корректора. М., 1959; *Берков П. Н.* Корректурa и текстология. Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка, 1962, вып. I, с. 70—74.

² *Пильняк Б.* Избранные произведения. М., 1976, с. 375.

³ Целый ряд указаний о новейших типах пишущих машинок и о технике печатания в книгах: *Дмитриевский Е. И., Дмитриевский Н. Н.* Учебник машинописи. (С методикой ее изучения). М., 1953; *Демачев Ю. С., Кузнецова А. Н.* Машинопись. М., 1972; *Лившиц Я. З., Кузнецова А. Н.* Машинопись и основы современного делопроизводства. М., 1974; *Березин Б. И.* Самоучитель машинописи. 4-е изд. М., 1975; *Соболевская В.* Учебное пособие по русской машинописи для работников телевидения и радиовещания. М., 1976.

В заключение нельзя не заметить, что современная практика существенно упростила и облегчила исправление неизбежных при печатании ошибок: на смену резинке, нередко размазывающей текст, протирающей бумагу и придающей странице неаккуратный вид, пришли различные типы клеящих лент; они почти полностью по цвету сливаются с бумагой и делают поправку почти незаметной.

Было бы исторической несправедливостью не упомянуть о двух множительных аппаратах, сыгравших важную роль в истории русского освободительного движения — о гектографе, который стал употребляться в целях революционной пропаганды с конца 1879 г. и о мимеографе — с конца 90-х годов. Техника в обоих случаях была несложная: гектограф — плоский ящик — заполняется смесью желатина и глицерина; оригинал переписывался особыми копировальными чернилами, накладывался на приготовленную массу, а затем с нее, при помощи валика, делались копии — оттиски на листах бумаги. Таким образом можно было изготовить до ста копий (отсюда и название). В мимеографе трафарет изготовлялся на вощеной бумаге — далее процесс был сходен¹.

3. Стенография

Человек говорит приблизительно в 5—6 раз быстрее, чем пишет (имеется в виду современная скорость). Скорость речи колеблется в пределах от 60 до 120 слов в минуту. Отсюда, естественно, издавна у разных народов возникли многочисленные способы упрощения письма и ускоренной записи речи: стенография, тахиграфия, графодромия, быстроспись, краткопись — из всех этих названий-синонимов прочно вошло в оборот первое, происходящее от греческого «стено» — сжато, узко и «графо» — пишу. Относительная трудность (точнее, трудоемкость) освоения методики привела к образованию особой профессии стенографов, ставшей уделом почти исключительно женщин.

¹ Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 266 и изд.: Хроника социалистического движения в России. 1878—1887. Официальный отчет. М., 1907, с. 277.

Стенографическая запись текста может фиксировать либо нарочитый диктант (текста доклада, письма и пр.), либо же гораздо чаще непосредственно речь оратора (докладчика) на собрании или в иной публичной обстановке. Несравненно реже, в меру распространенности стенографии в широких кругах (за рубежом чаще, чем у нас), стенография может использоваться в личном обиходе для черновых, предварительных набросков, для записи цитат и других выписок или же для записи своей же устной речи.

Кроме этой профессиональной стенографии следует иметь в виду, что у каждого работника умственного труда постепенно вырабатывается индивидуальная система упрощения письма при помощи привычных лигатур и индивидуальных условных знаков. Напомню для примера, что в 1846 г. Н. Г. Чернышевский читал одну из книг французского стенографа Авг. Гросселена¹, которая помогла ему выработать собственную оригинальную систему полустенографической записи, на многие годы затруднившую прочтение его дневника². В этой системе слово «если» обозначалось знаком «х»; «целый» и все производные от этого слова — значком, напоминающим латинское «z»; «этот», «эта», «это» — знаком вроде греческой сигмы и т. д.

Первые попытки применить стенографию для записи русской речи относятся, по-видимому, к 1792 г. Под этой датой в «Опыте российской библиографии» В. С. Сопикова (ч. 5, 1821, № 11723) зарегистрирована (в качестве редкой) книга Франца Анри «Тахиграфия или способ краткописания, по коему почти столь же скоро можно писать, как говорят» (М., 1792).

В 1806 г. в Москве на французском языке вышла книга Godfroy «Okygraphie russe, ou Méthode simple et facile pour écrire le russe aussi vite que la parole». Расширенный вариант этой же книги появился в Москве в 1809 г. на русском языке («Российское чтение и скорописание, или Верный способ учить читать по-русски с присово-

¹ «Vocabulaire sténographique». Paris, 1822, 1824 или «Système de stenographie». Paris, 1822.

² Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, с. 23; И—в [Протасов И. Ф.]. О рукописи Чернышевского. — Вопросы стенографии и машинописи, 1928, № 12, с. 3—5; Алексеев Н. А. «Шифр» Н. Г. Чернышевского. — Красный архив, 1936, № 3 (76), с. 221—225.

куплением простой и легкой методы писать на сем языке столь же скоро, как и произносить слово»).

В 1820 г. в Петербурге была издана «Графодромия или искусство скорописи. Сочинение г. Астье, переделанное и примененное к русскому языку бароном Модестом Корфом». Недавний лицеист на отдельной странице написал перед текстом: «Императорскому Царскосельскому лицезу посвящено признательным воспитанником». В перечне лиц, подписавшихся на эту книгу, находим ряд профессоров лицея: Куницына, Кошанского, Будри, Кайданова и др., а также товарищей по учению: Пушкина, Кюхельбекера, Плетнева и некоторых других. Кроме того, в числе подписчиков значатся Грибоедов, отец поэта С. Л. Пушкин и ряд других лиц¹.

Ни одна из названных книг сколько-нибудь значительным успехом не пользовалась и вряд ли имела практическое применение.

Едва ли большее значение имела вышедшая в Москве в 1844 г. книга «Стенография, или Искусство писать так же скоро, как говорить на русском и французском языках». Как установлено в литературе, книга написана одним из учеников французского стенографиста Ипполита Прево². Вслед за этой книгой в 1848 г. вышла «Стенографическая азбука, или Первоначальное руководство к изучению искусства так же скоро писать, как и говорить, по методике, основанной на изображении букв точками или чертежами, изданная С. П. К.».

Стенография в это время оставалась уделом частной инициативы и частного применения. Правительство относилось к ней враждебно, как к смешной и ненужной затее. «...Сожалею об одном, что нет у нас стенографии, которая могла бы удерживать летучие слова профессора»³, — писал в 1843 г. С. П. Шевырев в отзыве о лекциях Т. Н. Грановского.

В 1849 г. Главное управление цензуры признало, что рукопись сочинения Н. Мейера под заглавием: «Руковод-

¹ В библиотеке Пушкина книга не сохранилась, и сведения о ней в пушкинине и в работах по истории библиотеки почти отсутствуют.

² См.: Юрковский А. Очерки по истории русской стенографии. — Вопросы стенографии и машинописи, 1928, № 10, с. 15.

³ Шевырев С. П. Публичные лекции по истории средних веков г. Грановского. Письмо в губернию. — Москвитин на 1843 год, № 12, с. 529.

ство для стенографии на русском языке», содержащую в себе «правила стенографического искусства, которое не может и не должно иметь никакого применения в России, не следует дозволять к печатанию»¹.

Все это свидетельствует о популярности стенографии в России в то время, но сведений же о публичном ее применении в нашем распоряжении нет.

В 1858 г. в Петербурге была опубликована книга М. Иванина «О стенографии или искусстве скорописи в применении ее к русскому языку»². Друг Добролюбова Н. М. Михайловский в специальной (анонимной) рецензии в «Современнике» приветствовал самую идею этой ставшей популярной книги, но вынужден был признать, что «стенография может иметь у нас более применения в частной жизни, чем в общественной, где использование ее остается в области благих пожеланий»³. Действительно, в условиях отсутствия гласности в дореформенной России сфера применения стенографии получает общественное признание только после 1864 г., т. е. после судебной и земской реформ. Гласность и состязательность суда требовала дословной и точной записи прений и всего хода заседания: отчет приобрел значение юридического документа. В литературе мелькал даже термин «присяжный стенограф» по аналогии с юристами: «присяжный заседатель», «присяжный поверенный». «Стенография, — писал М. Иванин, — есть необходимая принадлежность вводимого у нас в настоящее время гласного суда и глас-

¹ Шукинский сборник. М., 1903, вып. 2, с. 343 (разрядка моя — С. Р.). См. ЦГИА, ф. 772, оп. I, № 2303. В ф. 777, оп. 25, № 1685 хранится рукопись того же автора — «Учебная книга стенографии для русского языка с прибавлением стенографии немцев и французов» (1846 г.) — она была разрешена к печати, но в свет все же не вышла. Гоголь в одном из писем 1850 г. упоминает немецкие стенографические протоколы (Полн. собр. соч., т. XIV, 1952, с. 173).

² В ЦГИА хранится дело о разрешении С.-Петербургскому цензурному комитету рассмотреть эту книгу на основании общих цензурных правил (ф. 772, оп. I, № 4362/151724 от 29 января — 18 марта 1857 г.). Таким образом, ясно, что для издания книг по стенографии ранее существовали какие-то особые правила. В Гос. историческом архиве в Ленинграде есть дело «По прошению стенографа Терне о разрешении в его публичных чтениях заменить значковую методу письма <...> новою, им разработанною системою по слуховому началу» (1875, стол I, № 5717/27).

³ Современник, 1858, № 7, отд. VII, с. 73; см. еще анонимную рецензию в «Северной почте», 1864, 28 января, № 23, с. 89—91.

ного обсуждения по делам земства; общество начало созывать пользу употребления стенографии»¹.

Всевозможные акционерные общества, банки, концессионные компании, различные общественные организации тоже нуждались в стенографах для записи отчетов, прений и пр. Едва ли не первым случаем публичного использования стенографии был знаменитый диспут о происхождении Руси между М. П. Погодиным и Н. И. Костомаровым, состоявшийся в Петербурге в здании университета 19 марта 1860 г. В «Современнике» была напечатана эта стенограмма по записи стенографа В. Мордвинова².

«В тогдашней прессе, — свидетельствовал шестидесятник-стенограф И. К. Маркузе, — немало толковали и о самой стенографии как об интересном искусстве... стенография была некоторою «злобою дня», модным предметом»³.

Правительству сразу и притом в разных местах империи и сравнительно в большом числе понадобилось много скорописцев. Были организованы курсы стенографии при военно-топографическом училище, публичные курсы при городской думе в Петербурге, при Московском мещанском училище и т. д. В некоторых петербургских гимназиях вводилось необязательное преподавание стенографии. Стали предоставляться всевозможные льготы частным предпринимателям: именно в этой области был допущен «вольнонаемный» женский труд, который быстро вытеснил мужской. Для женщин были основаны специальные курсы стенографии П. М. Ольхина.

Одни за другими начинают выходить всевозможные пособия по стенографии — И. Коренева, А. Н. Артоболевского, И. И. Паульсона, И. А. Устинова, Я. Е. Мессера, А. Шевлякова, Н. Е. Торнау, П. М. Ольхина и др.

Именно в это время складываются две основные стенографические системы, вариантами которых являются все появившиеся в позднейшее время; всего на материале русского языка в 1806 по 1954 г. их насчитывается не менее 120! Одна система геометрическая, в ней основой являются прямая линия, точка, круг и его части, и

¹ *Иванов М.* Теория стенографии для русского языка. — Отечественные записки, 1866, май, кн. 1, с. 182.

² Его имя указано в тексте журнала, в оглавлении номера и тома (Современник, 1860, № 3, с. 292).

³ Исторический вестник, 1900, № 3, с. 982.

соответственно письмо приобретает характер, более или менее близкий к геометрическим фигурам. Другая система — курсивная, или графическая, — кладет в основу наклоненный вправо (как и в обыкновенном письме) овал и части существующих букв в их скорописном написании.

Между этими двумя системами начинается весьма жестокая борьба, порой с неприкрытой рекламой и коммерческой конкуренцией, порой идет серьезная дискуссия о преимуществах того или иного метода. Системы Иванина, Габельсбергера, Шевлякова, Штольце, Терне наперебой доказывали свое превосходство¹. Специально организованная правительством комиссия сносилась с существовавшим в Дрездене стенографическим обществом, послала за границу для изучения опыта чиновника особых поручений Брадке, объявила конкурс на сочинение по стенографии в наиболее удобном для русского языка варианте. Была обещана премия в 1500 руб. На конкурс поступило 28 печатных и рукописных сочинений. Первая премия никому присуждена не была, но учебники Ольхина (система Габельсбергера) и Паульсона и Мессера (система Штольце) были выделены в качестве наиболее удачных.

Хорошие стенографы очень ценились. В 1866 г. для решения вопроса о преимуществе той или иной системы были организованы специальные стенографические состязания².

Со второй половины 60-х годов XIX в. стенография начинает широко применяться студентами, некоторыми писателями, учеными, в редакциях газет и т. д. Группы студентов стенографически записывали лекции профессоров, а потом выпускали их в качестве учебных пособий в литографированном виде³. Некоторые из них были авторизованы и легли в основу позднейших подробно разработанных печатных курсов.

¹ Некоторый любопытный материал, характеризующий эту борьбу, см.: *Стасюлевич М. М.* Новейшие успехи стенографии. — *Голос*, 1863, 19 июня, № 154, с. 601—602; *Артоболевский А. Н.* О преподавании стенографии в училище военного ведомства. — *Народное богатство*, 1864, 20 июня, № 138, с. 546; *Ершов Н. А.* Обзор русских стенографических систем. СПб., 1880, с. 138—143.

² См.: *Отечественные записки*, 1866, сентябрь, кн. I, с. 1—6 (отдельная пагинация); кн. 2, ноябрь, с. 1 (отдельная пагинация).

³ *Николадзе Н. Я.* Воспоминания о шестидесятих годах. — *Каторга и ссылка*, 1927, № 4 (33), с. 35.

История сохранила любопытные факты: «Петербургские трущобы» Всеволода Крестовского, «Старая и новая Россия» Д. К. Гирса, «Игрок» и последняя часть «Преступления и наказания» Достоевского, часть «Основ химии» Д. И. Менделеева, «Курс лекций по агрохимии» Д. Н. Прянишникова, «Теоретические основы воздухоплавания» Н. Е. Жуковского, наконец, «Режиссерские уроки К. С. Станиславского» Н. М. Горчакова были записаны стенографически¹. Некоторые произведения Лескова, например «Кадетский монастырь», представляют собой обработанную запись стенограммы воспоминаний Г. Д. Похитонова. Лесков рекомендовал помощь стенографа М. И. Пылаеву, но для себя возможность использования этого метода исключал². Стенографически записаны секретарем Л. Н. Толстого Н. Н. Гусевым некоторые статьи великого писателя в последние годы его жизни; корреспонденция же сплошь и рядом осуществлялась при предварительной помощи стенографа. Подготовленные тексты неоднократно правились и переписывались³. Куприн нередко диктовал стенографу: именно так была закончена «Яма»⁴. Воспоминания Шалапина были переписаны М. Горьким со слов Шалапина, который диктовал их стенографистке Е. П. Струковой-Сильверсан⁵.

В благодарной памяти потомков сохранится имя одной из первых в России женщин-стенографисток — Анны Григорьевны Сниткиной (1846—1918), стенографически записавшей в 1866 г. роман Достоевского «Игрок» и тем спасшей писателя от серьезнейших материальных осложнений с издателем Ф. Т. Стелловским. В 1867—1868 гг.

¹ Исторический вестник, 1900, № 3, с. 982. На обороте шмуцитула «Основ химии» (СПб., 1869) читаем: «Г-н Никитин стенографически записал со слов автора почти всю первую часть этого сочинения». Напомню еще имя одного из первых и лучших судебных стенографов А. Я. Липскерова (*Чехов М. П. Вокруг Чехова. М.—Л., 1933, с. 104*).

² Исторический вестник, 1900, № 3, с. 988. Ср. в статье Н. С. Тихонова — Как я работаю: «...я не мог бы, например, диктовать стихи стенографистке» (Литературная учеба, 1930, № 5, с. 101).

³ И-в [Протасов И. Ф.]. Толстой и стенография. — Вопросы стенографии и машинописи, 1928. № 8—9, с. 3—5. Для художественных произведений Толстой этот метод исключил. См.: *Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973, с. 263*.

⁴ *Кулешов Ф. И. А. И. Куприн. Минск, 1963, с. 423*.

⁵ См.: Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. М., 1966, с. 80 (Архив А. М. Горького, т. XI).

она вела стенографической записью свои дневники, расшифрованные ею через 30 лет. Для воспоминаний, написанных в поздние годы, тоже были использованы стенографические заготовки, в них содержится подробный рассказ и о работе у Достоевского¹.

Другим видным стенографом своего времени был выдающийся русский революционер Ипполит Никитич Мышкин (1848—1885). По окончании училища кантонистов в Пскове он поступил в Петербургское военно-топографическое училище, здесь же он изучил стенографию, которой очень увлекся. Выйдя в отставку, Мышкин посвятил себя стенографии. Он работал в качестве стенографа в московском, нижегородском и рязанском земствах. В 1869 г. И. Н. Мышкин стенографировал для «Московских ведомостей» процесс Нечаева. С этого же времени, может быть, под влиянием впечатления от этого процесса, он начинает сближаться с революционными кругами и вскоре полностью посвящает себя подпольной работе. Всем известна его неудачная, но героическая попытка освобождения из Вилуйска Н. Г. Чернышевского, его жизнь на каторге, а потом заключение и казнь в Шлиссельбургской крепости².

В условиях наступившей реакции резко падает значение гласности, падает и интерес к стенографии, которая в этом смысле весьма точно отражает состояние общества, являясь как бы зеркалом общественной и государственной жизни.

Следует иметь в виду, что даже самая совершенная стенографическая запись (а такая встречается сравнительно редко) все же лишь приблизительно передает

¹ См.: *Достоевская А. Г. Дневник*. М., 1923; ее же. *Воспоминания*. М., 1971. А. Г. Достоевская стенографировала по системе Иванова, но применяла ряд собственных условных сокращений. Отрывок из «Дневника писателя» за январь 1881 г. и «Биография Ф. М. Достоевского» расшифрованы усилием Ц. М. Пошеманской. См.: *Капелюш Б. Н. и Пошеманская Ц. М. Стенографические записки А. Г. Достоевской*. — Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. — М.—Л., 1961, вып. 6, с. 109—111. Интересные соображения о том, как характер стенографической записи повлиял на стиль Достоевского, см.: *Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы*. 3-е изд. Л., 1979, с. 317.

² См.: *Бурлаков П. И. Н. Мышкин*. — Вопросы стенографии, 1924, № 1/3, с. 44; *Лесной. И. Н. Мышкин*. — Вопросы стенографии, 1925, № 1/7, с. 40. Ср. еще очерк В. Г. Короленко. Ипполит Никитич Мышкин (История моего современника, кн. 3, ч. 5, гл. 2).

произнесенный текст. Стенографистка, как правило, пропускает отдельные слова, иногда при трудностях расшифровки пропускает какие-то куски или же, что еще хуже, восполняет их по собственному усмотрению.

Стенограмма должна быть выправлена: авторизации подвергается обычно первоначальная расшифровка (так называемый дешифрант), который потом перепечатывается. Авторская правка сплошь и рядом бывает очень значительна, особенно при переработке, например, доклада в статью, курса лекций в учебник. В этих случаях стенограмму рассматривают в качестве предварительного наброска, черновой или получерновой записи, исходя из нее автор создает текст, обычно весьма отличный от стенографической записи. Помимо всего, при такой переработке текст переводится в другой «регистр» — из устной речи с преобладанием личного тона в специфически письменный, гораздо более «объективного» звучания¹.

Поэтому, например, в собрании сочинений В. И. Ленина принято совершенно правильное решение — невыправленные стенограммы вводить в издание лишь «по неволе», до нахождения аутентичного или по крайней мере более аутентичного варианта текста². Документальная точность неавторизованной стенографической записи весьма и весьма сомнительна. Сравнение двух стенограмм одного текста окончательно в этом убеждает. Следует напомнить, что В. И. Ленин в 1919 г. просил не полагаться на стенографическую запись его речей³.

Лишь очень немногие деятели литературы и науки «говорят, как пишут», и их стенограммы могут идти в печать с незначительной правкой — такими были, например, А. В. Луначарский и Е. В. Тарле.

¹ Поэтому, и вполне правильно, стенограф не обладает никакими авторскими правами на застенографированный им текст. В наше время имя стенографа в печати никогда не фигурирует. Не так было раньше: выше приведены примеры упоминания имен стенографов в печати, известно и судебное дело, возникшее в 1888 г. вследствие перепечатки в одной газете напечатанной в другом месте стенограммы: иск возбудил стенограф (см.: *Горшков А.* Стенография и авторское право. — Вопросы стенографии, 1926, № 7/19, с. 19—20).

² См. воспоминания стенографистки, записывавшей с лета 1920 г. публичные выступления В. И. Ленина. *Вексман Р.* Ленин и стенография. — Вопросы стенографии, 1926, № 1 (13), с. 1—3; *ее же*. Как мы записывали речи В. И. Ленина. — Наука и жизнь, 1968, № 1; с. 22—26. См. также: *Остроумова В. П.* Ленин, как оратор с точки зрения стенографа. — Вопросы стенографии, 1924, № 1/3, с. 5—6.

³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 246—247.

У каждого стенографа в процессе работы создаются свои индивидуальные детали записи; поэтому стенограмма, как правило, расшифровывается тем стенографом, который вел запись, и по возможности сразу, по свежей памяти.

Как известно, статью «Очередные задачи Советской власти» Ленин первоначально диктовал стенографу. Правильный текст этой стенограммы был расшифрован недавно: оказывается, стенограф диктовал поочередно пяти машинисткам и читать текст надо последовательно, а не подряд, как это делалось до сих пор.

В СССР в 1933 г. принята Государственная единая система стенографии (ГЕСС), в основу положена система Н. Н. Соколова, представляющая собой один из наиболее практичных вариантов курсивного письма. По ней проводится обучение многочисленных кадров стенографов¹.

Изучение стенографии, не представляя собой каких-либо теоретических трудностей, тем не менее исключительно трудоемко. Хорошим стенографом может стать лишь тот, кто длительно и систематически упражняется, «набирая скорость». Отсутствие в течение какого-то времени практики снижает достигнутую скорость записи. Известного напряжения требует и запоминание стенографических идеограмм. Расшифровка стенограммы опять-таки трудоемкий процесс, требующий определенных навыков. При этом стенографистка должна овладеть еще и профессией машинистки. Стенографический труд весьма напряжен: каждая высококвалифицированная стенографистка работает подряд не более получаса; при механическом сведении частей одной стенограммы в единый текст нередко возникают несогласованности, обязательно требующие редакторской обработки текста.

Вспомним по этому поводу те иронические строки, которые посвятил стенографии — сам некогда стенограф — Чарльз Диккенс в «Дэвиде Копперфилде». Речь идет о системе Телера: «Я купил рекомендованную мне книжку о благородном и таинственном искусстве стено-

¹ В несколько усовершенствованном виде она представлена в книге: *Гильдебранд А. Г. Стенография*. М., 1968; ср. еще: *Акопян О. С. Учебник стенографии. Массовое и профессиональное письмо*. 5-е изд. Ростов-на-Дону, 1976; *Вексман Р. А., Каждан Я. Е., Порто Т. С. Стенография*. 3-е изд. М., 1979.

графии и окунулся в море таких затруднений, что через две-три недели впал в полное отчаяние. Точки, повторяющиеся на все лады и означающие в одном месте одно, а в другом нечто другое, совершенно непохожее; чудесное, причудливое сочетание кружочков, бесчисленные значения черточек, напоминавших мушиные лапки; ужасные последствия не на месте поставленных завитушек — все это не только волновало меня в часы бодрствования, но и преследовало во сне...». После того как герой добился, наконец, должной скорости записи, оказалось, что понять написанное «было ничуть не легче, чем разобрать китайские знаки на чайных чашках или золоченые надписи на огромных красных бутылках в лавках с химическими товарами» (ч. II, гл. 9, ср. еще гл. 7 и 14).

Ввиду исключительно трудоемкого процесса изучения стенографии наблюдался значительный процент отсева учащихся (в 1870—1880 гг. он достигал 85% первоначального числа учащихся). Практическое внедрение стенографии для индивидуального пользования получило очень незначительное распространение.

4. Магнитофон

Попытки создания специальных «стенотипических» машин (1920—1930) для записи речи не дали ожидавшихся результатов, но значительное усовершенствование в последние годы фонографов, диктофонов, магнитофонов и других способов механической записи речи, записи очень дешевой, документально точной, произвольной скорости и любой продолжительности предвещает стенографии более или менее близкую кончину. Уже теперь аппараты для записи речи получили широкое, а вскоре получат и массовое распространение. В практике работы съездов, конгрессов и конференций (особенно таких, где речь звучит на разных языках) уже не прибегают к помощи стенографии, используя различные механические способы¹. В индивидуальном труде писателя, журналиста

¹ Некоторые данные по истории стенографии см.: *Соколов В. И., Рейман. Материалы для будущей стенографии. — Учитель, 1863, № 4—6, 8, 9, 11—16, 22—24; Ершов Н. А. Обзор русских стенографических систем. СПб., 1880; Юрковский А. Обзор русской стеногра-*

та, ученого магнитофон в различных его вариантах быстро приобретает самое широкое применение.

Исторически он восходит к изобретенному в 1887 г. Томасом Эдисоном фонографу, но, конечно, за истекшие годы куда как далеко ушел от своего предка. В настоящее время это электрический аппарат для магнитной записи и для воспроизведения звука. Многочисленные модели приспособлены для различных практических надобностей (например, воспроизведение с необходимой громкостью произнесенной ослабленным голосом речи), а применение полупроводников позволило создать портативные варианты этих машин. Магнитофон, диктофон и другие аппараты позволяют «наговорить» в него с произвольно выбранной скоростью нужный текст. При повторном движении той же ленты ей можно придать небольшую скорость, такую, которая позволит машинистке напечатать текст¹.

фической литературы. — Вопросы стенографии, 1927, № 5—7 (29—31); *его же*. Очерки по истории русской стенографии. — Вопросы стенографии и машинописи, 1928, № 6, 10, 12; *Левин С.* Об изучении истории русской стенографии, М., 1927.

¹ См.: *Курбатов Н. В., Яновский Е. В.* Справочник по магнитофонам. М.—Л., 1963; *Гурка М.* Магнитофон. Пер. с чешского. М.—Л., 1960; *Матвеев А. С.* Любительская звукозапись. М., 1959 и другие многочисленные более поздние издания.

1. Почерк

Проблемы почерка. Письмо представляет собою сложный психофизиологический акт. Но благодаря образованию стереотипов, процесс письма приобретает некоторые черты автоматизма. Почерком мы называем письмо с индивидуальной манерой изображения отдельных букв и их связей между собой¹.

Впрочем, степень автоматизированности этого процесса у различных людей неодинакова. У редко и мало пишущих этот процесс протекает гораздо более затрудненно, с полным сосредоточением внимания и с заметным усилием. Мы легко различаем выработанный (разработанный) и невыработанный (неразработанный) почерк².

Мартин Петрович Харлов в повести Тургенева «Степной король Лир» четверть часа выводил «пыхтя и отдуваясь... свой чин, имя, отчество и фамилию, причем буквы ставил огромные, четырехугольные с титлами и хвостами, а совершив свой труд, объявил, что устал...»³

Картинное описание затрудненного процесса письма находим в знаменитых письмах из деревни А. Н. Энгельгардта. В пятом письме (1875 г.) один из крестьян — Иван говорит о другом — Савельиче: «Тихо очень он пишет — примеряется, примеряется, а потом вдруг письнет,

¹ Хавин П. Я. К истории слова «почерк», как термина эстетики. — Вопросы теории и истории языка. Сборник в честь Б. А. Ларина. Л., 1963, с. 324—332.

² Малограмотный, но всеильный А. Д. Меншиков подписывал бумаги «неуверенной рукой» замечает С. П. Луппов: — Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973, с. 230.

³ Тургенев И. С. Соч. М.—Л., 1965, т. X, с. 191. Письмо с титлами прослеживается до конца 80-х годов XIX в.

ан настоящее и не выписалось, замарают и опять налаживается — тоска даже возьмет»¹.

У привычных к письму людей, для которых это профессиональное занятие, тот же процесс протекает гораздо более автоматизированно, но полное выключение сознания невозможно, как бы привычен ни был для данного лица процесс письма: даже такое механическое занятие, как проставление подписи на документе, тоже требует определенного внимания². Подпись с привычным росчерком признается наиболее типичной и индивидуальной приметой почерка; перед нами в этом процессе не выведение отдельных букв фамилии, а своего рода штамп, графическая идиома, печать ее обладателя.

Неповторимость росчерков (порой очень затейливых и сложных)³ позволяла правлениям дореволюционных банков для избежания подлогов рассылать заинтересованным лицам и организациям фототипические альбомы-образцы подписей ответственных за выплату денег лиц.

В акте письма перед нами две стороны: психическая (мысль) и физическая — фиксация этой мысли. Совершенно прав В. Н. Образцов, цитирующий немецкого исследователя Гольдшнайдера: «Неученому кажется, что при письме воля находится в руке: однако не рука пишет, а ею лишь пишется»⁴.

¹ *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. 12 писем 1872—1887. М., 1956, с. 199.

² Специальное исследование росчерков в статье *О. Рвачевой* «Значение росчерка при сравнительном исследовании подписей». — Социалистическая законность, 1941, № 3, с. 46—50.

³ Чехов указывает, что подпись вырабатывается практикой (Письма, 1974, т. I, с. 170). В рассказе С. Антонова «Разорванный рубль» герой «расписывается до того ловко, что зигзаг под фамилией у него отработан в виде голубя мира» (Юность, 1966, № 1, с. 4).

⁴ *Образцов В. Н.* Письмо душевнобольных. Казань, 1904, с. 13. Сигнальной частью слова (термин В. Н. Щепкина из «Русской палеографии». М., 1967, с. 116) является верхняя его половина; см.: *Панов М. В.* И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М., 1964, с. 162 и сл. Об устойчивости почерковых признаков см.: *Томилин В. В.* К вопросу об устойчивости признаков письма и почерка на протяжении жизни человека. — Вопросы судебно-медицинской экспертизы. М., 1958, вып. 3, с. 416—427 (приложены семь фотографий почерка А. Н. Толстого в возрасте 12, 18, 27, 35, 47, 54 и 61 года); *его же.* Физиология, патология и судебно-медицинская экспертиза письма. М., 1963. Сб.: Криминалистика и экспертиза. Киев, 1963, вып. I, с. 111—143. Стоит напомнить, что в ЦГАЛИ есть специальная картотека почерков, включающая почерки одного лица в разные годы жизни: см. *Андроников И.* Хранители правды. — В сб.: Встречи с прошлым. М., 1971, вып. I, с. 35.

Почерк — индивидуальные особенности письма отдельного человека. В этом смысле устав и полуустав почерка не имеют: они представляют собой в значительной степени рисованное письмо. Между тем основной особенностью почерка является его непосредственность. Тем самым почерк существует лишь в скорописи¹. Впрочем, при напряженном, ускоренном и длительном письменном труде какие-то индивидуальные черты почерка утрачиваются: в этом смысле справедливо, например, утверждение, что регистраторша в поликлинике пишет «безличным» почерком. Не является почерком и так называемый «библиотечный почерк» и все многочисленные варианты картографических и чертежных надписей. Гораздо точнее называть их шрифтами². Индивидуальные отличия, которые мы в них иногда находим, — это дефекты, отступления от «идеальной нормы» прописей. Лучшей скорописью должна быть в принципе признана такая, которая ближе всего в печатному изображению букв. Нельзя забывать, что генетически каждый шрифт восходит к почерку и фиксирует те или иные его черты. Практически число вариантов рукописных начертаний гораздо больше, чем печатных. В шрифте строчные и прописные буквы ближе друг к другу, чем в рукописи. В начале XX в. и в России, и за границей существовали настолько «изысканные» художественные шрифты, что беглое чтение их представляло немалые трудности. И наоборот, палеограф О. А. Добиаш-Рождественская указывает, что литеры некоторых инкунабульных латинских книг «насколько близко воспроизводят рукописные, что при первом взгляде печатную книгу нелегко отличить от рукописной»³. Это относится, конечно, не к скорописи, а к различным видам устава.

¹ Различные определения почерка: *Потанов С. М.* Научное почерковедение — Советское государство и право, 1940, № 12, с. 83; *Феофанов М.* Психология письма. М., 1930 и др. Современные теории постепенного установления типов индивидуальных почерков на материале XIII—XV вв. систематизированы в книге: *Киселева Л. И.* Готический курсив XIII—XV вв. Л., 1974, с. 146—164. Об индивидуальных особенностях старых русских писцов см.: *Костюхина Л. М.* Почерки московских писцов XVII в. (По материалам Государственного исторического музея). — В сб.: Проблемы палеографии и кодологии в СССР. М., 1974, с. 152—189.

² См.: *Захаров М. Ф.* Картографические шрифты. М., 1940.

³ *Добиаш-Рождественская О. А.* История письма в средние века. Пг., 1923, с. 187.

Каждый почерк индивидуален настолько, что даже человек, ведущий большую переписку, почти всегда безошибочно узнает корреспондента уже при беглом взгляде на полученное письмо.

Индивидуальные особенности письма начинают выявляться очень рано у каждого учащегося. Совершенно невозможная задача — выпустить группу школьников с одинаковыми почерками. Вариативность почерка беспредельна.

В наши дни каллиграфия, т. е. с особой тщательностью («особым стилем») выведенное письмо, в сущности, безличное, сохраняет весьма ограниченное значение — для адресов, дипломов, записей в паспортах, грамотах, некоторых свидетельствах и пр., но как профессия перспектив не имеет¹.

Индивидуальные различия определяются многими и самыми разнообразными постоянными и случайными условиями: нервно-психическим типом, полом, состоянием органов зрения, развитостью мускулатуры и формой кисти и пальцев, посадкой, наклоном головы, привычкой к определенному орудию и материалу письма, усталостью, обстановкой, условиями письма. Процесс индивидуализации почерка не зависит от воли обучающегося. Это не относится лишь к каким-либо второстепенным деталям, иногда по тем или иным соображениям сознательно вводимым в письмо: таково манерное, не русского типа «к» с высокой мачтой слева, «з», похожее на латинское скорописное «s», широкое и плоское «о», типа «омеги», «л» латинизированной формы, «м» Лескова с высокой левой мачтой и пр.; однако все эти произвольно выработанные мелочи не определяют тип почерка².

Итак, мы не властны или почти не властны в своем почерке. Пожизненная сохранность почерка — непреложный для психофизиологии факт. Специальными опытами доказано постоянство основных черт каждого данного почерка. Он осложняется лишь появлением того, что по аналогии с языкознанием можно назвать окказионализмами — они большей частью вызваны требованиями дукта. Однако можно, как установили опыты, писать мелом

¹ Капр А. Взаимоотношения между почерком, печатным шрифтом и каллиграфией. — В сб.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 79—85.

² См.: Гурьянов Е. В., Щербак М. К. Психология и методика обучения письму в букварный период. Очерки. 2-е изд., доп. М., 1952.

на доске (т. е. вертикально), палочкой на песке, на коленях, на стене — общие черты выявятся во всех случаях.

Опытами Н. А. Бернштейна доказано, что можно писать карандашом, привязанным к наружному краю левой кисти (на месте браслета часов), прикрепленным к внутренней стороне правого локтя, выше локтя, и даже... карандашом, прикрепленным к носку ботинка правой ноги, карандашом, взятым в зубы, левой рукой и т. д., и все эти почерки будут иметь общие черты, при этом они сохраняют их независимо от возраста¹.

Поэтому эксперты всегда с таким недоверием относятся к встречающимся в печати утверждениям: «написано измененным почерком». В этом смысле большой интерес представляет данный Н. Г. Чернышевским на следствии блестящий анализ собственного почерка, сравнительно с поддельным, предъявленным ему судьями².

Конечно, можно привести примеры сознательного «изменения» почерка; волевое усилие может оказаться достаточным для изменения внешнего рисунка, но внимательный анализ установит тождественность. Так, артистка Павла Вульф в своих воспоминаниях пишет, что она настолько старалась во всем подражать В. Ф. Комиссаржевской, «что даже свой красивый, четкий почерк переделала и стала писать небрежно, с заездами в конце строк, а некоторые буквы точно копировала»³.

Еще более выразителен пример с почерком Жорж Санд. Один из авторитетных исследователей ее творчества, Вл. Каренин (В. Д. Комарова-Стасова) указывает, что у писательницы до «плебисцита» 2 декабря 1851 г., провозгласившего императором Франции Наполеона III, был мелкий почерк с наклоном вправо. «После переворота, опасаясь, что, подобно многим из ее друзей, она подвергнется преследованию со стороны правительства

¹ См.: Платонов К. К. Занимательная психология, с. 314—316. В «Истории села Горюхина» Пушкин упоминает грамотея Терентия, который умел писать и правой и левой рукой. Пострадав за свое искусство, он, чтобы почерк его остался неузнанным, научился писать правой ногой.

² Дело Чернышевского. Саратов, 1968, с. 325—328; Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949, т. XIV, с. 742—745.

³ Вульф Павла. В старом и новом театре. Воспоминания. М., 1962, с. 51. В неизданных воспоминаниях Л. Д. Менделеевой-Блок (ЦГАЛИ) также рассказывается о том, как из любви к мужу она «даже почтовую бумагу переменяла, даже почерк».

Наполеона III, Санд стала писать свои письма крупным, прямым, искусственно выработанным почерком. Этот второй почерк писательница сохранила на всю остальную жизнь»¹.

18 марта 1859 г. Полина Виардо писала композитору Юлиусу Рицу: «...я не знаю ничего изменчивее моего почерка — сегодня он у меня крупный, назавтра мелкий, два часа спустя удлинённый и косой, то прямой, то размашистый, то закруглённый и большей частью малоразборчивый»². Стремление подражать другу во всем, вплоть до почерка, отметит Твардовский в обращении «Михаилу Васильевичу Матусовскому. К его семидесятилетию». Нужно, кроме того, учесть еще и факт мимикрии: таков был, например, почерк критика М. А. Протопопова, «мимовольно» подражавшего Н. К. Михайловскому, но такого рода факты все же единичны: вспомним, однако, нарочито витиеватый почерк А. М. Ремизова, стилизованный под старинную русскую вязь. И все же для современного криминалиста идентификация всех этих «измененных» почерков не составит большого труда.

Напомню еще, что Гёте в «Родственных натурах» писал, что когда Оттилия переписывала бумаги Эдуарда, ее почерк из любви начинал походить на его почерк. Это наблюдение вызвало в свое время ироническое замечание Белинского: «Мы даже думаем, что роман этот больше удивил нашу публику, нежели понравился ей. В самом деле, тут многому можно удивиться! Девушка переписывает отчеты по управлению имением; герой романа замечает, что в ее копии чем дальше, тем больше почерк ее становился похож на его почерк. «Ты любишь меня!», — восклицает он, бросаясь ей на шею»³.

Скверный и неразборчивый почерк мог в прежнее время помешать «карьере», отсюда многочисленные «руководства» по «исправлению» почерков. Они издавались и в советское время. Некоторые были не лишены

¹ Каренин Вл. Автографы Жорж Занд в СССР. — Литературное наследство, 1939, № 33—34, с. 691.

² Цит. по статье: Мазон А. Игра в портреты. Литературное наследство, 1964, т. 73, кн. 1, с. 429—430. Напомню еще, что Пушкин в письме к А. П. Керн 28 августа 1825 г. шутливо советовал ей постараться, чтобы сохранить тайну их любовной переписки, переменить почерк.

³ Взгляд на русскую литературу 1847 года. Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X. М., 1956, с. 310.

своеобразного «социологического» обоснования. «А какое положение тех граждан, которые, занимая начальствующие посты, обладают плохим почерком», — пишет Д. А. Писаревский, автор книги «Исправление почерка. 60 практических упражнений» (Л., 1928, с. 3).

Любопытен рассказ о том, как Короленко старался помочь революционеру-народнику М. А. Ромасю улучшить его почерк, из-за которого ему даже не решались дать «интеллигентное» место («История моего современника», кн. IV, ч. I, гл. XII). Неразборчивостью своего почерка был знаменит А. С. Суворин. В типографии «Нового времени» держали особого наборщика, умевшего читать написанное им: его нельзя было занимать иными работами и оклад его был выше, чем у других. Чехов в письме к Суворину 28 декабря 1888 г. шутя рассказывает, как он показал какое-то письмо Суворину одному писарю и спросил — сколько бы можно было платить за такой почерк. Писарь не колеблясь ответил — «Ни копейки!» Но за почерк Д. В. Григоровича писарь полагал, что можно было бы давать по 10 р. в месяц¹.

С хорошим, т. е. четким и аккуратным, почерком обычно связывается понятие о вежливости и благопристойности. «Письмо такое четкое, хорошее, приятно смотреть, и его превосходительство довольны», — сообщает Макар Алексеевич Девушкин в письме к Варваре Алексеевне («Бедные люди»)².

Мать Меркула Праотцева так поучала сына: «... у тебя довольно неразборчивый почерк, а это очень дурно и невежливо: благовоспитанный человек всегда должен

¹ Чехов А. П. ПССиП. Письма, т. III. М., 1976, с. 107. Ср. еще в письме Лескова Суворину 24 января 1887 г. «Очевидно, моя статья попала Вам под «дурной стих» (что я видел даже *по почерку* письма)...» Лесков Н. С. Собр. соч. М., 1958, т. XI, с. 326. (курсив Лескова. — С. Р.).

² Остаются до сих пор неизученными национальные особенности почерка, точнее говоря, явления национальной мимики. Так, привыкший, например, писать по-арабски передает в своем почерке отдельные особенности право-левого письма, то же с людьми, привыкшими, например, писать по-грузински, по-армянски, по-японски или по-китайски. Отсюда стилизация шрифта. Ср. Томашевский Б. В. Мог ли иностранец написать анонимный пасквиль на Пушкина? (Опыт графического анализа). Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Л., 1924, с. 131—133. Е. В. Михайлов в дипломной работе о П. А. Ровинском (исторический факультет МГУ, 1963/64 уч. год) усматривает в русском письме Ровинского влияние арабских написаний — язык, который он изучал в Казанском университете.

писать так, чтобы чтение его письма не затрудняло читающего» (*Лесков Н. С. Детские годы. Собр. соч. М., 1957, т. V. с. 340*)¹.

Учитель чистописания Щупкин в рассказе Чехова «Неудача» говорит: «Некрасов писатель был, а совестно глядеть, как он писал. В собрании сочинений показан его почерк». Лопахин в «Вишневом саде» (действие II) замечает: «...почерк у меня скверный, пишу я так, что от людей совестно, как свинья». В письмах Чехова — многочисленные жалобы на неразборчивость почерка своих адресантов².

Наконец, сходные высказывания находим и у ученых, специально посвятивших себя вопросам методики письма: «...хорошая тетрадь, грамотное письмо, четкий почерк возможны лишь при большой внутренней дисциплине и подтянутости»³.

Дело в том, что рука всегда отстает в записывании мысли: «Рассказ писался сам собой, и я с трудом поспевал за ним», — выразительно замечает Хемингуэй (Праздник, который всегда с тобой. М., 1965, с. 9). Отсюда убыстрение темпа за счет пропусков каких-то букв или слов, возникновение привычных для самого себя условных сокращений, небрежность выписывания конечной части текста; важно по возможности скорее зафиксировать возникающие мысли, а уж потом, отделявая, медленно переписывать — все это настолько характерно для работников умственного труда, а в особенности для ученых, что возникла даже латинская по-

¹ Ср. в статье Б. Агапова «Хозяйство документальности»: «Я придаю громадное значение в работе четкости почерка. Я считаю, что каллиграфия должна быть одним из главных предметов в первых классах средней школы. Неразборчивый почерк есть невежливость по отношению к тому, кто должен в нем разбираться. Но он есть великая беда для нас самих. Работать с материалом в виде каракуль невозможно. Для меня всегда образцом почерка были рукописи Алексея Максимовича Горького: прямые, четкие буквы, большие интервалы между строчками и широкие поля. Все для работы». — Вопросы литературы, 1960, № 11, с. 172. Ср. также высказывания В. Г. Короленко в сб. В. Г. Короленко о литературе. М., 1957, с. 516, 666.

² См., например: *Чехов А. П. ПССиП. Письма, 1974, т. I, с. 195, 1975, т. II, с. 137, 166, 207* и ряд др.

³ *Щерба Л. В. Безграмотность и ее причины.* — В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 61. По мнению В. О. Ключевского, «уметь разборчиво писать — первое правило вежливости». (Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968, с. 326).

говорка: ученые дурно пишут. Плохой почерк могли позволить себе иметь лишь лица значительные. Они, впрочем, писали сами мало, а пользовались услугами секретарей или Петрушек, как Фамусов в «Горе от ума». Генерал в «Мелочах архиерейской жизни» Лескова (гл. XIV), вынужденный лично переписывать написанный другими черновик письма митрополиту Филарету Дроздову, писал его долго, по транспаранту. В рисунках художника А. И. Лебедева к теме А. П. Чехова «Почерк по чину или метаморфозы подписи Карамболева» великолепно показано «видоизменение почерка Карамболева в зависимости от повышения по службе — восемь изображений»¹.

Параллельно с тезисом о неизменности почерка следует отказаться от бытующего даже среди неографов представления о постоянном почерке данного лица.

На самом деле с того времени, как у человека с детских лет постепенно сложилась индивидуальная манера письма², устанавливается не столько почерк, сколько его тип, т. е. общий рисунок, некоторые неизменные и постоянные признаки, как, скажем, вертикальность, право- или левонаклонность (в специальной терминологии они называются декстра- или синистрастрофичными). Типичным левонаклонным почерком было письмо П. А. Вяземского: размер букв, примерный угол наклона, приблизительное соотношение букв между собой, их высота и ширина, форма нажимов, разгон, расположение линий строк и междустрочное пространство, виды лигатур и пр. В остальном же каждый индивидуальный почерк при всей своей единственности (двух идентичных почерков на свете не существует) не остается неизменным ни на протяжении жизни человека, ни даже в течение дня.

На неповторимости и неизменности почерка основана криминалистическая экспертиза.

¹ Чехов А. П. Соч., т. III, 1975, с. 472. Ср. Осколки, 1884, 22 декабря, № 51, с. 7. Различные типы почерков, в зависимости от социального положения возраста и уровня культуры, хорошо схвачены художником М. А. Григорьевым в изд.: Чехов А. Жалобная книга. Л., 1960. Ср. шутовое замечание Чехова в письме к В. В. Билибину 4 апреля 1886 г.: «...с тех пор, как я стал знаменитостью, мой почерк заметно изменился к худшему». Письма, 1974, т. I, с. 227.

² За рубежом выпускаются посвященные технике обучения письму кинокартины.

Почерк, будучи неизменен, постоянно эволюционирует; с годами вырабатываются какие-то новые приемы и навыки, а какие-то постепенно утрачиваются. Каждый из нас может достаточно точно датировать свои собственные записи по одному ему известным и понятным приметам почерка. Иногда изменение почерка столь значительно, что его принимают в качестве надежного материала для датировки: так, например, обстоит дело с почерком Гоголя, Лермонтова, Пушкина¹.

Исследователи Тютчева давно уже отмечали, что почерк поэта значительно изменялся в различные периоды его жизни².

Детали написания отдельных букв, вязь и лигатуры, аббревиатуры, титлы и контракции, суспензии и сиглы, способы расположения текста на листе, привычка к тем или иным перьям, чернилам — все это находится лишь в относительно устойчивом состоянии и в общем служит одной и той же цели: ускорению процесса письма, так чтобы техника минимально отвлекала от творческого акта.

С другой стороны, некоторые детали почерка изменяются в гораздо более короткие сроки.

Представим себе человека, работающего за письменным столом в течение длительного времени, скажем, несколько часов подряд. Почерк в процессе работы меняется, приобретает некоторые особенности — к концу дня характерна меньшая выписанность букв, не столь ровные строки, неравномерность отступов (размер полей), строки постепенно отодвигаются вправо и пр. «Рука ужасно устала, — пишет Н. А. Добролюбов В. В. Лаврскому 18 февраля 1854 г., — почерк у меня уже сбился совершенно»³. Аналогично Н. Г. Чернышевский в пись-

¹ Гиппиус В. В. Заметки о Гоголе. — Ученые записки Ленинградского гос. университета, вып. 11 (серия филологических наук). 1941, с. 17; Основы текстологии. М., 1962, с. 233. Ср. «Предупреждение» Н. Тихонравова к изд.: *Гоголь Н. Собр. соч.*, 10-е изд. М., 1889, т. I, с. XXIV, 542; см. также: *Золотуский И.* Гоголь. М., 1979, с. 103, 499, 501. Об эволюции почерка Ломоносова см.: *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971, с. 48. Об эволюции лицейского почерка Пушкина см.: *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 82.

² Чулков Г. И. Новый Тютчев. — Литературный критик, 1934, № 5, с. 179; Пигарев К. В. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962, с. 49.

³ Добролюбов Н. А. Собр. соч., 1964, т. IX, с. 113.

ме к О. С. Чернышевской от 21 июля 1876 г., написав несколько страниц, замечает: «...видишь, почерк стал хуже, чем на первой странице»¹.

Почерк человека до и после тяжелых физических упражнений будет во многих деталях различен.

Точно так же имеют некоторое отличие тексты, написанные для себя или же рассчитанные на других². В первом случае текст обычно более небрежен, с сокращениями, недописанными словами и т. д. Более того, запись для себя различна в зависимости от того, цитата ли перед нами или оригинальный текст. Выписывая цитату, мы всегда будем более тщательны, в то время как творческий набросок отрывистее, небрежнее — носит все следы неосуществимой попытки угнаться за мыслью.

Если рукопись после длительной записи прервана и на какое-то время отложена, продолжение ее отдохнувшей рукой видно на рукописи совершенно отчетливо.

Переписывая текст набело даже для себя, мы пишем иначе, быстрее, чем в черновике. Документ, предназначенный для других, мы стараемся сделать более аккуратным, чем то, что заведомо должно остаться у себя, например официальное заявление, в котором медленный почерк выведен настолько, что иногда в нем сглаживаются индивидуальные особенности, и письмо начинает походить на упражнение в каллиграфии. Любопытно наблюдение А. Бенуа, что на иностранном языке мы обычно пишем четче, чем на родном³.

Почерк изменяется в зависимости от орудия письма. Карандаш, особенно мягкий, вызывает утолщение линий, отсюда менее отчетливый рисунок отдельных букв. В карандашном письме очертания по сравнению с пером становятся более приблизительными.

Каждый часто и много пишущий привыкает к своему перу и, вынужденный почему-либо писать другим, изменяет почерк, иногда довольно значительно.

Итак, у каждого данного лица существует не один почерк, а лишь общий тип его, практически осуществляемый в разных вариантах. Их у каждого человека с выработанными письменными навыками не менее двух — назовем их условно черновым и беловым почерками.

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., М., 1949, т. XIV, с. 663.

² Шицгал А. Г. Русский гражданский шрифт. 1708—1958. М., 1959, с. 64

³ Бенуа А. Н. Мои воспоминания... М., 1980, кн. 1—3, с. 388.

Советская текстология от неосмысленного чтения отдельных слов рукописи перешла к принципиально иному методу — анализу целого: слова должны прочитываться не изолированно, а в контексте, «на основании понимания всего целого», анализа творческого замысла и творческого процесса писателя¹.

При таком понимании существенно рационализируется и самый процесс трудоемкого чтения рукописей. Становятся возможными новые прочтения.

Обучение письму в XVIII—XIX вв. происходило либо дома, либо в школе, и в том и в другом случае учителя пользовались одними и теми же прописями, использовали одни и те же методические указания. Согласно инструкции министерства народного просвещения «цель обучения чистописанию должна состоять в том, чтобы дать ученикам возможность приобрести вместе с правильными буквенными формами четкий и беглый почерк, который навсегда сохранял бы вышеозначенные свойства у обучавшегося»². Эта формулировка в общем верна.

Впрочем, «вышеозначенные» свойства, как уже было сказано, далеко не всегда оказывались устойчивыми и прочными. Зато несомненно другое — выработанный почерк приобретает черты, которые позволяют писателям и исследователям, отнюдь не переходя на более чем зыбкую почву графологии, характеризовать почерки с точки зрения их национальных, психологических и иных качеств.

Следует иметь в виду, что почерк представляет собою важное и сложное явление культуры. «В изменении характера почерка определенное значение имеет своеобразная эстетика письма, как-то соотносящаяся с общеэстетическими тенденциями эпохи. Формулировать ее конкретные особенности в современном русском письме — задача будущих исследователей. Но стоит сравнить почерки старого времени (скажем, XVIII в.) с современными, чтобы ясно ощутить общую направленность эволюции. Наш теперешний почерк стал более рационален

¹ Бонди С. М. О чтении рукописей Пушкина. Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук, 1937, № 2—3, с. 570; его же. Черновики Пушкина. 2-е изд. М., 1978; Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959, с. 326 и сл.

² Евсеев И. Е. Краткий очерк обучения чистописанию в наших училищах. — «Русская школа», 1894, № 3, с. 21.

и экономен. Дукт большинства букв стал целенаправленнее и проще... Современный почерк, при своем бесконечном разнообразии стремится избежать элементов украшения и излишеств»¹. Показательно, что мы можем уже с первого взгляда более или менее точно определить время, к которому данная рукопись относится. Мы легко определяем так называемые «несегодняшние» почерки. Вообще социологическое массовое изучение почерков сулит очень плодотворные результаты и интересные выводы: оно до сих пор не проведено. Дело в том, что при бесконечной вариативности почерков на самом деле в каждую эпоху в почерке содержится довольно много черт сходства: графема, т. е., по определению лингвистики, «основная структурная единица, входящая в систему письменного варианта данного языка»², в действительности относительно устойчива. Можно сделать интереснейшие выводы, сравнив, например, графику многочисленных списков «Горя от ума» — большинство их изготовлено в сравнительно ограниченный период времени — 1823—1833 гг., т. е. до выхода первого, искаленного цензурой издания. Ряд копий, очевидно, восходит к своеобразным скрипториям тех лет — к канцелярии А. А. Жандра и к квартире А. И. Одоевского (весна 1825 г.)³. Другие такие светские (не монастырские) скриптории для русской письменности нового времени неизвестны.

Пока, во всяком случае, остается в силе утверждение французского историка Марка Блоха, что «история письма поразительно отстает от истории языка»⁴. В самом деле, форма письма консервативна и изменяется медленнее хода общественных явлений.

Почерк и характер. Графология. Графология в современном ее состоянии — доходная статья буржуазного бизнеса: выпускаются книги, создаются специальные объединения, созываются конференции. Но главный доход — ответы и советы легковверным, а их совсем не так мало. «Не доверяйте этому человеку — он непостоя-

¹ Рейсер С. А. Палеография текстов нового времени. — В сб.: Текстология славянских литератур. Л., 1973, с. 109.

² Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 117.

³ Рейсер С. А. Палеография текстов нового времени, с. 111.

⁴ Марк Блох. Апология истории. М., 1973, с. 114.

нен», — сообщается девушке, которая интересуется душевными качествами ее жениха, «деловой человек, с которым можно заключать сделку», «коварен и легкомыслен» и т. д. За эти советы графолог получает немалую мзду, но не несет за них никакой ответственности, тем более, что по теории вероятности в каком-то количестве случаев его советы, данные в весьма обтекаемой форме, окажутся соответствующими действительности.

Но как бы твердо и уверенно мы не отрицали лжеосновы современной графологии, мы не решимся в принципе не признать наличие каких-то связей почерка и характера; но дело в том, что они остаются пока совершенно не распознанными¹.

Писатели решаются порою на некоторые психологические характеристики исходя из почерка. В развернутом виде такая связь декларирована в недавно опубликованном письме В. Г. Короленко к Л. Умыруко-Запольской, относящемся к 1917 г. В ответ на жалобы адресанта («тоска жизни») писатель ответил, что он начал понимать психологию автора по почерку. Письмо «трудное, потому что вы затруднили, как будто нарочно, его понимание: чего проще буква «о». Простой кружок. Эту букву можно сразу узнать в самых неразборчивых рукописях. Но вы ее пишете не как все, а вот как <рисунок буквы.— С. Р.>. Вот точная копия вашего отчества, как вы его написали <«Борисовна» искаженными буквами.— С. Р.>. У меня вышло все-таки более понятно. У вас «р» и «о» вышли совершенно одинаковы, а порой совершенно так же написано и «к»... И мне приходит в голову: не так ли же вы усложняете свои отношения к людям — из простого и легкого делаете сложное и трудное. В старости почерк меняется, но вот я, старик, пишу вам разборчиво и внятно»².

Ряд очень острых и наблюдательных характеристик почерков Чаадаева, Вяземского, Гоголя, Тютчева, Пушкина и его лицейских друзей — Корфа и Кюхельбекера находим в записных книжках и опубликованных при жизни произведениях Ю. Тынянова³.

¹ О принципиальной несостоятельности графологии как науки см. книгу: *H. Callewaert. Graphologie et physiologie de l'écriture. Deuxième édition. Louvain—Paris, 1962.*

² Публикация *Храбровицкого А. В.* — Вечерняя Москва, 1964, 8 февраля, № 33 (12235), с. 3.

³ *Чудакова М. О. Беседы об архивах.* 2-е изд. М., 1980, с. 77—78.

Все это могло бы звучать как предел субъективных домыслов, если бы не было освящено авторитетом Пушкина: «Я старался по почерку угадать расположение духа, в котором писано было письмо; наконец решился его распечатать и с первых строк увидел, что все дело пошло к черту» («Капитанская дочка», гл. V; Петр Гринев о письме отца).

К совсем другой категории признаков относятся наблюдения, которым мы не сможем отказать в правоте, читая, например, что объявление фашистов было написано «чужим, не русским почерком» (Караев Г., Успенский Л. 60 параллель, ч. III, гл. LX). Дело в том, что дукт в каждом языке имеет свои специфические особенности: отсюда и внешние национальные черты почерка.

«Почерк был незнакомый и из нещегоольских, каким пишут на Руси грамотные самоучки» (Лесков Н. Павлин, гл. IV).

А у Надежды Николаевны из одноименного рассказа Гаршина был, наоборот, щегольский, крупный почерк. У купца Щербнева в «Свадьбе Кречинского» Сухово-Кобылина почерк «хамский» (действие II, явление 7).

В «Истории села Горюхина» Пушкин сообщает, что один из источников его повествования — старинный календарь, писанный «разными почерками, большею частью так называемым *лавочничьим* <курсив Пушкина.— С. Р.> с титлами и без титлов, вообще плодовито, несвязно и без соблюдения правописания. Кой-где заметна женская рука.

Иногда мы различаем и возраст пишущего.

У студента третьего курса университета, 19-летнего князя Нехлюдова была еще неустановившаяся ребяческая рука (Л. Толстой, Утро помещика, 1856). «Записал старушечьим почерком», — читаем у Ильфа и Петрова («Двенадцать стульев», гл. I).

Далее — уже не возрастные, а половые различия.

В. Лидин описывает подаренные ему «две книги Барбюса с надписью мелким, почти женским почерком» (гл. VI, «Люди и встречи». М., 1957, с. 116).

Вспомним, что Софи, желая помочь Трэдлсу в «Дэвиде Копперфилде» Диккенса, научилась писать не своим обычным женским, а подходящим для деловых бумаг мужским почерком (гл. LXI).

С. Щипачев в статье «Письма без марок» пишет: «Женский почерк неустойчивый, полудетский. Муж-

ской — твердый, отработанный, со щеголеватыми заглавными буквами» (Москва, 1957, № 9, с. 139).

Многолетний опыт следователя позволил Л. Шейнину написать: «Записка, написанная карандашом на клочке бумаги тем полудетским, косым и разгонистым почерком, каким пишут обычно молодые неработающие женщины» (Генеральша Апостолова — в кн.: Старый знакомый. М., 1957, с. 44).

Иные писатели идут еще дальше. «Почерк решительный», — замечает В. Каверин (Поиски и надежды. — Литературная Москва. М., 1956, кн. II, с. 45)¹.

«Связно-красивый, поэтически-безалаберный и кидаящийся с пятого этажа» почерк Фета отметил Тургенев в письме к нему 15 (27) февраля 1860 г. (И. С. Тургенев. ПССиП, Письма, т. IV, 1962, с. 36).

Записка Николая Левина к брату Константину была написана «родным» почерком, а почерк последней записки Вронского, уже разлюбившего Анну, стал «небрежный» (Л. Н. Толстой. Анна Каренина, ч. I, гл. VIII; ч. VI, гл. XXXI).

«Ты вот шибко образованный... каждую букву с кудряшками-завитушками выписываешь», — говорит Разметнов колхозному счетоводу, казаку из бывших полковых писарей (М. Шолохов. Поднятая целина, кн. 2, гл. IX).

Не пытаясь исчерпать все разнообразие характеристик, напомним еще, что почерк у Л. Н. Толстого проволочный, крупный (Н. Кузьмин. Круг царя Соломона. М., 1964, с. 108). Н. Я. Эйдельман неоднократно дает характеристики различных почерков: он знает «свободный», «архаический» и «замысловатый» почерки екатерининского времени², невеселый, где «уныло, потерянно лепились друг к другу слова, а строки двигались обреченно, как роты, потерпевшие поражение. Строки наступали» (В. Амлинский. Разговор с «нигилистом». Литературная газета, 1961, 1 июля, № 78 (4357), с. 4).

Вспомним, как разнообразны почерки героев Роже Мартен дю Гара в «Семье Тибо». Здесь и крупный и твердый почерк Даниеля Фонтанена (ч. I, гл. VI), и крестьянский почерк, размашистый, нечеткий и неряшливый в письме Жака Тибо (ч. II, гл. I), и почерк, ко-

¹ Решительный почерк Ирины отметил Тургенев в «Дыме».

² Эйдельман Н. Я. Лунин. М., 1970, с. 7, 115.

торый не забывается, самого Жака — «нервный, до крайности упрощенный и все же правильный, решительный» (ч. V, гл. IV).

Мариэтта Шагинян в мемуарах «Человек и время» характеризует почерк Д. Мережковского как неприятно-инфантильный. С. Городецкий характеризует почерк композитора А. К. Лядова, как «скрытный» (С. Городецкий. Русские портреты. Воспоминания о Блоке, Есенине, Лядове, М., 1978, с. 44). В. Набоков почерк своего деда назовет «вопящим» (Другие берега, 1978, с. 55). Чехов в рассказе «Огни» (1888) знает даже «мечтательный» почерк (ПСС и П. Соч., 1977, т. VII, с. 114).

Эти примеры являются пределом характерологической оценки почерка. Порою им нельзя отказать в некоторой меткости, порою они кажутся произвольными и необязательными. Такие наблюдения можно приводить без конца: признать же за ними даже минимальную научную обоснованность невозможно.

2. Русская графика

Дукт. Дуктом называется последовательность и направление в написании составляющих букву линий. Дукт может не быть постоянным для данной буквы у одного и того же лица в пределах даже нескольких строк одного письма: он изменяется и определяется зависимостью от следующей буквы, принаравливаясь к ней так, чтобы их связь (лигатура) была наиболее удобна и экономна. Этими принципами экономии и удобства (в идеале) диктуется написание каждой буквы. Надо, однако, учитывать и случайность написания буквы.

Чем чаще начинают писать — тем скорее надо написать, чтобы успеть написать побольше. Стало быть, для лучшей производительности писать надо наиболее простыми по рисунку линиями: ими напишешь больше чем за то же время усложненными написаниями букв. Позволить себе писать с «закорючками» и другими «излишествами» становится невозможным. Усложняющийся и ускоряющийся темп жизни считает их недопустимой роскошью и явочным порядком определяет упрощенный рисунок письма.

Естественно предположить, что наиболее экономен тот способ письма, при котором буква пишется одним

движением руки, без отрыва ее от бумаги и без прохождения дважды по написанной уже части литеры. Однако иногда бывает легче написать букву в два приема (так «ѣ» в старой орфографии), а некоторые буквы (например «Х») пишутся двухчастью (или даже трехчастью, например, «Ж»). А в старом наклонном двунажимном письме были буквы, которые (по рекомендации соответствующих пособий) писались в четыре, пять или даже в шесть «темпов»¹.

Просматривая различные прописи и руководства по письму, убеждаешься в том, что учащемуся рекомендовался порою не самый практичный способ письма. При принятой в течение многих десятилетий методике, когда в основе письма лежала контрастность (т. е. двунажимность — она технически возможна при гусином и металлическом пере, но неосуществима при узаконенной ныне с первого класса шариковой ручке), повторный ход по уже написанному был неизбежен. Например, строчное «а» осуществлялось сначала в виде яйцевидного овала, ходом руки справа налево, сверху вниз (правая сторона при этом была едва намечена волосной линией); потом рука отрывалась, и написание буквы заканчивалось более толстой линией, идущей по волосной и переходящей в полукруг слева направо. Таким образом, написание буквы осуществлялось, как правило, в два приема с неизбежным отрывом руки, хотя бы и на самой небольшой площади в 1—2 кв. мм. Прописное «Б» тоже писалось в два приема: сначала прямой линией с переходом ее внизу слева направо в заверченный круг или, точнее, петлю, потом рука отрывалась, чтобы, сверху начав полукругом справа налево, провести прямую линию влево.

Нужно помнить, что в русской (как и иной) графике существуют варианты написания некоторых букв. У большинства пишущих они сосуществуют, и та или иная форма нередко зависит от следующей (а иногда и предыдущей) буквы. При этом бессознательно, но прочно вырабатываются навыки — какой способ лигатуры «сподручнее» в том или ином сочетании — речь идет, например, о различных типах верхних и нижних выносных: «д», «з», «т» и «т». В связном почерке дукт

¹ См., например, *Ходоровский В.* Курс скорописания... СПб., 1846.

обычно сложнее, чем у пишущего отдельными буквами. Хотя время, затрачиваемое при письме связно, несколько меньше, чем при написании того же слова отдельно, разница в доли секунды при писании, скажем, несколько часов может составить относительно большое время. Но четкость письма при этом выигрывает.

Беглое, скорописное письмо ученика, овладевшего прописью, в процессе бессознательной выработки индивидуального почерка сводится к преодолению предписанных норм, чаще всего в сторону их упрощения. Только письмо писаря сохраняло навсегда методику прописей — это определяло безликость этого почерка, но зато обеспечивало его четкость, возможность беглого чтения написанного текста. А индивидуальный почерк всегда более или менее затруден.

Современное обычное письмо составляет (по отношению к прямой горизонтальной линии строки бумаги) прямой угол (90°) или гораздо чаще наклонено вправо (до $100\text{--}125^\circ$) — так называемое правонаклонное (декстрастрофическое) письмо. Наклон менее 90° (нередко у левши) считается нарушением нормы — так называемое левонаклонное (синистрастрофическое) письмо — оно встречается относительно редко. Совершенно особой своеобразностью отличался почерк П. Я. Чаадаева. После 1831 г. почерк его стал «совершенно прямой, очень скупой на закругления и на тонкие линии, особого рода «полуустав» с некоторым наклоном к готическому письму средневековья, по впечатлениям иных напоминающий даже и клинообразное письмо»¹.

Прописи современной школы в этом смысле сделали большой шаг вперед: они отвергли пресловутую, многими десятилетиями освященную двунажимность и все те элементы письма, которые в быту давно приобрели наименование «завитков» или «завитушек». Стоит сравнить общий рисунок письма в прописях прошлого века, например, у наиболее популярных методистов, таких, как В. С. Гербач, Ф. В. Греков, В. П. Вахтеров, с нынешними, и прогресс станет очевиден. Наши современные руководства рекомендуют письмо, лишенное «украшательства». Другое дело, что и в этом случае индивидуальный почерк школьника постепенно приобретает те

¹ Чаадаев П. Я. Три письма. С введением и комментариями Д. Шаховского. — Звенья. М.—Л., 1935, вып. 5, с. 209.

или иные новые черты. Широчайшее распространение пишущей машинки, прочно вошедшей в быт и ставшей принадлежностью домашнего обихода, далеко не только для работ творческого характера, но и для личной переписки и других надобностей, существенно облегчает этот процесс общения¹.

Из истории русской графики. В русской и зарубежной литературе история древней и средневековой письменности изучена достаточно глубоко и подробно. В частности, прослежено не только возникновение современной письменности, но исследованы связи и традиции различных видов письма.

Ничего подобного относительно русской послепетровской письменности еще не сделано. Нет не только предварительных сводок, но и частных исследований по отдельным периодам или по отдельным типам новой русской письменности. В самой минимальной степени обследована индивидуальная манера письма того или иного деятеля; сделано это, в основном, текстологами, в связи с их специальными задачами.

Изучая поистине необозримый по количеству палеографический материал, необходимо прежде всего иметь в виду, что когда мы будем говорить о том или другом типе почерка, то будем иметь в виду не более, чем некий общий тип (пошиб) письма, т. е. такие его признаки, которые достаточны для объединения ряда индивидуально несхожих почерков в одну группу, но тем не менее всегда какими-то чертами не укладывающимися в общую характеристику. Следует не забывать очень тонкое замечание О. А. Добиаш-Рождественской: «...читатель должен помнить, что законы палеографии не выражаются «безусловно», «всегда» и «никогда», но «преимущественно» и «большею частью»². В высшей степени уместен и термин «случайность»³.

Эволюция каждого типа почерка происходит, как правило, в массе населения, обращающегося к письму вследствие своих ежедневных надобностей — потребностей торгового и иного общения, службы, творчества

¹ Удачный «Краткий терминологический словарь форм букв» помещен в книге: Малов В. Н. Происхождение современного письма. М., 1975, с. 138.

² Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века. М., с. 134.

³ Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 20.

и т. д. Затем, когда данный почерк «устанавливается», он «узаконивается» школьными прописями и, вероятно, влияет на рисунок шрифта: имеет ли место обратный процесс — вопрос спорный¹. Вероятно, прописи идут в арьергарде, а не в авангарде развития нового вида письма. Следует при этом учитывать, что русская послепетровская графика не знала вмешательства властей в тот или иной тип письма, как это имело место, например, во Франции XVII в.²

В каждую данную эпоху вырабатывается то, что можно назвать стереотипом письма в его наиболее часто встречающихся написаниях: образуются привычные начальные, срединные и особенно конечные графически сходные написания. Они, конечно, со временем будут зафиксированы и обобщены в работах исследователей³. Здесь, очевидно, можно будет соблюсти действие принципа частотности тех или иных сочетаний, подобно тому как расположение букв в ручной типографской кассе или в клавиатуре пишущей машинки основано как раз на этих частотных сочетаниях. Происходит то, о чем очень точно писала Марина Цветаева в письме к Н. П. Гронскому в августе 1928 г.: «...у вас единица начертания не буква, а слово, одно сплошное слово»⁴.

Дело в том, что редко встречающееся пишется «труднее», т. е. медленнее (стереотип не выработан), а потому и разборчивее. Мы ни на мгновение не задумываясь напишем: «Сергей Александрович», даже если мы пропустим какую-либо букву, написание будет понятно, но в ином темпе, медленнее и внимательнее напишем «Белатриан Фрументиевич». Пропуск даже буквы здесь недопустим. Легче написать привычное «диссертация», чем равное по количеству букв слово «физостигмин».

Все это позволяет усвоить довольно устойчивый «шаблон» почерка эпохи. Архивист почти сразу может примерно определить (с точностью до четверти века) время написания документа⁵.

¹ См. изложение теории Ж. Маллона в книге: *Люблинская А. Д. Латинская палеография*. М., 1969, с. 54 и след.

² Там же, с. 156—157, 160.

³ Одной из первых попыток этого рода следует считать книгу: *Ланцман Р. М. Кибернетика и криминалистическая экспертиза почерка*. М., 1968.

⁴ *Нсвый мир*, 1969, № 4, с. 202.

⁵ В структуральной лингвистике сделана удачная попытка дать систематизированное описание письменных знаков «по порождению

Было бы очень полезно, если бы советские неографы (совместно с текстологами) создали альбомы-репертуары наиболее частых в наше время лигатурных сочетаний. Такие пособия — привычное явление для исследователя, занимающегося древнерусской палеографией¹.

В области чтения новых текстов существует лишь несколько устарелых книжек, рассчитанных на малограмотного, начинающего учиться, для приобретения им некоторых навыков в беглом чтении рукописей²; речь же должна идти о научном издании различных типичных почерков современной скорописи, пригодных для использования в редакционно-текстологической работе. В рабочем порядке очень полезно составлять и аналогичные альбомы по отдельным писателям — чрезвычайно важное пособие при подготовке к печати его литературного наследия. Начиная изучение рукописей, текстологу следует составлять таблицы написаний писателем букв, а особенно конечных написаний, нередко отличных от срединных и имеющих склонность в быстром письме переходить в росчерк.

рангов». Для палеографа особенный интерес представляют соображения о сопоставлении типов букв. См.: *Волоцкая З. М., Молошная Т. Н., Николаева Т. М.* Опыт описания русского языка в его письменной форме. М., 1964, с. 12—26.

¹ Напомню для примера такие книги: *Беляев И. С.* Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV—XVIII столетия. М., 1892; *Азбука и скоропись XVII века для наглядного изучения.* М., 1875; *Самоучитель чтения рукописей XVII столетия.* М., 1892; *Гадзяцкий С. С.* Учебное пособие для практических занятий по палеографии. М., 1940; *Учебный палеографический альбом...* М., 1940; *Палеографический альбом. Учебный сборник снимков с рукописей русских документов XIII—XVIII вв.* Сост. В. А. Петрова/под ред. С. Н. Валка. Л., 1968; *Христенко Г. А.* Палеографический альбом. Чита, 1973.

² См.: *Федоров И. С.* Сборник для чтения рукописного. М., 1879, *Овчинников М.* Тетрадь для упражнений в чтении рукописей. Нижний Новгород, 1882; *Андряшев А.* Книга для чтения рукописного. 5-е изд. Киев, 1885; *Золотов В.* Сборник для упражнения в чтении рукописного. СПб., 15 изданий за 1876—1900 гг.; *Лебедев Н.* Чтение рукописного. Хрестоматия для упражнений в чтении рукописей различных почерков. 3-е изд. Рига, 1910; *Тихомиров Д. К.* Сборник статей для упражнения в чтении рукописей разных почерков. 9-е изд. М., 1912; *Подоба Ф. Г.* Русская литературная хрестоматия для упражнений в чтении рукописей различных почерков в народных, городских и сельских училищах. 25 изданий за 1878—1915 гг. (наиболее серьезная из книг подобного рода).

Далеко не в полной мере такого рода вспомогательные данные собраны при чтении рукописей В. И. Ленина¹.

Не будет ошибкой предположить, что, несмотря на поголовную грамотность, в наши дни скорописные написания устойчивее, чем в старинной скорописи, и число вариантов написания той или другой буквы не столь уж значительно, как это может вначале показаться.

Если палеография древнего и средневекового периода идет путем индукции, то для нового периода поневоле приходится прибегать к дедуктивному методу изложения: слишком велик объем накопленного материала.

Историко-культурные традиции нового русского письма уходят своими корнями в глубокую древность, но в первом приближении могут быть сведены к нескольким группам.

Древняя манера медленного выписывания, выведения или даже вырисовывания букв не устраивала новое время². Темп жизни ускорился и усложнился, значительно усилились международные отношения, расширились торговые и культурные связи между странами и внутри страны, грамотность стала достоянием несравненно большего круга лиц: за XVIII, XIX и XX вв. к письму прибегало во много тысяч раз больше людей, чем за все предыдущие века, а письменных документов сохранилось на миллионы больше, чем за всю прошлую историю человечества³.

Если устав и полуустав ориентировались на прямые линии, то ускорение скорописи достигалось округлением и слитностью букв. В скорописи происходит упрощение устава и полуустава, как, скажем, в иератическом письме древних египтян — упрощение иероглифов.

¹ Берман А. Б. Техника письма В. И. Ленина и ленинские сокращения слов. — Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка, 1957, т. XVI, вып. 6, с. 535—539; Пересветов Р. Возвращение одного архива. — Знамя, 1963, № 4, с. 185; О некоторых индивидуальных написаниях В. И. Ленина см.: Шагинян М. С. В библиотеке Британского музея. — Октябрь, 1968, № 3, с. 175.

² Для современного письма можно примерно исходить из таких цифр: медленное письмо — 30—35 букв в минуту, ускоренное — 50, скорое — 100 и очень скорое письмо — 120—150 букв в минуту. Ср.: Писаревский Д. А. Обучение письму. 2-е изд., М., 1938, с. 118.

³ Ср.: Королева И. Г., Панфилова А. Г. Из истории графики XVIII в. Труды Московского государственного историко-архивного института, 1957, вып. 10, с. 408—411.

П. Н. Берков напомнил, что вопреки обычному представлению реформа Петра I в 1708 г. касалась только шрифта, т. е. была ориентирована лишь на печатные издания. Рукописные же начертания декретировать было невозможно и они долго еще оставались прежними. Тем не менее ориентированная прежде всего на современную Петру I гражданскую (не церковную!) скоропись Москвы и отчасти на так называемую латинскую антикву (возникший в эпоху Возрождения особый рисунок латинского шрифта)¹ новая азбука вызвала к жизни и новую, опиравшуюся на нее скоропись. Следует иметь в виду, что ручное письмо всегда отличалось и отличается от рисунка печатных литер и мало им подражает. Так было и в этом случае, однако традиции церковнославянского письма были чрезвычайно живучи. Поэтому рождение нового типа скорописи протекало медленно. Но все же старые написания были обречены. Начал выработываться новый почерк. Первые прописи, фиксировавшие относительное завершение этого процесса, относятся к 1771 г. Этот, по существу, гибридный почерк учитывал новый шрифт, с одной стороны, и, с другой стороны, бытовавшие на Руси два основных типа письма. П. Н. Берков называет их «обычная» и «парадная» скоропись. «Обычная», по мнению исследователя, отмерла, а парадная легла в основу нового письма.

При этом следует учитывать, что имеющая значение для старинного письма экономия пергамена или бумаги в новое время не имеет (или почти не имеет) значения. В наше время даже простое письмо часто пишется только с одной стороны листа, титлы, контракции и т. п. почти не применяются.

Почерк каждого человека являет значительное число индивидуальных отступлений от той школьной нормы, которой он был обучен. Поэтому для представления о типе почерка удобно воспользоваться прописями, в которых этот тип воспроизведен, так сказать, в типизированном, «среднем» виде. По прописям в школах обучаются и поныне. С XVIII в. и до наших дней прописей

¹ *Шицгал А. Г.* Русский гражданский шрифт. 1708—1958, с. 68 (с. 266—272 — библиография вопроса); *Черников Я., Соболев Н.* Построение шрифтов. М., 1958. Московская скоропись этого времени уже была отлична от старославянского письма. См. также: *Люблинский В. С.* К пониманию генезиса гражданского письма. ТОДРЛ, 1961, т. XVII, с. 520—527.

издано огромными тиражами много сотен, самого разнообразного читательского назначения.

Задача всякой прописи — по возможности стандартизировать почерк, во всяком случае, свести его к какому-то единообразному типу. Такой тип выработать обычно удастся. Прописи, так сказать, — идеальная форма почерка данной эпохи. Можно сказать, что мера нарушения (отхода) индивидуального письма от принятой прописи и есть почерк.

Прописи исторически изменчивы, соответственно исторически изменчив и почерк. Сравнительно с прописями в почерке (особенно в скорописи, в буквальном значении этого слова) мы видим ряд упрощений. Сливаются в написании заглавные и строчные буквы, появляются индивидуальные (стенографического типа) лигатуры, особенно в конечной части слова, вырабатываются дублетные написания букв, которые употребляются в зависимости от того, какое в данной ситуации (по ходу письма) поддается более легкому написанию в связи с другими предшествующими и последующими буквами (дукт). Все определяется стремлением ускорения процесса письма.

Процесс обучения письму в XVIII и в первой половине XIX в. по прописям был длительным и трудоемким. Все руководства неукоснительно требовали полного выполнения всех предписанных линий. Особенное внимание обращалось на угол наклона письма, на его дукт и на соблюдение чередования волосных (ненажимных) и твердых (нажимных) линий.

В XVIII в. издавалось очень много прописей (под разными заглавиями: «Пропись...», «Руководство для...», «Наставления...», «Азбука...», «Букварь...», «Чистописание...» и т. д.). В известном «Опыте российской библиографии...» В. С. Сопикова до конца первого десятилетия XIX в. указано более пятидесяти руководств подобного рода. Из этого перечня в наиболее полном в СССР собрании книг XVIII в. в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде сохранилось не более десяти — пятнадцати. Составитель многих — Ф. И. Янкович де Мириево.

Всевозможные прописи издавались огромными для того времени тиражами. Так «Руководство к чистописанию для юношества в народных училищах Российской империи, изданное по высочайшему повелению царству-

ющей императрицы Екатерины II» (СПб., 1782), считая и переиздания, вышло тиражом более 60 000 экземпляров! (Н. И. Новиков перепечатал это издание, но оно было конфисковано). Семью изданиями вышли «Прописи, расположенные по правилам «Руководства к чистописанию...». К этим двум пособиям надо добавить еще «Прописи, показывающие красоту российского письма» (М., изд. С. Селивановского конца XVIII в.) и «Руководство к чистописанию для юношества в народных училищах» (СПб., 1787) — они демонстрируют более архаичный тип прямого, отчасти даже квадратного письма. Никаких «излишеств» в этом деловом письме не было, если не считать небольших орнаментаций заглавных букв и росчерков после «Ъ» и «Ь» в конце фразы¹.

Просмотр всех этих пособий убеждает нас в том, что в общем сколько-нибудь значительного разнообразия рекомендуемых типов письма не было. Шла борьба за внедрение прежде всего разборчивого типа скорописи в его прямой или косой модификации. Это было основное требование развивающейся бюрократической системы². Экономия времени при этом не рассматривалась: течение делопроизводства шло в очень замедленном темпе. В полукланном типе курсивного письма выдержаны руководства регистратора коллегии иностранных дел Александра Максимовича Рыкова («Руководство, ведущее к удобному изучению российского чистописания». СПб., 1782 и «Прописи российские...». СПб., 1789). А Иван Розонов вырезанные им (конечно, на основании длительного опыта) образцы озаглавил: «Российские прописи, служащие к изучению почеркистого письма» (М., 1787) — под этим (более не повторявшимся неологизмом) понимался, как можно думать, именно четкий, наиболее удобный для чтения почерк, он приближался к прямому.

¹ Наиболее архаична «Пропись, показывающая основание, совершенство и красоту российских букв и слогов, в пользу любящего краснописание юношества. Напечатана в морском шляхетном кадетском корпусе» (СПб., не ранее 1769 г.). Ср.: *Lublinsky W. Über russische Schreibmeister Vorlagen. «Zentralblatt für Bibliothekwesen», 1957, September—October. Heft V. S., 374—377.*

² Вполне возможно, что в это время в России существовали и так называемые типы областного письма (например, северного, сибирского, южного и т. д.); современное состояние неогрфии не дает еще возможности их не только дифференцировать, но и просто установить и дифференцировать.

Другое, более раннее руководство иначе обозначает два основных типа почерка. Оно дифференцирует их по целевому назначению. Об этом говорит изданная в Петербурге в 1779 г. «Новая азбука, способствующая к научению юношества чистому письму двух почерков, то есть академического, или косвенного, и канцелярского, или круглого, с приобщением нужных наставлений для детей». Значит, деловые потребности удовлетворялись письмом округленного типа, оно было продуктивнее, в то время как традиционным, исконным и основным все еще считалось старое, почти квадратное письмо. Точно так же «Азбука российского чистописания, расположенная на французский манер» (1789) и «Пропись, показывающая красоту российского письма, изданная в Москве иждивением Х. Ридигера и Хр. Клаудия» (1796) дают образцы, слегка наклонные и округлые, но без дифференциации их целевого назначения.

«Косвенный» почерк представлял собою несколько наклонный, а канцелярский — более прямой и, можно думать, немного более трудный. Оба типа допускали варианты некоторых букв — б, в, г и др. В этом наблюдается вообще сравнительно большая свобода. Названный выше Иван Розонов в пособии «Азбука российского чистописания, расположенная на французский манер» (М., 1789) допускает три варианта «б», четыре варианта «д», пять вариантов «р», и даже шесть вариантов «к»: «французский манер» заключается в несколько большем наклоне курсивной скорописи¹.

К сказанному следует добавить, что составители прописей русского гражданского шрифта едва ли ощущали себя новаторами: они были связаны с предшествующей эпохой, с традициями старославянских начертаний, а отчасти — с традициями западноевропейского (прежде всего латинского) письма. Эстетические идеалы, хотя и провозглашались («красота российского письма»), но не были еще осознаны, выработаны и имели, в сущности, подчиненное (порою декларативное) значение.

Вообще же круглое, слегка наклонное, двунажимное письмо получило в России полное право гражданства приблизительно во втором десятилетии XIX в. (см. про-

¹ В начале века в России были в ходу французские прописи. Есеев И. Краткий очерк обучения чистописанию в наших училищах, с. 14.

писи А. Максютин «Примеры российского чистописания». М., 1816, или Е. Кудрякова «Почерк российского чистописания». М., 1827).

Насколько медленно укоренялся в быту новый почерк, можно судить по тому, что А. А., автор довольно серьезного «Учебника русского чистописания» (СПб., 1844), в категорической форме утверждает, что вошедшая в употребление приблизительно при Екатерине II скоропись была еще старого типа: «Не прежде, как с начала нынешнего столетия, у нас начался новый почерк и постепенно шел к совершенству. Лет десять назад еще можно было найти людей, писавших почерком прошлого столетия, в котором они обучались этому искусству» (с. 12).

Большее или меньшее становление этого процесса подтверждается таким характерным фактом. В журнале «Москвитянин» за 1852 г. была напечатана рецензия на вышедшее пятым изданием пособие Виктора Половцева «Курс скорописи» (СПб., 1852). Рецензент отмечает возросшую потребность писать *четко, красиво, крупно, скоро* (курсив журнала). Половцев пропагандировал круглое письмо, принятое в присутственных местах и получившее название министерского. Его поддерживает и автор рецензии и называет близкие по тенденции другие руководства: Баранцевич М. Метода скорописания (М., 1845), Ходоровский В. Курс скорописания (СПб., 1846) — создавалось нечто близкое к традиции, а главное, признавалось общественное значение и важность самой проблемы¹. Не менее характерно, что и другая книга, ратовавшая, правда, за прямое письмо (Сидорович В. А. Самоучитель или Курс правильного и скорого чистописания... СПб., 1855), тоже вызвала сочувственную рецензию в «Отечественных записках»². В журнале «Учитель» (за 1861 и 1862 гг.), в статьях Я. Е. Мессера, в работах К. Д. Ушинского, И. И. Паульсона и других неоднократно оживленно обсуждались вопросы методики преподавания письма³. Все это стало характерным для 60-х годов XIX в.

¹ См.: Москвитянин, 1852, т. VI, № 23, отд. V, с. 95—101.

² Отечественные записки, 1855, т. 101, № 7, отд. IV, с. 43—44 без подписи.

³ Некоторые данные см.: Евсеев И. Е. Краткий очерк обучения чистописанию в наших училищах.

А каков был почерк «прошлого столетия», можно представить себе, обратившись к художественной литературе.

Когда Чичиков заключал купчую на мертвые души, «каждый из свидетелей поместил себя со всеми своими достоинствами и чинами, кто оборотными шрифтами, кто косяками, кто просто, чуть не вверх ногами, помещая такие буквы, каких даже и не видано было в русском алфавите» (Н. В. Гоголь. Мертвые души, т. I, гл. 7).

В городе уже перешли к модернизированному письму, а старики в провинции еще писали точно крупной славянской грамотой: букву «в» заменяли две перечеркнутые сверху и снизу палочки, а букву «к» — просто две вертикальные палочки; «писано без знаков препинания», — так Василий Тихонович писал письмо Петру Ивановичу Адуеву (Гончаров. Обыкновенная история, ч. I, гл. 2).

Старик Николай Болконский в начале XIX в. писал «крупным, продолговатым почерком, употребляя кое-где титлы» (Л. Н. Толстой. Война и мир, т. 2, ч. 2, гл. 8; ср. еще: т. 1, ч. 1, гл. 25). Впрочем, к титлам в середине века прибегал (в дневнике) и Добролюбов. В словах «который» («крый»), «месяц» («мц») и некоторых других мы, в сущности, и сейчас употребляем титлы (точнее сокращения).

В рассказе Тургенева бабушке важно было не то, что Бабурин пишет без орфографических ошибок, для нее «главное, чтоб четко было, да без этих прописных новых букв с хвостами», которых она не любила. Ей нравилось, что у Пунина «почерк... старозаветный, для нынешнего вкуса неприветный» (И. С. Тургенев. Пунин и Бабурин, гл. 1 и 2).

Поповский почерк, естественно, архаический, был тонкий и печатный, т. е. прямой, уставного типа¹.

Вероятно, и летопись города Осташкова, писанная «старинным поповским почерком», о которой упоминает В. А. Слепцов в «Письмах об Осташкове»², тоже относится к той же категории почерков: в обиходе священников он был устойчиво связан с постоянно употребляв-

¹ См.: Танеев В. И. Детство, юность, мысли о будущем, с. 322. Крупный и твердый почерк «вроде архиерейского» отметит Лесков в «Заячем ремизе» (глава 19).

² Слепцов В. А. Собр. соч. М., 1932, т. I, с. 454.

шимся ими церковнославянским письмом. Вообще прямое письмо дольше сохраняло очертания, близкие к этому языку.

Просмотр изданных в XVIII—XIX вв. пособий и использование историко-литературного материала позволяют думать, что в обиходе русской гражданской скорописи нового времени (примерно с первой четверти XIX в.) существовали три основных типа почерков¹.

Письмо готического типа часто фигурирует под названием немецкий почерк. Этому почерку свойственны прежде всего прямота и остроконечность. Кроме того, буквы (особенно прописные) отличаются декоративностью, затрудняющей чтение. Лесков в повести «Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева)» упоминает «письмо из Петербурга, написанное по-русски, но высоконемецким почерком» (гл. 25). Дело в том, что в обычном обиходе в русском и французском письме так называемый стан или мачта буквы составлял полторы ее ширины, а в немецком письме достигал трех, отсюда и обозначение — высокий, или иногда острый, почерк².

Вариантом готического является и фразтурный почерк, представляющий собой, как видно из названия, ломаный тип этого письма. Исторически он представляет собой попытку облегчения трудного написания строгой готики. В этом письме наряду с высокими и острыми параллельными линиями появляются круглые, а написание ряда букв приближается к эллипсу, декоративность уменьшена.

Этим письмом, возникшим примерно в начале XVI в., пользовались немцы, чехи, словаки, голландцы и шведы³. Оно было распространено вплоть до наших дней.

К готике восходит и более распространенный, так называемый английский почерк⁴. Чаше его называют

¹ Чрезвычайно важный анализ прописей, с точки зрения возникновения современной скорописи, содержится в цитированной статье П. Н. Беркова «О переходе скорописи...», с. 45—50.

² Станкевич Назар. Теория чистописания. СПб., 1908, с. 10.

³ Евсеев И. Е. Методика обучения чистописанию. 5-е изд. М., 1911, с. 117—118.

⁴ О возникновении и эволюции английского письма см.: Люблинская А. Д. Латинская палеография, с. 159—162: можно, по-видимому, нащупать связь этого письма (восходящего к XVI в.) с русским курсивом, который может быть прослежен в качестве более или менее распространенного не раньше конца XVIII в.

курсивным, его характерное отличие в округлении и наклоне. В нем мы видим больше всего элементов совпадения печатного и рукописного. В курсиве¹ была осуществлена тенденция служить ускорению темпа в виде связного письма, т. е. такого, при котором перо не отрывалось бы от бумаги в пределах данного слова. Курсив был обычно мельче другого почерка, и это помогало, сохраняя четкость, писать слитно. А. А. в названной выше книге сообщал (в 1844 г.), что «в настоящее время мы имеем порядочный запас прописей и очень хорошо обработанных по английскому стилю, но пишущие далеки от того совершенства, какое бы хотелось видеть» (с. 12). По характеристике В. А. Сидоровича (см. выше), английский почерк неудобен, ибо слишком продолговат и сжат. Незначительный наклон вправо также не устраивал Сидоровича, придерживавшегося правил прямого письма. Высота букв вдвое выше ширины, буквы, наклонены вправо на 55—60°. Это тоже способствует ускорению темпа письма. Так или иначе этот тип мелкого, почти прямого, более или менее круглого и всегда связного почерка был широко распространен и в России, и за границей. «Почерк адреса на обертке был английский», — сообщает Тургенев в повести «Вешние воды» (гл. 44, 1871). «Перо у титулярного советника Емельяна Ивановича — «чистый английский почерк», — не без зависти сообщает Макар Девушкин в письме В. А. Добролюбовой 3 августа (Достоевский. Бедные люди, 1846). Великолепно имитировавший почерки², князь Мышкин в «Идиоте» Достоевского (1869) поражает генерала Епанчина этим своим умением: «...ну, вот это простой,

¹ В печати он введен Альдом в 1501 г. (*Люблинский В. С.* На заре книгопечатания. Л., 1959, с. 96).

² Имитация почерков — талант совершенно особого рода. Известно, что превосходно «поддеывал» чужие почерки, особенно же архаические, вплоть до древнерусских, А. М. Ремизов (*Струмилин С. Г.* Из пережитого, 1897—1917. М., 1957, с. 144). Некоторые мемуаристы отмечают, что Чернышевский «умел писать несколькими почерками» (*Стахович С. Г.* Среди политических преступников... — В сб.: Н. Г. Чернышевский. 1828—1928. М., 1928, с. 110), то же о Добролюбове (История СССР, 1962, № 5, с. 162). Поэт-самоучка Б. И. Алябьев, который еще в 1913 г. писал «как-то особенно, старинному, как на древних грамотах, с крючками и загибами» (*Назаров И.* Встречи и письма. Владимир, 1957, с. 116), вероятно, намеренно стилизовал свой почерк. Умение имитировать чужие почерки использовал В. Д. Костомаров, предложивший III Отделению свои услуги для «обличения» Н. Г. Чернышевского.

обыкновенный и чистейший английский шрифт: дальше уж изящество не может идти, тут все прелесть, бисер, жемчуг; это закончено; но вот и вариация, и опять французская, я ее у одного французского путешествующего комми заимствовал: тот же английский шрифт, но черная линия капельку почернее и потолще, чем в английском, ан — пропорция света и нарушена: и заметьте тоже: овал изменен, капельку круглее и вдобавок позволен росчерк, а росчерк это наипаснейшая вещь» (ч. I, гл. III).

«Изящный мелкий, английский почерк» упоминает Стендаль в «Красном и черном» (ч. 2, гл. XIII). Архивариус Линдгорст в «Золотом горшке» Э. Т. А. Гофмана «едва взглянул на первый лист изящнейшего английского письма, образчик косоного почерка» (Вигилия 6-я). «Почерк — обыкновенный английский почерк без оттенков и завитушек», — пишет в наши дни Стефан Цвейг в рассказе «Борьба за Южный полюс» (Избранное. Киев, 1957, с. 613). Сомс Форсайт вспоминает то время, когда еще молодой Грэдмен «целые дни писал круглым канцелярским почерком» (Голсуорси Д. Сага о Форсайтах. Лебединая песня, ч. II, глава XII).

Почерк третьего типа получил название французского. Под этим обозначением скрываются, собственно говоря, три типа письма: «ронд», «куле» и «бастарда».

Эти почерки возникли опять-таки из готического, которым французы давно пользовались. Все эти три варианта стремились осуществить одну и ту же тенденцию — облегчить процесс письма.

В 1599 г. каллиграф Гильом Леганьер предложил методику округления. Его реформу по созданию типа «ронд» продолжил секретарь Людовика XIV Луи Барбедор и Гильом Ле Бе.

В 1763 г. к знаменитой энциклопедии Д'Аламбера¹ были приложены образцы круглого письма, еще раз усовершенствованные Пэласоном. Они и легли в основу французского почерка. В 70-х годах XIX в. он снова был доработан в Бонне Ф. Зонекеном. Для удобства было создано особое перо с тупым концом (№№ 10, 20 и др.).

¹ См.: *D'Alembert. Encyclopédie. Recueil de planches sur les sciences et les arts. 2e livraison en deux parties, t. 2. Paris, 1763, p. XIV—XVI.*

Этот тип письма прочно и надолго укоренился в немецкой практике¹.

«Куле» отличается тем, что перед нами почерк связанного типа; иногда его недоброжелательно характеризовали как изломанный и нестройный.

С конца XVII в. из сочетания «ронд» с курсивом возник «бастард», иногда этот почерк называют итальянским. «Бастард» во многом схож с «куле», но наклоннее его.

Князь Мышкин характеризовал французский шрифт так: «...это круглый крупный французский шрифт прошлого столетия, иные буквы даже иначе писались, шрифт площадной, шрифт публичных писцов, заимствованный с их образчиков (у меня был один), — согласитесь сами, что он не без достоинств. Взгляните на эти круглые d, a. Я перевел французский характер в русские буквы, что очень трудно, а вышло удачно» (Идиот, ч. I, гл. III).

Из всех вариантов на русской почве наибольшей популярностью пользовался «ронд», получивший наименование «круглого» шрифта².

Речь идет, вероятно, о том почерке, который с подробной психологической характеристикой описывает опять-таки князь Мышкин. Этот писарский, или, как он назван в романе, военно-писарский, почерк охарактеризован так: «Круглый шрифт, славный, черный шрифт, черно написано, с замечательным вкусом. Каллиграф не допустил бы этих росчерков или, лучше сказать, этих попыток расчеркнуться, вот этих недоконченных полухвостиков, — замечаете, — а в целом, посмотрите, оно составляет ведь характер, и, право, вся тут военно-писарская душа проглянула: разгуляться бы и хотелось и талант просится, да воротник военный туго на крючок стянут, дисциплина и в почерке вышла прелесть!» (ч. I, гл. 3).

Этот тип письма удержался на многие годы и был офи-

¹ Книга Ф. Зонекена *Die Rundschrift, Methodische Anleitung zum Selbst Unterricht und zum Gebrauche in Schulen* (1875) за следующие 4 года выдержала более 100 изданий.

² В литературе нередко встречается еще упоминание американской скорописи: это не тип письма, а метод обучения, введенный в XIX в. в европейскую практику американцем Джозефом Керстерсом. Этот метод был очень популярен в России и принят в качестве системы обучения в учебных заведениях. Керстерс пропагандировал косое письмо (с наклоном в 40—50°).

циально введен в учреждениях военного ведомства¹. Основные его признаки — круглый, ровный, твердый; не допускаются никакие нажимы, хвосты и завитушки. Страница «военно-писарского рондо» напоминала полковую колонну. Письмо В. И. Танеева к врачу училища правоведения «было переписано великолепным каллиграфическим почерком»², которому могли бы позавидовать писари военного министерства в Петербурге.

Начиная с 1860—1870 гг. в обиходном употреблении победили наиболее удобные варианты круглого письма. Впрочем, в конце XIX в. были новые попытки возврата к прямому шрифту — в педагогической литературе возникла довольно оживленная полемика на эту тему³, — победа осталась за круглым, наклонным, двунажимным письмом.

Современная советская методика стоит на той же точке зрения и настойчиво проводит ее в школьной практике, при этом наклон достигает (в руководствах) 65°⁴. Упорно проводившаяся раньше двунажимность с обязательным введением шариковой ручки уступает место (и у нас и за рубежом) равнонажимности: твердое «перо» шариковых ручек неизбежно и принудительно вызывает ровную линию письма.

Несколько эволюционировавший и дальше в сторону округления почерк установился во второй половине XIX в. и просуществовал до 1917 г., если не позднее. Дело в том, что обучение первых лет революции — ликвидация безграмотности массы населения (ликбез) — шло еще в старой традиции округленного, полунаклонного двунажимного почерка. Другое дело, что корявые руки взрослых людей не без труда осваивали этот (да и всякий иной) тип письма — препятствовала неразработанность руки, легко развивающаяся у ребенка, но с трудом укоренявшаяся у пожилых.

¹ См.: *Герbach В. С.* Прописи косо́го и прямо́го почерков. Учебное пособие для писарских классов, учебных команд и ротных школ. 2-е изд., СПб., 1901, с. 3 обложки.

² *Танеев В. И.* Детство. Юность. Мысли о будущем, с. 340.

³ См.: *Зак Н. В.* Недостатки современного метода письма и меры к их устранению. М., 1893; *Яковлев Б.* К спорному вопросу о «прямом шрифте». Киев, 1894; *Евсеев И.* К вопросу о прямом почерке. М., 1894 и др.

⁴ См.: *Писаревский Д. А.* Обучение письму. 2-е изд., М., 1938; *Боголюбов Н. Н.* Методика чистописания. 2-е изд. Л., 1955; Букварь. 8-е изд. М., 1960; Прописи к букварю. М., 1968.

Все высказанные выше соображения следует рассматривать лишь в качестве первой попытки наметить путь развития нового русского письма¹. Они требуют дальнейшей разработки — анализа и классификации — и подтверждения не только прописями, но и изучением ряда конкретных и характерных почерков².

3. Графическая (почерковедческая) экспертиза³

Непосредственное отношение к вопросам неографии имеет и графическая экспертиза, имеющая целью помочь установить или опровергнуть подлинность документа.

При современном состоянии способов анализа бумаги, чернил, карандаша, пишущей пасты для шариковых

¹ Неографу в его практической работе совершенно необходимо исчерпывающе знать технику подготовки рукописи к печати, уметь безупречно править корректуру, разбираться в различии шрифтов и в технике набора (ручного, монотипа и линотипа), быть хорошо осведомленным в новейших методах размножения рукописи — фотонаборе, ротапринте и пр. Все эти данные, а также и необходимые исторические сведения о развитии русского шрифта можно найти в книгах: *Шицгал А. Г.* Русский гражданский шрифт. 1708—1958. М., 1959; *Русский типографический шрифт. Вопросы истории и практики применения.* М., 1974; *Сидоров А. А.* История оформления русской книги, 2-е изд., М., 1964; *Большаков М. В., Гречихо Г. В., Шицгал А. Г.* Книжный шрифт. М., 1964; *Кликушин Г. Ф.* Шрифты. Минск, 1964; *Леонардова Е.* Оформление и художественно-техническое редактирование различных видов книжных текстов. М., 1964; *Почечуев А. Н.* Техника редактирования. М., 1962; *Гиленсон П. Г.* Методика технического редактирования. М., 1964; *Рисс О. В.* О мастерстве корректора. М., 1959; *Каменецкий Л. М.* Руководство по корректуре. М., 1959; *Былинский К. Н., Жилин А. Н.* Справочная книга корректора. М., 1960 и др.

² В рассказе «Звезда Соломона» Куприн сделал попытку охарактеризовать хронологическую последовательность сделанных на старинной книге надписей. Первая была выполнена «гусиным пером, четким старинным почерком с раздельными буквами в словах, с «н» похожим на «т», и «д» — на «п», тем характерным почерком конца XVIII столетия, который так наивно схож с печатным курсивом того времени». В середине страницы «круглым почерком николаевских времен со множеством поворотов над большими буквами и с закорючками на хвостах выступающих букв, вроде «р», «д», «у», «з» и тому подобное». Наконец, внизу страницы надпись была сделана «мелким, легким, грациозным, без малейших нажимов, своеобразным почерком умницы, скупца, фантазера и математика». (*Куприн А. И.* Собр. соч., М., 1958, т. V, с. 459).

³ Этот параграф в переработанном виде перепечатывается из книги: *Рейсер С. А.* Основы текстологии. Л., 1978, с. 108—110, 115—119.

ручек и фломастеров, лент пишущих машин, при возможности, открывающихся рентгеноскопией, макро- и микрофотографией, фотографией в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах, методах цветоделения и цветоразличения, при химическом анализе бумаги, применении методов кибернетики и лазера¹ подделка документов имеет все меньше шансов на успех.

Графическая экспертиза имеет изрядную давность и восходит на Руси едва ли не к концу XVI в².

В «Своде законов» экспертиза была узаконена следующим образом: «Рассмотрение и сличение почерков производится назначенными судом, сведущими в том языке, на коем писаны и подписаны сличаемые документы, достойными веры людьми, не отведенными ни которым из тяжущихся, когда можно секретарями присутственных мест, учителями чистописания или другими преподавателями из находящихся в том месте или поблизости учебных заведений, и вообще лицами, которые по заключению надлежащих присутственных мест могут в сем случае быть признаны сведущими. Число сих сведущих должно быть не менее трех и не более девяти»³.

Экспертиза посланного Пушкину в ноябре 1836 г. «диплома» на звание историографа ордена рононосцев, сыгравшего такую печальную роль в истории гибели великого поэта, по предложению П. Е. Щеголева была произведена в августе 1927 г. Результаты этой экспертизы неоднократно излагались в литературе, опубликован и полный текст заключения эксперта⁴. Согласно мнению исследователя пасквильный «диплом» изготовлен рукой кн. П. В. Долгорукова: слухи о его причастности к этому делу мелькали и раньше в устной и письменной тради-

¹ См. сб.: Правовая кибернетика. М., 1970; Некоторые, не потерявшие своего значения материалы содержатся в изд.: Следственный осмотр документов. Справочный альбом. М., 1958.

² См.: Черепнин Л. В. У истоков архивоведения и актового источниковедения («Практической дипломатики») в России. — Вопросы архивоведения, 1963, № 1, с. 52—62; О сверке почерков в середине XVII в. при Алексее Михайловиче — Пересветов Р. Тайны выцветших строк. М., 1961, с. 150.

³ Свод законов Российской империи издания 1857 года. СПб., 1857, т. 10, ч. 2, с. 73; ср. также: Крылов И. Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л., 1963, с. 15 и сл.

⁴ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. 3-е изд., М.—Л., 1928, с. 516—525.

ции, но в течение всей жизни категорически отвергались подозреваемым.

В течение истекшего полувека значительно усовершенствовалась методика и техника почерковедческого исследования, и в кругу пушкинистов стали возникать сомнения в точности экспертизы и высказывалось желание повторить ее на новом уровне. В 1974 г. экспертиза была снова проведена — ее заключение отвергло как предположение о том, что диплом написан рукою П. В. Долгорукова, так и другое, существовавшее мнение, о руке кн. И. С. Гагарина (он тоже всегда отрицал свою причастность к этому делу)¹.

Таким образом, лицо писавшее документ остается не установленным и все меньше шансов на то, что он и связанное с ним окружение будут когда-либо точно определены.

Сложным, но в конце концов разрешенным вопросом явилась история письма Пушкина к Николаю I от 2 октября 1828 г. В нем поэт признавал себя автором «Гаврилиады». Дошедшую до наших дней копию считали подделкой, но в настоящее время есть веские основания считать ее достоверной и современной копией подлинного обращения Пушкина. К решению этого вопроса были привлечены и специалисты по почерковедческой и бумажной экспертизе².

Во исполнение цитировавшегося выше закона 24 апреля 1863 г. четыре секретаря С.-Петербургского губернского правления уголовной палаты и 2-го департамента гражданской палаты сверяли почерк Чернышевского с предъявленными им запиской к В. Д. Костомарову и письмом к Алексею Николаевичу и нашли, «что почерк записки имеет некоторое сходство с почерком Чернышевского».

Эта уклончивая формулировка не удовлетворила судей, которым нужно было признание идентичности почерков. 19 июня того же года экспертиза была повторена: при этом один эксперт сходства почерков «почти не

¹ *Любарский М.* Слово экспертов. — Вечерний Ленинград, 1979, 11 августа, № 183 (15873), с. 3 и более подробно: *Ципенюк С. А.* Исследование анонимных писем, связанных с дуэлью А. С. Пушкина. — В сб.: Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1976, вып. 12, с. 81—90.

² *Гурьянов В. П.* Письмо Пушкина о «Гаврилиаде». Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978, т. VIII, с. 284—291.

находил», двое нашли, «что характер почерка в общем различен», трое настаивали, что «в общем сходства нет, но отдельные буквы схожи», двое же решили, что Чернышевский умышленно извращал свой почерк, чтобы сличаемые документы не походили друг на друга¹.

И это заключение не в полной мере устраивало суд. Снова были приняты должные меры, и 30 июля секретари сената наконец «единогласно» нашли, что «как сие письмо, так и означенные бумаги писаны одною и тою же рукою». Только таким образом необходимые «основания» для обвинения были получены.

Графическая экспертиза, проведенная в советское время, бесспорно доказала принадлежность руке В. Д. Костомарова обоих инкриминированных Чернышевскому документов². Стоит напомнить, что еще в 1913 г. М. В. Ключков настаивал на подлинности обоих документов³. Впрочем, впервые разоблачение подлога Костомарова (нарочитой подделки по заказу III Отделения) и тонкая графическая экспертиза были произведены самим Чернышевским⁴ в период следствия в обширном заявлении в сенат: подделка была заранее обречена.

Интереснейший случай, тоже связанный с творческим наследием Чернышевского, — история прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Автограф этой прокламации до нас не дошел: он был уничтожен, очевидно, из соображений конспирации. Дошла лишь копия, восходящая непосредственно к автографу Чернышевского. Она была доставлена Н. Д. Костомаровым в августе 1861 г. в III Отделение.

В течение более чем ста лет бытовало мнение, будто бы эта копия принадлежит руке близкого к Чернышевскому поэта М. Л. Михайлова. Несмотря на то что это утверждение расходилось с тем, что показывал Михайлов на следствии, что он написал в своих «Записках» и что написал в своих «Воспоминаниях» Н. В. Шелгунов, все исследователи некритически повторяли: «Автограф Михайлова». Так первыми считали Н. Д. Костомаров и жандармский подполковник А. Н. Житков.

¹ Дело Чернышевского. Сборник документов. Саратов, 1968, с. 247, 337—338, 361—362.

² См.: Красный архив, 1927, № 6 (25), с. 152—181.

³ См.: Ключков М. В. Процесс Н. Г. Чернышевского. — Исторический вестник, 1913, № 10, с. 179—185.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., с. XIV, с. 742 и сл.

Изучение истории прокламации убедило нас в том, что копия никак не может принадлежать руке Михайлова: эти предположения были подтверждены произведенной графической экспертизой.

В результате детального сопоставления всех страниц прокламации с шестнадцатью листами бесспорных автографов Михайлова (стихотворений, писем, статей) эксперты в своем заключении от 21 мая 1965 г. отметили шесть основных пунктов различия графики: «...выявленные различия в общих и частных признаках почерка устойчивы и достаточны для вывода о том, что текст прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» исполнен не Михайловым Михайлом Ларионовичем»¹.

Если прокламация написана не рукой Чернышевского (и не рукой М. Л. Михайлова), возникло желание определить, кем же она выполнена. Решением этой задачи занялась М. И. Перпер. По ее инициативе в июле 1970 г. экспертиза Центрального научно-исследовательского института судебных экспертиз в Москве дала заключение в пользу В. А. Обручева, человека достаточно известного в революционном движении 60-х годов XIX в. и близкого к Чернышевскому или, во всяком случае, к его кругу. Однако эта экспертиза была проведена, как нам представляется, неполноценно: для сравнения был предложен только почерк Обручева. В марте 1971 г. по нашей инициативе была произведена новая экспертиза — для сравнения с почерком прокламации были представлены восемь образцов почерков разных лиц из революционно-демократического окружения 60-х годов, в том числе В. А. Обручева. Эксперты отказались идентифицировать чей-либо почерк с почерком прокламации. В июне 1971 г. последовала повторная экспертиза, которая продолжала настаивать на почерке В. А. Обручева.

Тем временем М. И. Перпер, продолжая исследование, нашла значительное сходство почерка прокламации с почерком близкого к Чернышевскому землепользателя А. В. Захарьина — он приходился родственником О. С. Чернышевской (внебрачный сын ее отца). На этот раз эксперты единодушно признали идентичность почер-

¹ Подробно см.: *Рейсер С. А. Прокламация Н. Г. Чернышевского «Барским крестьянам...»*. — В сб.: Книга. М., 1967, вып. XIV, с. 214.

ков, и, таким образом, вопрос может считаться решенным¹.

Недавняя графическая экспертиза помогла опровергнуть мнение В. Н. Шульгина, Н. В. Водовозова и Г. П. Курточкиной о том, что часть копии романа «Пролог» переписана рукой Чернышевского².

С графической экспертизой связана полузабытая уже история со «Светочами».

В «Правде» от 18 и 19 апреля 1929 г. Демьяном Бедным была опубликована поэма «Светочи». Вслед за тем Демьян Бедный и А. В. Ефремин выпустили ее отдельным изданием³. Эта поэма представляет собой текст всем известной поэмы Некрасова «Дедушка» с инкорпорированными в разных местах 214 строками революционного содержания.

Д. Бедный, А. В. Ефремин и П. Е. Щеголев настаивали на подлинности поэмы⁴. Некрасов, по их мнению, не имел возможности при жизни опубликовать полный текст этого произведения.

Фальшивка была вскоре разоблачена мной в статье «Новооткрытые строки Некрасова»⁵. Тогда же приобретенная Д. Бедным тетрадка с текстом этой поэмы была через П. Е. Щеголева передана для экспертизы.

В октябре — ноябре 1929 г. было произведено изучение этого документа и получено резюме:

1. Тетрадка, содержащая «Светочи», составлена из двух сортов бумаги фабрики конца 1870-х — начала 1880-х годов, т. е., во всяком случае, позднее создания «Дедушки» (1870).

2. Изготовление из этой бумаги тетради и переплета к ней относится, по-видимому, к еще более позднему времени.

¹ *Пернер М. И.* Прокламация «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» (Результат изучения рукописи и архивных дел). — Русская литература, 1975, № 4, с. 138—154.

² *Николаев М. П.* Из истории публикации романа Чернышевского «Пролог» в Лондоне. — Русская литература, 1971, № 3, с. 82; *Пинаев М. Т.* Еще раз к истории лондонского издания романа Н. Г. Чернышевского «Пролог». — Русская литература, 1972, № 3, с. 125.

³ *Некрасов Н. А.* Светочи. Поэма (С добавлением новооткрытых строф). Предисл. Демьяна Бедного. М.—Л., 1929, с. 62.

⁴ Стихотворение Д. Бедного «Радостная находка». — Правда, 1929, 17 апреля, с. 2; перепеч.: *Демьян Бедный*. Полн. собр. соч., т. XV, 1930, с. 201—202; *Щеголев П. Е.* Светочи. — Известия, 1929, 20 апреля, с. 3.

⁵ Литература и марксизм, 1929, № 6, с. 146—183.

3. Текст записан кемпешевыми чернилами, изготовление которых в России начинается около 1895 г.

4. Время записи стихов в тетрадку относится к 1924—1927 гг. «И в самом крайнем случае — после Февральской революции»¹.

«Светочи» навсегда исчезли из научного обихода и только однажды были перепечатаны К. И. Чуковским в шестом издании однотомника Некрасова в 1931 г. в разделе «Стихотворения, приписываемые Некрасову» («Дедушка» остался в основном тексте). К. И. Чуковский уклонился тогда от участия в возникшей полемике под тем предлогом, что «умозрениями нельзя заменить документов, а какие бы то ни было документальные данные отсутствуют у той и другой стороны»².

В 1960 г. К. И. Чуковский печатно признал «Светочи» низкопробной подделкой, наполненной массой псевдореволюционных левацких фраз³.

В письме ко мне от 28—29 июня 1960 г. К. И. Чуковский подробно рассказал, как один из авторов подделки ему в ней признался. С разрешения К. И. Чуковского цитирую это письмо:

«В гостиницу «Националь» — не помню, в котором году, очевидно, в начале тридцатых — явился ко мне господин в модном заграничном пальто и в котелке — лицо у него было странно знакомо, но я никак не мог вспомнить, кто же это такой из моего далекого прошлого: у меня была высокая t° (грипп). Господин сказал (очень знакомым голосом), что он сейчас уезжает в Берлин (и показал билет), и что вряд ли он возвратится в Россию, и что он хочет открыть мне секрет.

«Секрет» заключался в следующем:

Этот знакомый незнакомец и некий московский писак Шевцов (или Швецов; я не москвич и для меня это имя было совершенно неведомо) узнали, что Демьян Бедный бывает постоянно в таком-то букинистическом магазине, ищет «раритеты и курьезы», и решили обьегорить его. (Им были до зарезу нужны деньги). Швецов и раньше вступал на путь литературных подделок; они оба

¹ Текст заключения экспертизы до сих пор полностью не опубликован. Тетрадка, содержащая «Светочи», хранится в ЦГАЛИ (фонд 1884 — И. И. Власова, оп. I, № 72).

² Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений. 6-е изд., М.—Л., 1931, с. 644.

³ Чуковский К. И. Люди и книги. 2-е изд. М., 1960, с. 394—395.

в два дня состряпали «Светочи» и продали их букинисту, кажется, за 500 рублей (цифру не помню наверняка).

Я, все еще не узнавая незнакомца, попросил написать историю (в виде письма ко мне). Он написал коротко — очень бойким и быстрым почерком, — на минуту присев к столу, что «Светочи» написаны им и Швецовым (или Шевцовым), и подписался: «Анатолий Каменский»¹.

Приведенные материалы выразительно показывают роль и значение графической (почерковедческой) экспертизы в деле определения подлинности документа. В неографии он применяется сравнительно недавно, в классической палеографии всех стран сфера его использования давно оценена по достоинству.

¹ См. еще статью К. И. Чуковского «От дилетантизма к науке»: «К счастью рукопись была подвергнута экспертизе специалиста-графолога, который и установил, что эта мнимонекрасовская «поэма» написана не в 1870 году, как утверждали подделыватели, а через сорок два года после смерти Некрасова — в 1929 г. ...А через несколько месяцев один из подделывателей явился ко мне и не без хвастовства рассказал мне все подробности изготовления этой фальшивки. Миф о «Светочах» был полностью рассеян». *Чуковский Корней*. Собр. соч. М., 1967, т. 5, с. 543. Ср. еще важное письмо К. И. Чуковского к Демьяну Бедному (Литературное обозрение, 1982, № 4, с. 106). Не опровергнув графическую экспертизу и не произведя новой, игнорируя сознание фальсификатора и полную художественную беспомощность вставок в текст поэмы Некрасова «Дедушка», Л. А. Розанова сделала безнадёжную попытку воскресить «Светочи» в качестве подлинной поэмы: см. ее книгу — Н. А. Некрасов и русская рабочая поэзия. Ярославль, 1973, с. 26—28. На ту же тему Л. А. Розанова 10 июня 1980 г. сделала доклад «Загадка «Светочей» на 20-й Всесоюзной некрасовской конференции в Ивановском университете. В прениях М. М. Гин, В. В. Жданов и М. В. Теплинский указали на неубедительность доводов. См. информацию об этом докладе — Русская литература, 1981, № 1, с. 251 и Вопросы литературы, 1981, № 1, с. 308—309.

Письмом называется средство накопления речевой информации при помощи самых разнообразных начертательных знаков. Оно прошло очень длинный и сложный путь развития, и в той или иной форме сопровождает всю историю человека. Письмо в равной степени фиксирует всякое сообщение как в бытовой области, так и во всех стадиях творческого (научного, технического, художественного и всякого иного) процесса — вообще служит для любого бесконечно разнообразного выражения потребностей и эмоций человека. Без определенной, так или иначе организованной системы письменных знаков был бы совершенно немислим прогресс человечества и значит в целом его существование.

От примитивных письмен нашего первобытного предка, с трудом владевшего неразвитой еще рукой, и до исключительно сложных, тонких и многообразных способов записи в их последующей эволюции проделан огромный, измеряемый сотнями тысяч лет путь.

В современном русском письме требуют изучения разные стороны этой деятельности. Основными издавна считаются: материал письма, способы записи и различные виды и типы этой записи, так называемая графика. Каждая из этих рубрик состоит, в свою очередь, из ряда более дробных. Создаются определенные традиции. Уже сейчас совершенно забыты некоторые орудия письма прошлого и позапрошлого века (гусиное перо), на наших глазах выходят из употребления такие орудия, как металлическое перо — ему на смену пришли «вечные» и шариковые ручки, фломастеры и пр. Изменилась, но мало изучена бумага нового времени — единственный материал письма. Еще важнее систематизация моделей почерков, установление их типических черт и их хронологии — в старой, традиционной палеографии эта задача в значительной степени проделана. Графемы нового времени тоже относительно устойчивы: всякий архивист может более

или менее точно датировать почерк лежащего перед ним документа.

В высшей степени важна дифференциация почерков по возрастным особенностям писавшего, по уровням культуры, по национальным и иным признакам. В современной зарубежной палеографии ясно наметилась проблема ее социологизации, тоже должно быть сделано и в неографии.

В этой книге освещен, в самом беглом изложении, основной круг вопросов, важных и характерных для изучения нового русского письма, считая приблизительно с середины XVIII в. Старое время (примерно с X в.) изучается палеографией. Новое остается пока несравненно меньше исследованным — ему и посвящена эта работа, которая имеет целью быть своего рода введением в новую вспомогательную историческую научную дисциплину — неографию. Полное, всестороннее и глубокое ее изучение требует, разумеется, большого времени и поколений исследователей.

Основная литература

- Черепнин Л. В.* Русская палеография. М., 1956.
- Черепнин Л. В.* Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. с. 8—23.
- Черепнин Л. В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. М., 1973, вып. 1, с. 32—63.
- Рейсер С. А.* Палеография текстов нового времени. — В кн.: Текстология славянских литератур. Л., 1973, с. 101—113.
- Берков П. Н.* О переходе скорописи XVIII в. в современное русское письмо. — В кн.: Труды Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. 1954, вып. 7, с. 36—50.
- Шицгал А. Г.* Русский гражданский шрифт. 1708—1958. М., 1959.
- Лихачев Д. С.* Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962.
- Лихачев Д. С.* Текстология. Краткий очерк. М.—Л., 1964.
- Томашевский Б. В.* Писатель и книга. Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959.
- Чудакова М. О.* Беседы об архивах. 2-е изд. М., 1980.
- Участкина З. В.* Развитие бумажного производства в России. М., 1972.
- Проблемы сохранности документальных материалов. Л., 1977.

Терминологический словарь ¹

Аббревиатура — сокращенное обозначение слов («и. т. д.» — и так далее, «н. э.» — нашей эры). Так же иногда называются слова, составленные путем сокращения нескольких слов и объединения их в одно («совхоз»).

Абзац — 1) графически выделенная часть текста («во втором абзаце»); 2) начало текста с новой (красной) строки; обычно абзац начинается с небольшого отступа вправо.

Автограф — текст, написанный автором. Авторизованная машинопись приравнивается к автографу. Рукой данного лица может быть написан принадлежащий ему текст, но может быть переписан текст, принадлежащий другому лицу; в этом случае перед нами список или копия (см.).

Автоним — подлинное имя автора, пишущего под псевдонимом.

Авторизация — устное, но чаще письменное одобрение автором данной формы своего произведения (или его части), данного перевода и т. д.

Адресант — лицо (или учреждение), которое посылает почтовое отправление.

Адресат — лицо (или учреждение), которому адресовано почтовое отправление.

Аллигат — см. Конволют.

Анаграмма — перестановка букв в слове, посредством которой из данного слова можно составить иное, например, какой-либо псевдоним («Вонаром» — Романов).

Ананим — псевдоним в виде обратно написанного имени автора («Вортеп» — Петров, «Нави Волырк» — Иван Крылов).

Английский почерк — см. Курсив.

Аннотация — краткие сведения, характеризующие данное произведение.

Антиква — округлый шрифт эпохи Возрождения (по письму Древнего Рима), воспроизводивший начертания букв древних надписей на камне, металле и пр.

Археогрaфия — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая методы собирания, описания и публикации исторических документов.

¹ Словарь охватывает термины палеографии и неографии и сопредельных с ней наук — археографии, текстологии, историографии, библиографии и книговедения и отчасти полиграфии. В словаре без ссылок, иногда в переработанных формулировках, использованы определения различного рода справочников, в частности словарей русского языка (особенно Словаря современного русского литературного языка, изданного Академией наук СССР, 1948—1965), специальных библиографических и иных указателей, в частности Словаря книговедческих терминов Е. И. Шамурина (М., 1958), формулировки, содержащиеся в работах Д. С. Лихачева, А. Д. Люблинской, Б. В. Томашевского, Б. М. Эйхенбаума, и др.

Археги́п — неизвестный нам текст, от которого пошли остальные дошедшие до нас тексты.

Асте́риск — знак в виде звездочки.

Астро́ним — псевдоним в виде одной или нескольких звездочек в сочетании с другими знаками (например, буквами).

Атетéза — доказательство непринадлежности произведения данному автору.

Атрибу́ция — доказательство принадлежности произведения данному автору.

Аутентичный текст — см. Основной текст.

Бастарда — иногда итальянский почерк (возник в конце XVII в.); полунаклонный почерк — сочетание ронд (см.) с курсивом (см.).

Библиогра́фия — область знания и практической деятельности, имеющая своим предметом научный учет, описание, систематизацию и отчасти оценку произведений печати с целью их наилучшего использования; в частности, библиографическая работа выражается в составлении различных пособий (списков, указателей и пр.).

Боковик (фонарик) — вынесенные на поля заголовки параграфов или других частей текста (чаще всего в книгах учебного характера).

Брульо́н — черновик, черновая тетрадь.

Букле́т — издание, отпечатанное на одном листе, сложенном параллельными сгибами, и раскрывающееся в виде ширмы.

Вариант (разночтёние) — сравнительно небольшие отличия текста, по отношению к принятому за основной (или к какому-либо иному, например, по отношению к данной редакции).

Вержёры (или вержё) — горизонтальные линии филиграней.

Ве́рстка — набор (и соответственно оттиск с набора), расположенный по страницам.

Вид — терминологическое значение неустойчиво; чаще всего употребляется в значении «вариант» или «редакция».

Водяные знаки (филигрáни) — просвечивающие на бумаге места, образующие рисунок, инициалы, даты и пр. — условное обозначение (фабричный знак) владельца или предприятия.

Вспомогательные указатели (ключи́) — помещенные в конце книги различные указатели (заглавий, имен, топографический и пр.), облегчающие нахождение той или иной справки.

Вязь — вычурное письмо, в котором сплетаются буквы и слова.

Га́плогра́фия — пропуск (при переписке, при перепечатке, в наборе) слов или слогов, стоящих между двумя одинаковыми словами (слогами). Например, надо: «Все они любили, когда она им улыбалась. Они любили даже ее походку». Набрано: «Все они любили даже ее походку».

Гарни́тура — комплект шрифтов определенного рисунка.

Герменевтика — дисциплина, занимающаяся толкованием смысла древних (обычно библейских) текстов.

Гло́сса — 1) толкование текста (в частности, законов), 2) заметка переписчика или читателя (на полях, в тексте), содержащая толкование непонятого места. Глосса обычно графически с текстом не сливается, но при частой переписке может иногда попасть в текст, тогда она становится интерполяцией (см.).

Готическое письмо — тип латинского почерка и шрифта XII—XV вв. на Западе. В Германии готическое письмо стало нацио-

нальным и удержалось (хотя и в ограниченных размерах) до нашего времени. Несколько видов этого письма: текстúra — острое, вытянутое письмо, фрактура — острое, ломаное письмо, швабахер — ломаное письмо с частично округленными очертаниями и кругло-готическое письмо — переход к так называемому гуманистическому письму эпохи Возрождения.

Гравюра — отпечаток, полученный с рисунка, вырезанного или вытравленного на металле, дереве, камне и т. д.

Гранка — набор (и соответственно оттиск с набора), расположенный в виде полосы (т. е. еще не разбитый по страницам).

Графология — изучение почерка с целью определения характера, способностей и склонностей человека; широко распространенная на Западе; прочных научных оснований не имеет.

De visu — в подлиннике, воочию.

Декстраграфический почерк — обычный правонаклонный почерк.

Дефинитивный текст — см. Основной текст.

Дефис — 1) короткая соединительная черточка между словами («как-нибудь») и 2) типографский знак переноса.

Дивергенция — расхождение признаков.

Диктофон — общее название многочисленных видов аппаратов для записи речи и последующего ее воспроизведения с произвольной скоростью.

Дипломатика — вспомогательная историческая дисциплина, определяющая подлинность, происхождение, дату, а также внешние признаки исторических документов.

Диттография — ошибочное повторение в тексте строки или ее части.

Досье — совокупность документов, относящихся к какому-либо делу, в узком смысле — папки с этими документами.

Dubia — произведение, принадлежность которого данному автору вероятна, но окончательно не доказана.

Дукт — последовательность и направление движения в написании линий данной буквы.

Завод — тираж или его часть (в России в XIX в. чаще всего 1200 экз.).

Заглавный лист — см. Титульный лист.

Идеограмма — письменный знак, обозначающий целое понятие (в отличие от буквы, обозначающей звук).

Извод — 1) памятник, отличающийся от сходного с ним языковыми особенностями; 2) преднамеренное изменение текста, редакция, отличающаяся от других списков и возникшая в результате многократной переписки.

Инкунáбулы — первые наборные книги (до 1501 г.).

Инскрипт — дарственная (дарительная) надпись.

Интерлиньяж — промежуток между строками, междустрочие.

Интерполяция — позднейшая вставка в рукопись слов или фраз, отсутствующих в оригинале и не принадлежащих автору. Ср. Глосса.

Искусственный сборник — см. Конволют.

Историография — 1) вспомогательная дисциплина, изучающая развитие исторических знаний; 2) обзор и анализ литературы по данной теме.

Источниковедение — вспомогательная историческая дис-

циплина, занимающаяся описанием и классификацией источников.

Итальянский почерк — см. бастарда.

Какография — устарелое обозначение нечеткого и неправильного письма.

Каллиграфия — искусство красивого и четкого письма.

Канонический текст — см. Основной текст.

Кегль — размер наборной литеры между ее верхней и нижней границами; наиболее употребительные кегли называются нонпарель, петит, корпус, цигеро. Кегль измеряется пунктами (0,376 мм); нонпарель равен 6 пунктам, петит — 8, корпус — 10, цигеро — 12 и т. д.

Клише — рельефный рисунок, сделанный на металлической доске и приспособленный для печатания в зеркальном виде.

Ключи — см. Вспомогательные указатели.

Книжный знак — наклеиваемый на книгу ярлычок — (типографского, фототипического или иного происхождения), содержащий те или иные признаки владельца книги.

Коллация — сличение текстов.

Колонтитул — надпись сверху страницы: иногда левая, четная страница содержит имя автора, правая, нечетная — полное или сокращенное название статьи (сборника), раздела (книги) и т. д.

Колонцифра — цифра, обозначающая порядковый номер страницы.

Колофон — старинное обозначение послесловия, содержащего сведения об авторе и другие данные.

Комментарий — снабжение текста произведения справочными и иными данными о месте и времени написания и напечатания и разъяснение трудных или забытых мест этого текста при помощи толкований.

Конвергенция — сходство признаков в независимых друг от друга явлениях.

Конволют — объединение под одним переплетом нескольких самостоятельных произведений печати или рукописей; каждая входящая в конволют часть называется — аллигат.

Конкорданция (симфония) — алфавитный указатель слов и фраз с указанием мест, где они встречаются.

Контаминация — сочетание двух или более текстов.

Контекст — законченный в смысловом отношении отрывок, в пределах которого можно понять значение каждого входящего в него отдельного слова.

Контрамарка — дополнительный к основному водяной знак, располагающийся обычно на второй половине согнутого вдвое листа.

Контрафакция — нарушение авторских прав путем незаконного печатания чужого произведения.

Контртитул — см. Титульный лист.

Концепт — устарелое обозначение черновика.

Конъектура — исправление дефектного текста на основании правдоподобных и обоснованных догадок.

Копия — текст, списанный с другого и полностью его повторяющий.

Корпус — см. Кегль.

Корректур — 1) оттиск набранного текста, который подлежит правке; 2) процесс исправления ошибок, допущенных в наборе.

Красная строка — см. Абзац.

Криптоним — псевдоним, обозначенный инициалом или инициалами («А. П.»).

Крѣтика текста (филологическая критика) — научная проверка точности текста, его достоверности и подлинности (одно из старинных обозначений, близких к современному понятию текстологии).

Ксерокѣпия (ксерокс) — быстрый, точный и удобный способ репродукции текста при помощи особого электрического аппарата, позволяющий достигнуть большой четкости изображения.

Кулѣ — возникший из готического письма связный почерк.

Купюра — опущенная (например, при публикации) часть текста.

Курсѣв — 1) округленное скорописное письмо, обычно наклонное вправо. Курсив иногда называется английским почерком (см.); 2) наклонный типографский шрифт.

Кустѣд — в старинных книгах под последней строкой правой страницы часть первого слова (или первые слова) следующей (после оборота) страницы.

Лакуна — пропуск текста (иногда утраченного), восходящего к протографу (см.).

Легѣнда — в археографии — справочная часть при издании документа, содержащая сведения об источниках текста, предшествующих изданиям и пр.; также — пояснительная записка к карте, схеме и т. д.

Лигатура — связанное написание двух или нескольких букв.

Линотѣп — машина, производящая набор цельноотлитыми строками.

Лѣтера — прямоугольный брусок, на торце которого находится очко — зеркальное изображение буквы или иного типографского знака.

Лѣтографѣя — печатание с особо обработанного камня, на котором изображен (в зеркальном виде) какой-нибудь рисунок, чертеж и т. д.

Макѣт — модель, образец (например, книги) для предварительного широкого обсуждения.

Манускрипт — старинное название рукописи.

Маргиналии — рукописные пометы на полях рукописи или книги.

Матрица — углубленная форма для изготовления стереотипа.

Мачта — см. Стан.

Машѣнопись — текст, напечатанный на пишущей машинке.

Мажускул — прописные буквы древней и средневековой письменности.

Мѣкрофильм — рукопись, сфотографированная с сильным уменьшением (обычно на фотопленке формата 24×36 мм), приспособленная для чтения в специальном увеличительном аппарате.

Мѣнускул — строчное письмо (приблизительно XII—XV вв.).

Мѣнута — черновая запись (устар.).

Модификация — видоизменение, преобразование.

Мѣдуль — размеры букв, ширина, высота, пропорций (отношения высоты к ширине).

Мѣнотѣп — машина, производящая набор из отдельных литер, в отличие от ручного набора, производимого непосредственно наборщиком.

Начерк — в некоторых курсах палеографии — начертание буквы, принятое в том или ином письме или в группе памятников.

Немецкий почерк — см. Готический почерк.

Оригинал — рукопись или иной текст, с которого производится набор. В другом смысле — подлинник (см.), в отличие от копии.

Основной текст — окончательно установленный, наиболее точный для данного времени текст произведения; другие термины с тем же значением — дефинитивный, стабильный, канонический, аутентичный, окончательный, подлинный, правильный и др.

Отпуск — в канцелярской терминологии дореволюционной России — копия документа, остающаяся в делах отправителя.

Очкó — см. Литера.

Пагинация — нумерация страниц.

Палеография — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая внешний вид, материал, орудия письма и графику рукописей.

Палимпсест — древняя рукопись на пергамене, написанная по очищенному (стертому, смытому) тексту.

Параф — росчерк или сокращенная подпись инициалами.

Пастиш — особый тип подделки, стремящейся воспроизвести индивидуальный стиль того или иного автора.

Расіа (лат.) — копирование рукописной книги (приблизительно до середины XIV в.) разными лицами, по преимуществу для учебных надобностей: книга разделялась на тетради, составлявшие обычно четыре страницы.

Первопечатные книги — книги, напечатанные в данной стране в первые годы введения в ней книгопечатания.

Подделка — текст с преднамеренно ложным указанием автора, места и времени издания (всех или части этих признаков).

Подлинник — 1) собственноручная рукопись, оригинал (или авторизованная машинопись); 2) не переводной, а оригинальный текст.

Полустав — почерк рукописей с половины XIV в., средний между уставом (см.) и скорописью (см.). От устава полустав отличается большей наклонностью, меньшей выписанностью букв и некоторыми другими признаками.

Понтюзó — вертикальные линии филигранных.

Пóчерк — письмо с индивидуальной манерой изображения букв и других графических знаков.

Прóпись — образец каллиграфического почерка, главным образом для обучающихся письму.

Протóграф — ближайший текст, к которому восходит данный текст.

Протóкóл — первый лист свитка с указанием его содержания, имени владельца и пр.

Псевдо́нiм — вымышленное имя, которым писатель заменяет свое подлинное.

Пункт — см. Кегль.

Разночтéние — см. Вариант.

Регест — изложение содержания документа с сохранением по возможности его формы. Регест сопровождается заголовками и легендой (см.).

Редáкция — вариант, охватывающий относительно большой отрезок текста и содержащий важные смысловые отличия.

Реклáма — первое слово с которого начинается новая тетрадь: она ставится также под последней строкой предыдущей тетради.

Рёкто — текст, напечатанный (написанный) с правой стороны книги (рукописи).

Реферат — 1) доклад на определенную тему; 2) краткое изложение основных положений книги, той или иной проблемы и пр.

Рецензия — 1) в археографии — выбор того или иного текста; 2) отзыв о том или ином произведении.

Рецепция — заимствование и усвоение (или приспособление) данным обществом (или эпохой) норм другого времени.

Ронд или **рондо** — округлый почерк, легший, в частности, в основу французского письма (с XVII в.).

Ротография — упрощенная фотосъемка, при которой изображение получается белым на черном фоне.

Рукопись — текст, написанный от руки или переписанный на машинке (машинопись).

Ручной набор — см. Монотип.

Свodka — более или менее связный текст, предлагаемый исследователем на основании изучения рукописей той или иной стадии творческой истории произведения.

Сигл (сигль, сиглы) — сокращенное буквенное обозначение («А. Пушкин», «ЕВБ» — Его высокоблагородие).

Сигнатура — цифра в левом нижнем углу первой и третьей страницы каждого печатного листа, обозначающая его порядковый номер.

Симфония — см. Конкорданция.

Синистрографический почерк — редко встречающийся (например у левши) левонаклонный почерк.

Скропись — слитное и беглое письмо нового времени.

Список — неавторская копия произведения.

Стабильный текст — см. Основной текст.

Стан (или **мачта**) **буквы** — прямая вертикальная линия буквы.

Стэмма (схéma) — таблица генеалогического соотношения автографов, списков, отдельных редакций и т. д.

Стереотип — плита из металлического сплава, резины, пластмассы и пр., точно воспроизводящая типографский набор для печатания многотиражных изданий.

Столбец — старинный документ в виде свитка (ленты) из подклеенных друг к другу листов.

Суспензия — недописанное слово, раскрытие которого ясно из контекста («подозрит.»).

Суперэкслибрис — экслибрис (см.), оттиснутый на передней крышке переплета.

Схoлия — в древних рукописях — примечание к тексту.

Текст — словесное выражение замысла его создателя, сохраняющееся в памяти или зафиксированное письменно.

Текстологический паспорт — таблица, в которой вертикально расположены (в прямом или обратнoхронологическом порядке) результаты сверки различных (рукописных и печатных) редакций произведения.

Текстология — вспомогательная филологическая дисциплина, задачей которой является: а) установление основного текста произведения, б) организация (кодификация) этого текста и в) его комментирование.

Terminus ante quem — время, не раньше которого написано данное произведение.

Terminus post quem — время, не позже которого написано данное произведение.

Тильда — знак в виде горизонтально расположенной латинской прописной буквы S: обычно ставится в середине длинной цитаты и обозначает пропуск.

Ти́ра́ж — количество напечатанных экземпляров данного издания.

Ти́тло — надстрочный знак над сокращенно написанным словом или над буквой, употребленной в значении цифры.

Ти́тульн ы́й ли́ст — начальная страница книги, содержащая указание автора, редактора, заглавия, издательства, места и времени выхода книги; иногда некоторые из этих данных указываются на обороте титульного листа или на контртитule — странице, расположенной слева от титула

Транскри́пция — 1) передача звуков одного языка условными знаками в целях более точной передачи его фонетики; 2) способ воспроизведения рукописи произведения, имеющий целью передать расположение и связь отдельных частей текста.

Транслите́рация — передача букв одной письменности буквами другой письменности.

Уго́л пи́сьма — положение орудия письма по отношению к строке на бумаге.

Унци́ал — полуустав древних (западноевропейских) рукописей (приблизительно с V в. н. э.).

Уста́в — древнейшее письмо прямолинейными, четко вырисованными буквами.

Фа́ксимиле — точное воспроизведение рукописи, печатного текста и т. д. механическим способом (например, фотографией).

Фа́льцо́вка — сгибание бумажного листа определенным образом для образования тетради с последовательно расположенными страницами.

Фи́лиграти́ — см. Водяные знаки.

Фи́лологическая́ критика́ — см. Критика текста.

Фо́лиант — см. Формат.

Фо́лиация́ — нумерация книги по листам.

Фо́на́рик — см. Боковик.

Фо́рма́т — размер книги, листа, карточки и пр. Он обычно обозначается в миллиметрах или, реже, в сантиметрах: первая цифра — высота, вторая — ширина. Форматы книг издавна получили особые обозначения в зависимости от того, в какую долю сложен лист. В древнерусской практике — в десть, в полдести, в четверть дести, в восьмушку и пр.

Фототипи́я — способ печатания со стеклянной или иной пластинки, на которой фотографическим способом закреплен рисунок или снимок.

Фра́гме́нт — уцелевший отрывок текста, вообще часть произведения.

Фра́кту́рный почерк — почерк готического типа с характерными узкими и острыми изломами, стремившийся облегчить строго готическое письмо.

Фро́нтиспи́с — рисунок или портрет (чаще на вкладном листе) перед титульным листом книги или на ее первой странице.

Черно́ви́к — первоначальная или одна из первоначальных рукописей (машинописей), возникшая в процессе работы автора над данным текстом и не представляющая еще окончательной редакции; черновик перебеливается иногда несколько раз.

Шпóны — металличе́ские пластинки разной ширины, вставляе-
мые между строками набора.

Шриф́т — начертание букв, их рисунок.

Эври́стика — совокупность приемов разыскания.

Экзегéтика — филологическое толкование античных и биб-
лейских текстов.

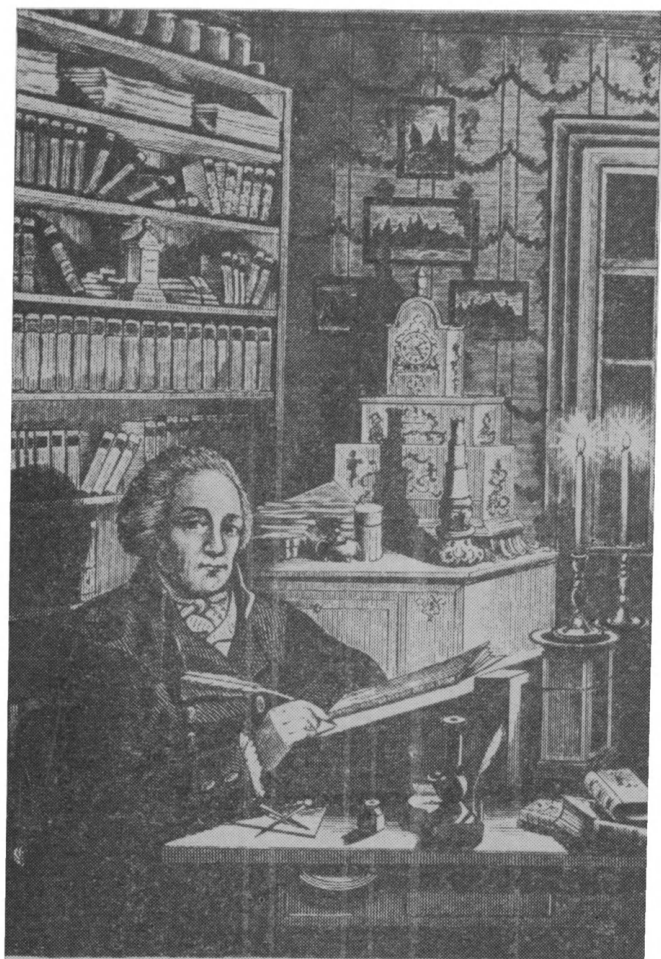
Эксли́брис — см. Книжный знак.

Экстéнзo — извлечение самого существенного из того или
иного текста, краткое изложение главы, помещенное между заголов-
ками и текстом.

Экстрапо́ляция — заключительные строки или абзацы, ру-
кописи, не принадлежащие автору и отсутствовавшие в оригинале.

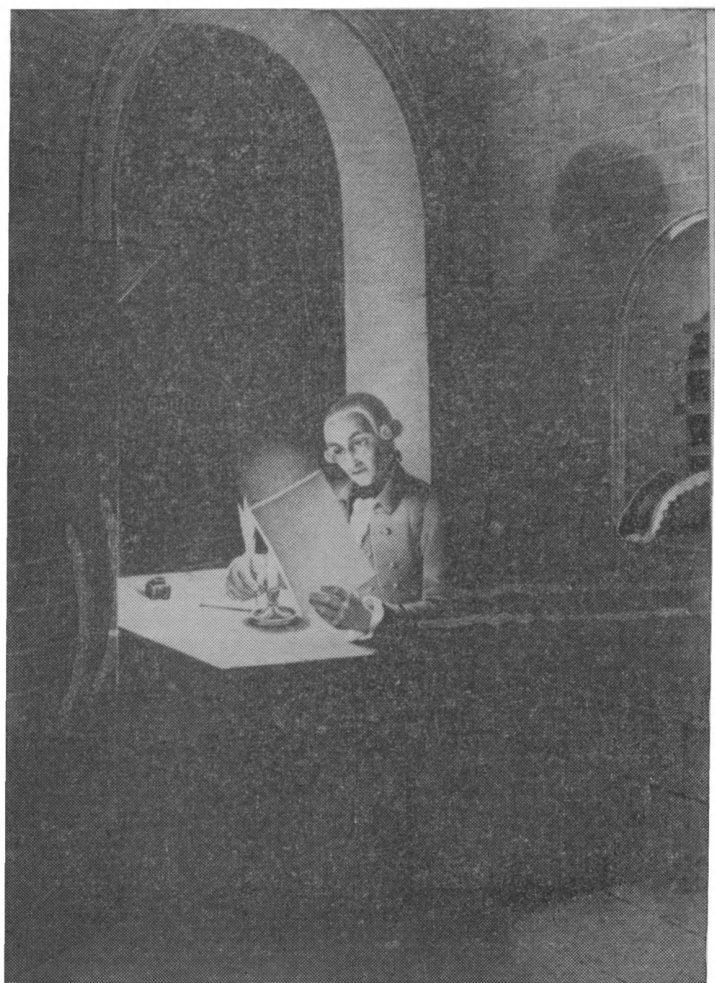
Эменда́ция — исправление текста.

Эсха́токл — последний лист свитка (ср. Протокол).

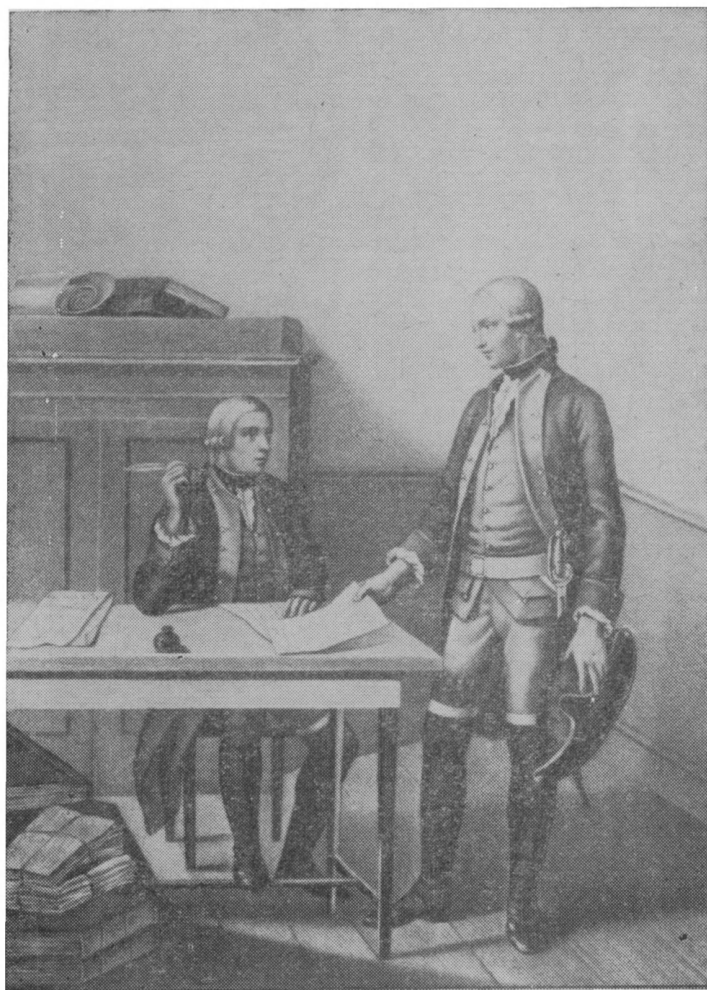

Точное изображеніе,
той комнаты и мѣста, гдѣ писана
сія книга . въ 1789. и 1790. году . въ обгородѣхъ.

А. Т. Болотов (1790 г.)

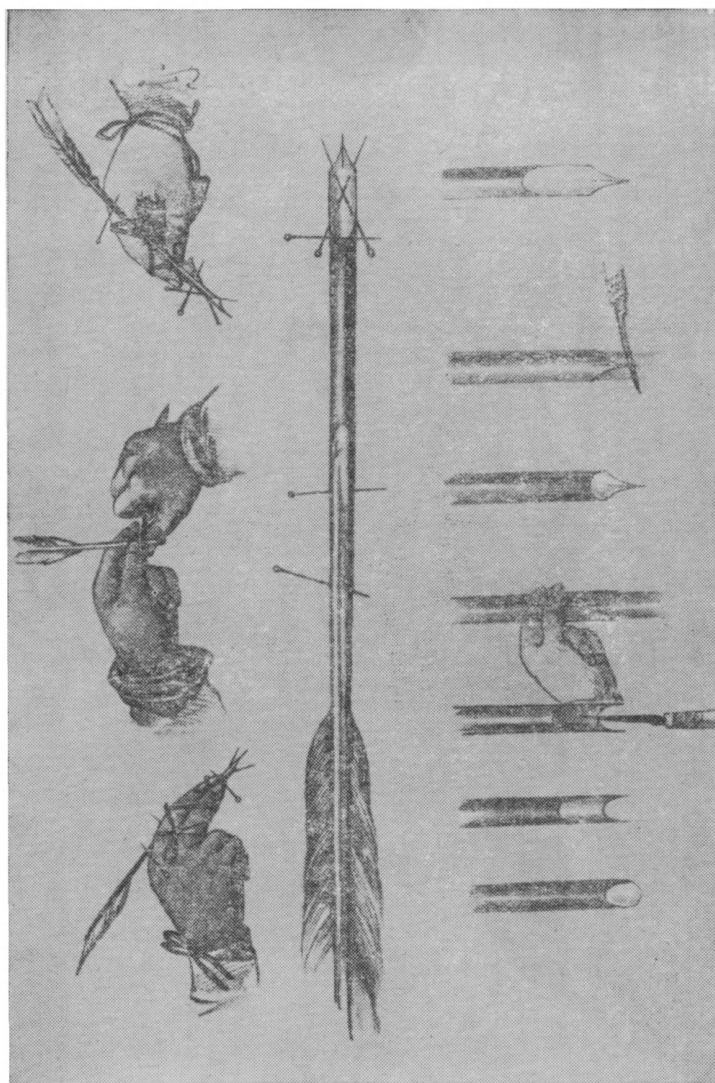
Писарь гарнизонного батальона
(1764—1786 гг.)

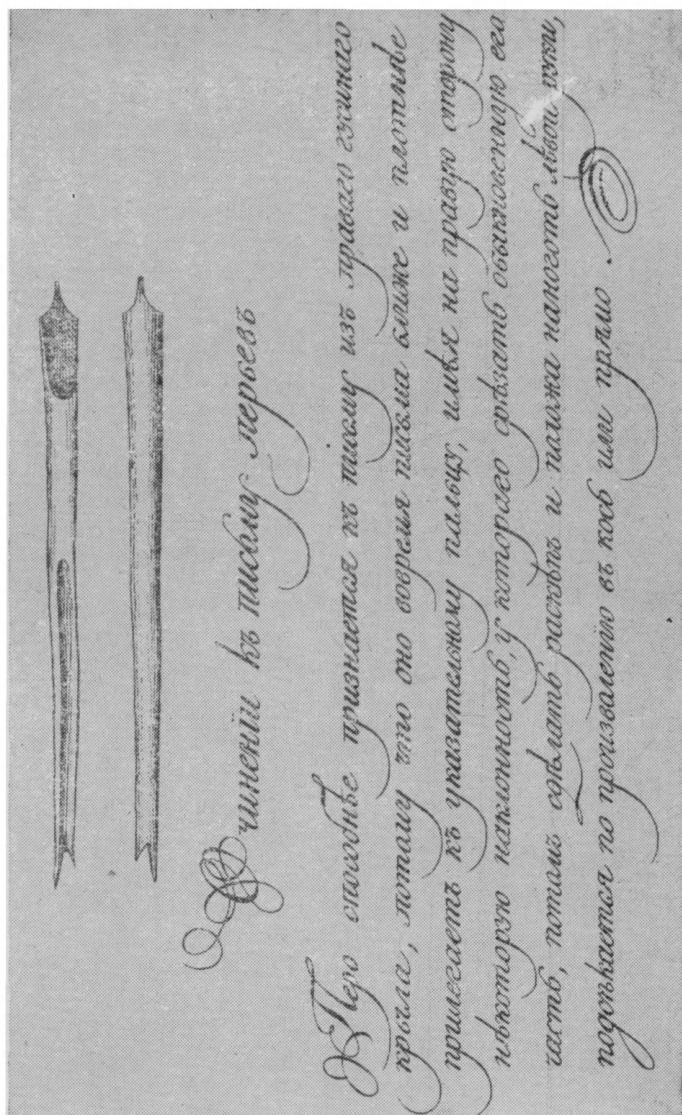
Писец и писарь военной коллегии
(1764—1786 гг.)

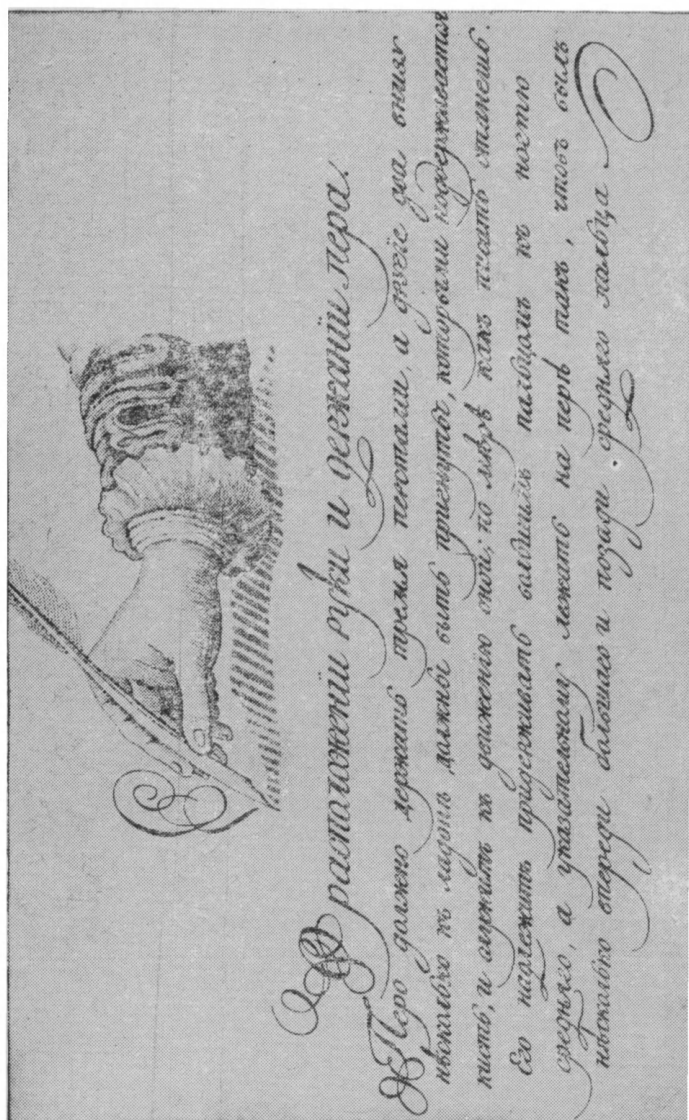
И. Е. Репин. Запорожцы пишут письмо турецкому султану. Деталь
(1878—1891)

М. М. Баранцевич. Метода скорописания. М., 1845

Пропись, показывающая красоту русского письма (конец XVIII в.)

Пропись, показывающая красоту российского письма
(конец XVIII в.)

Примѣжностію и
стараніемъ преодо-
лѣваюпся пурчюно-

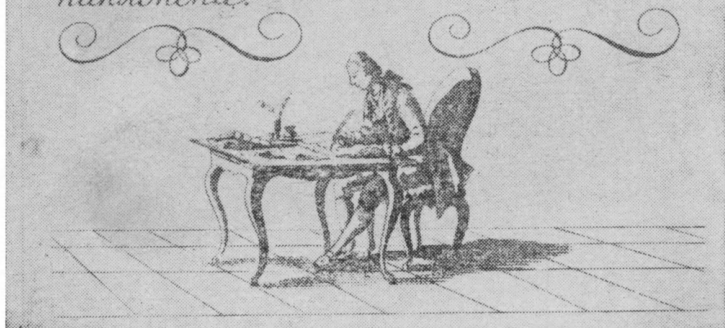
≡ СТИ. ≡

Образецъ чистописанія XVIII — нач. XIX в.

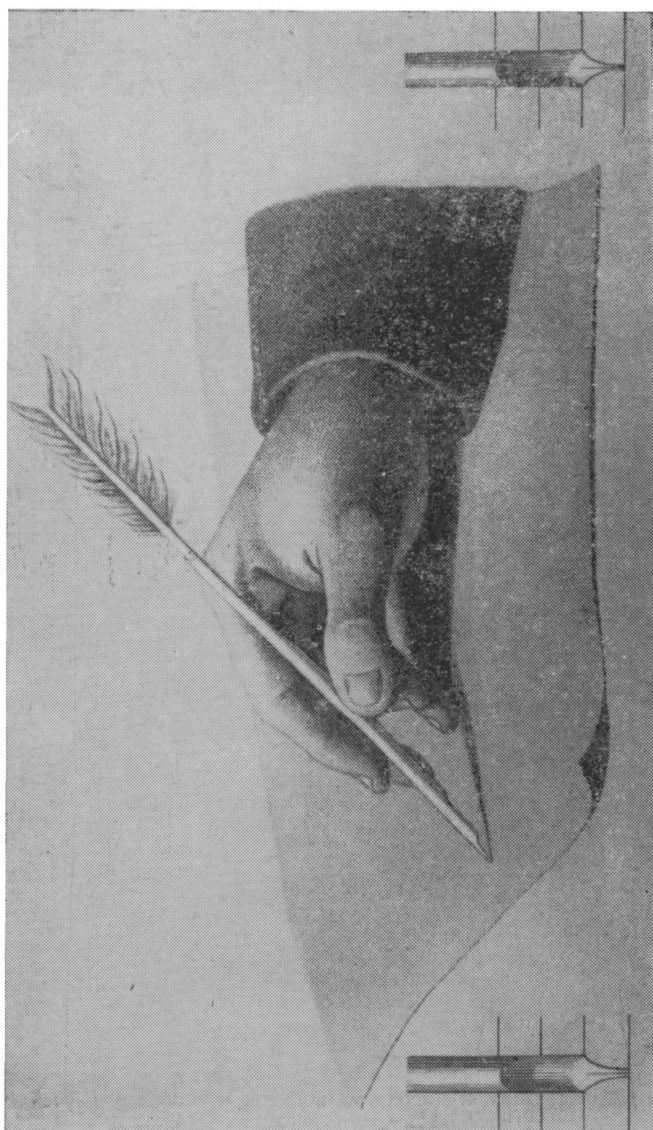
Положеніе пѣла

при писаніи.

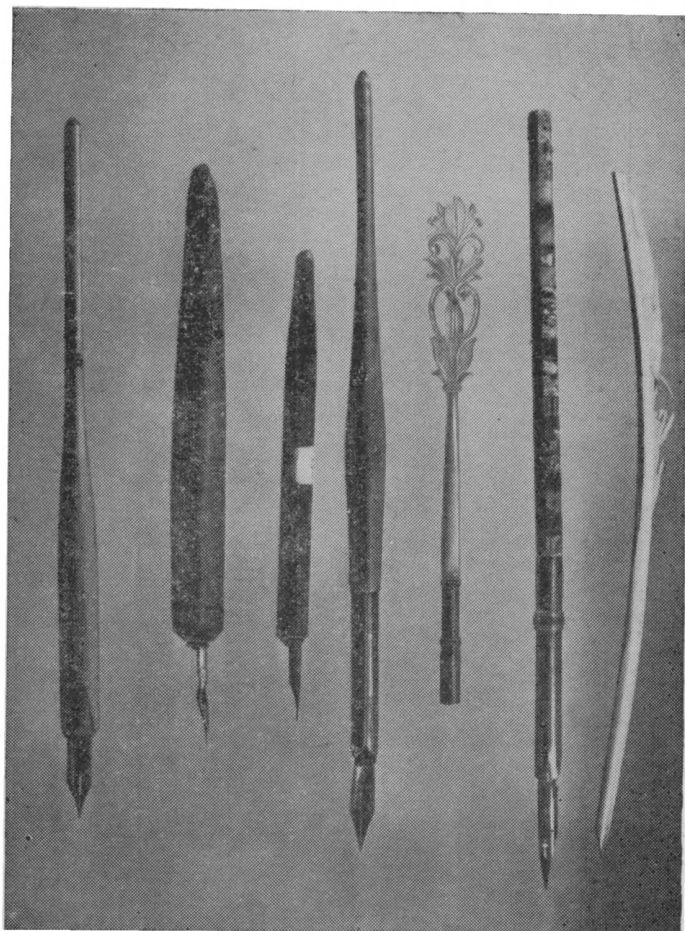
Для лучшаго писанія надобно, чтобы оба локтя были вѣ столу, чтобы животъ до стола не касался, а пѣло было нѣсколько наклонено на лѣвую сторону, дабы правая рука была пѣль свободнѣе, должно также, чтобы кисть о булагу не опиралась, ноги же равномерно были протянуты, а голова только нѣсколько наклонена.

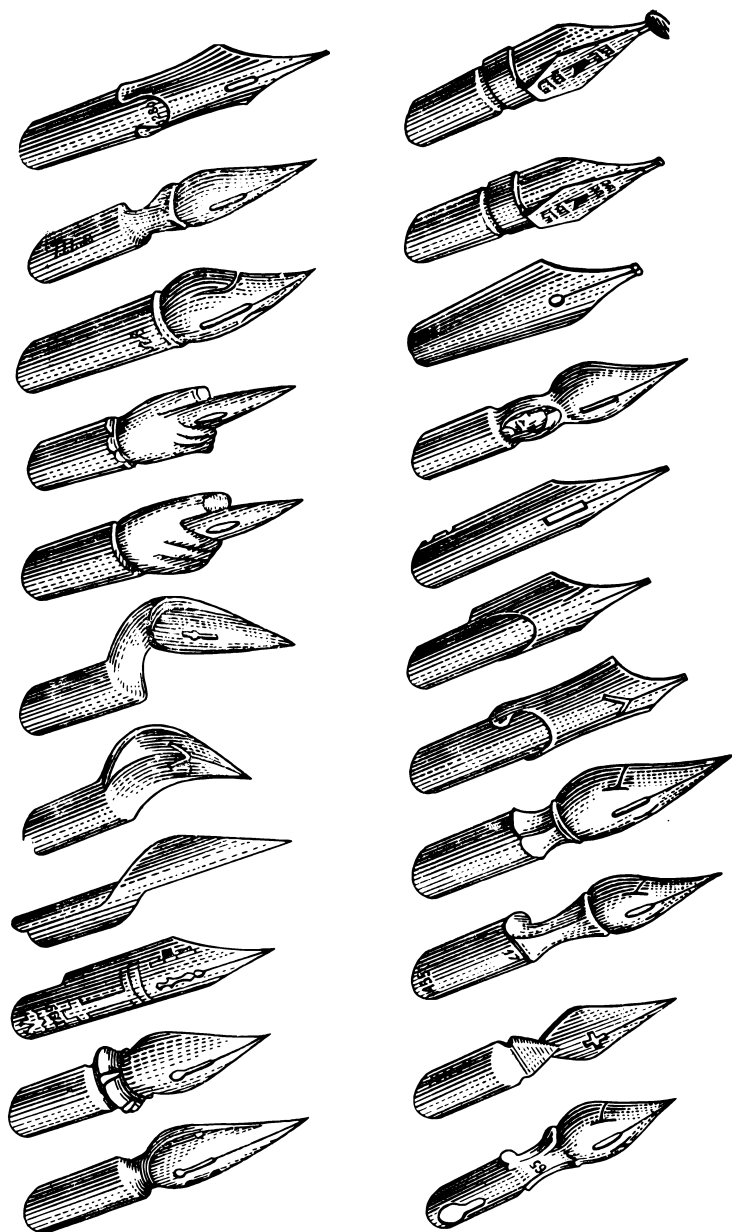
А. М. Рыков. Руководство, ведущее к удобному изучению
российского чистописанія. СПб., 1782

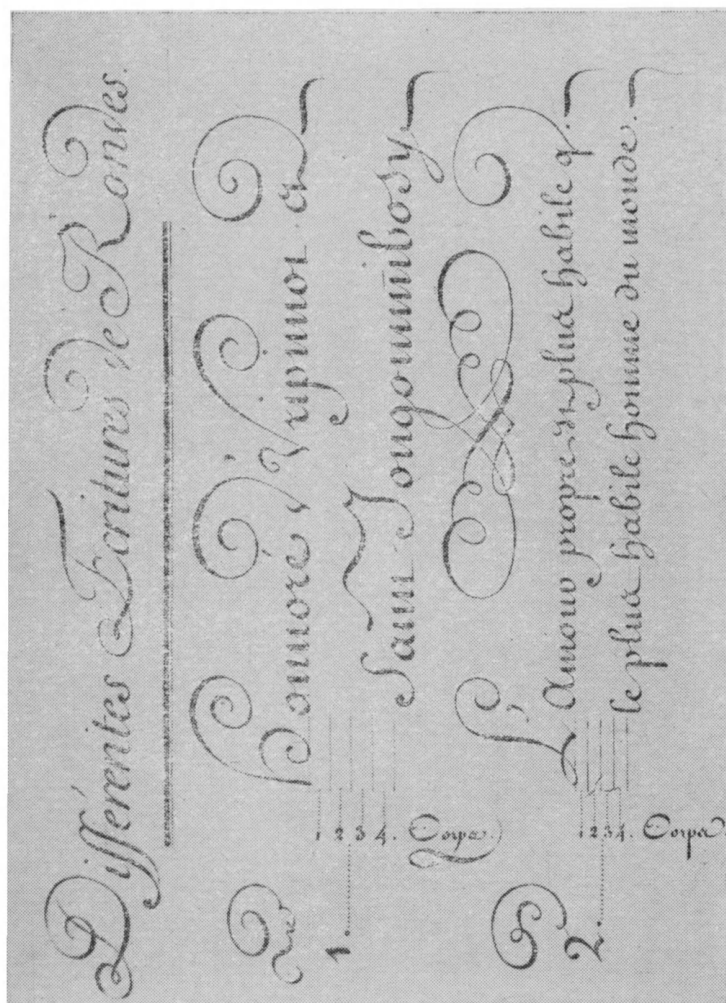
Руководство по чистописанию конца XVIII в.

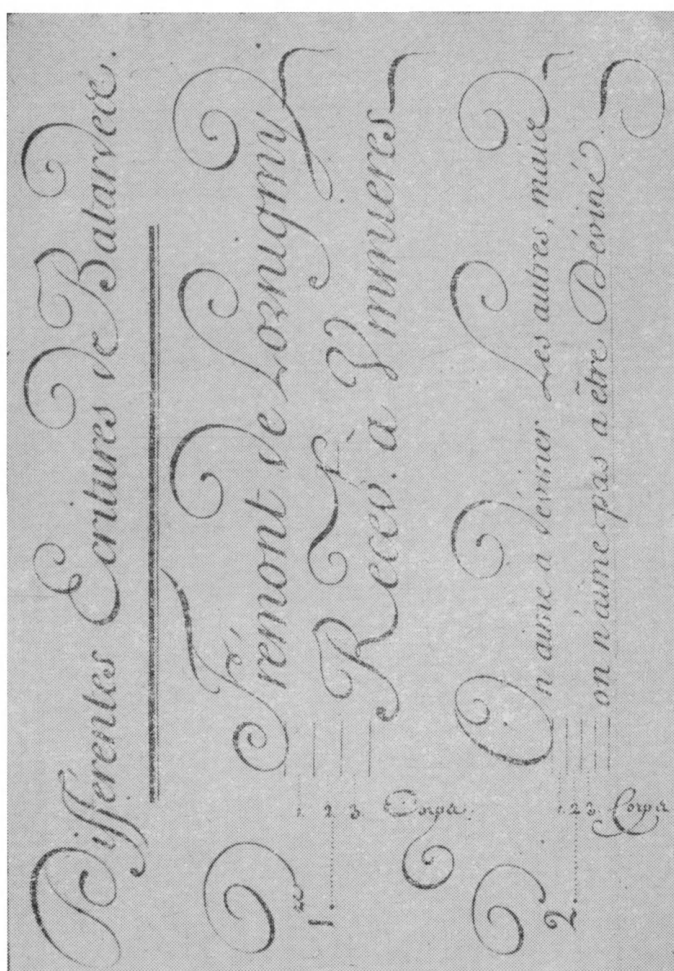
Ручки А. Н. Андреева, Е. Н. Чирикова (пробковая), Н. А. Морозова,
Н. А. Лейкина, И. С. Тургенева, Я. П. Полонского
и гусиное перо Ф. И. Тютчева

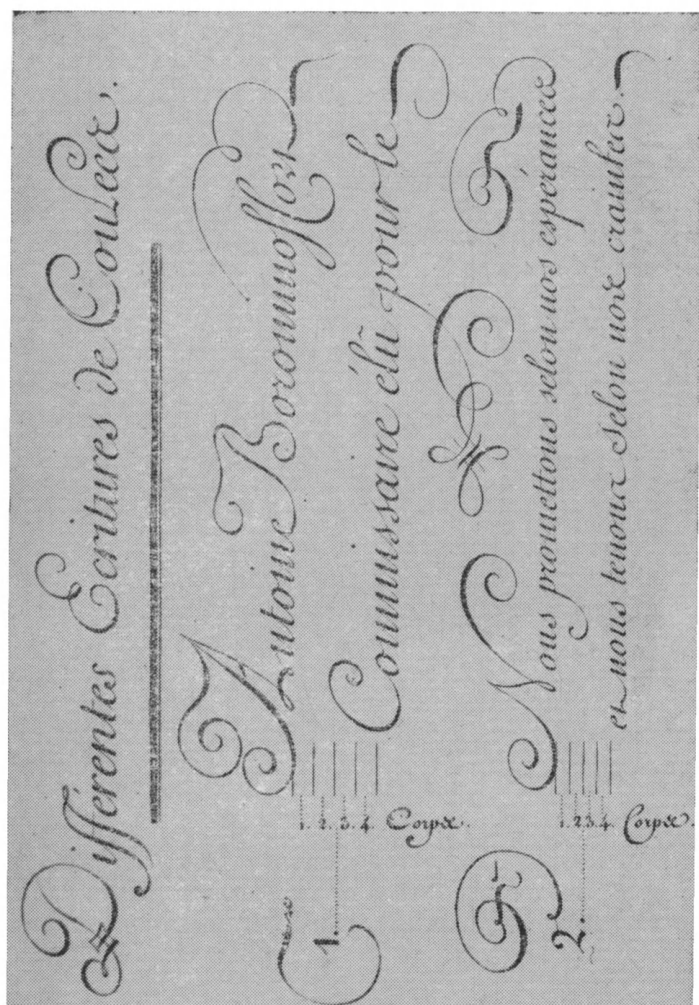
Различные типы металлических перьев

Образец почерка ронд (1763 г.)

Образец почерка бастард (1763 г.)

Образец почерка куле (1763 г.)

Зрѣновіе мое велико, прошу у
вашего Императорскаго Величества,
дозволенія приѣхать въ Петербургъ, но
велико мое и милосердіе ко вѣнѣ твоей.
поданнымъ. Милости твое и щедротѣ столь
обши и велики, Благодѣянія твоя столь велики
обильнѣ и многи, что всякому дають събыто
прибавнутъ ибъ тебѣ, наиб. ибъ истинному отцу.

Всеподданѣйшее прошение А. Н. Радищева, поданное императору
Павлу I в 1800 г.

№ 71. С. П. Держ. Д. Емелин, 1801 г. 12 д. 12
Милостивый Государь мой Граф Па-
вель Иванович.

Рекладе - Прозреть отношения ко
мне от сего письма уведомить о всео-
бществе Ол. Императорского Величества
повеления, Вашими Сиротствами Емелин
отвечать, о сиротствах для туре-
нических окончател. Выходит Выходит
на ко мне отношения; добрым себе
поставлю шить-вадь Милостивым Гоу-
дару моего извещения, что добрым
по сему письму отъ меня отбавлю, и
ко сего письма уведомить о сиротствах от
сего письма уведомить. Об отбавлении
поставлю шить-вадь Милостивым Гоу-
дару моего извещения, что добрым

Вашим Сиротствам

Милостивым Гоу-дару моему

Павель 12 д. 12
1801 г. 12 д. 12
С. П. Держ. Д. Емелин.

Павель 12 д. 12
1801 г. 12 д. 12
С. П. Держ. Д. Емелин.

Письмо Г. Р. Державина 1801 г.

Не говори: «забыл» или «испортился»,
Ведь будешь сама судьба своей вдовой».
Но лучше насъ намъ виденье невозможности
Скупишь дурь, не меркнувъ собой.
Но могила она возвышенна и широка,
Изъ ея дурь наша покатилась мерская.
«Живей дурь, себя возмужавъ только в мѣсяцъ,
Но усерднѣе возмужавъ дурь дурей»,
Тамъ иль тамъ иль — и вырветъ ея могила,
Не скажется она, что мажетъ ея вырвана,
Не скажется она, что ищетъ безтолкова...
Его судьба равно ея и сна.

[illegible]

Зиме наелана, серебряная иней,
и тонкими ерехом лиси
для Анны был торжок в кар в кармине,
и нурье ией. Сона локуней иная.
По помысливан е бунуи с поучебей
Далаз, бунто ~~милости~~ и передм. Чувстване
для чужде в мучиле - пороги
Потрафенно сибитсе, ахтанам.

Wagner

не. Мозкер

Монархия

21 NOV 1962

родные товарищи ленинградцы!

Мы знаем, как тяжело было жить, работать,
сражаться во вражеском окружении.
О вас то только вспоминали на всех
фронтах и воях в тылу. И отсюда
на далеком Урале, мы не расклевывали
клубок ниточки, думали о вас и труди-
лись, не покладая рук, чтобы ускорить
так ваше освобождение, и тогда, раз-
уши новейших изобретений в Водасе,
было не только за свою изуродованную
Украину, но и за те великие страдания,
которые причинили враги вам - ленин-
градцам... Вот так.

Мы ждали этого момента, когда
когда блокада будет разорвана и
великая советская страна прильнет к
груди пострадавшей, израненной совет-
ской дочерей освещенной великой славою Ленин-
града.

М. А. Шолохов

Письмо М. А. Шолохова ленинградцам (1941 г.)

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Материалы письма	7
1. Бумага	7
Водяные знаки (филиграни)	8
Бумага в творческом процессе	9
Этикет письма	11
Конверт	13
2. Грифельная доска	17
3. Чернила	18
Глава 2. Орудия письма	23
1. Гусиное перо	23
2. Металлическое перо	27
3. «Вечная» ручка	34
4. Карандаш	35
5. Шариковая ручка. Фломастер	37
Глава 3. Способы записи	39
1. Писарь	39
2. Пишущая машинка	42
3. Стенография	47
4. Магнитофон	57
Глава 4. Графика	59
1. Почерк	59
Проблемы почерка	59
Почерк и характер. Графология	71
2. Русская графика	75
Дукт	75
Из истории русской графики	78
3. Графическая (почерковедческая) экспертиза	93
Заключение	101
Основная литература	103
Терминологический словарь	104
Приложение	113

Соломон Абрамович Рейсер

РУССКАЯ ПАЛЕОГРАФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ (Неография)

Заведующая редакцией *Т. Г. Липкина*. Редактор издательства *А. С. Янкова*.
Младший редактор *О. Т. Ускова*. Художник *В. И. Мешалкин*. Художественный
редактор *Г. А. Коленкова*. Технический редактор *Л. А. Григорчук*. Корректор
Т. Д. Венедиктова

ИБ № 3415

Изд. № Ист-283. Сдано в набор 22.03.82. Подписано в печать 26.08.82. А-06636.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Объем 7,14 усл. печ. л. 7,35 усл. кр.-отт. 7,58 уч.-изд. л. Тираж 10 000 экз.
Зак. № 392. Цена 25 коп.

Издательство «Высшая школа», Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Хохловский пер., 7

Сканирование - *AbsurdMan*
DjVu-кодирование - *Беспалов*

25 коп.

ВЫСШЕЕ
ОБРАЗОВАНИЕ

С. А. РЕЙСЕР

*Русская
палеогеография
нового времени*